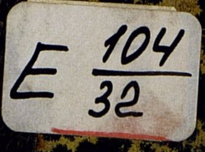

E 104/32

E $\frac{104}{32}$

СЛОВО
О
ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

А. Потебни.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филолог. Записокъ».

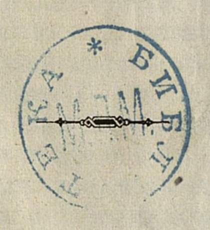
ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1878.

СЛОВО
О
ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

А. Потебни.

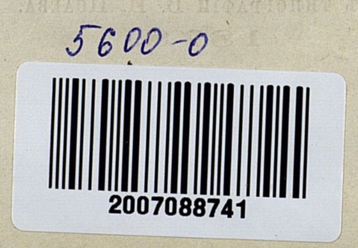
Отдѣльный оттискъ изъ «Филолог. Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1878.

Дозволено Цензурой. Москва, 28 Августа 1878 г.

5600-0

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

Предисловіе.

Коснувшись въ своей статьѣ „Малорусс. нар. пѣс. по списку XVI в.“ (Филолог. Зап. 1877. II) нѣкоторыхъ мѣстъ Слова о полку, рѣшаюсь собрать и остальныя свои замѣчанія, относящіяся къ этому памятнику. Невездѣ ссылаюсь на своихъ предшественниковъ, частью потому, что многое стало уже общимъ достояніемъ, частью же потому, что у меня небыло возможности ознакомиться съ обширною литературой „Слова“ на столько, чтобы строго отдѣлить свое отъ чужого. Неимѣя намѣренія замѣнить своимъ прежнія лучшія изданія „Слова“, я некасаюсь многаго не только до поры необъяснимаго, но и болѣе—менѣе объясненнаго.

Текстъ привожу въ видѣ исправленномъ по мѣрѣ разумѣнія. Болѣе крупныя поправки обозначаю косымъ шрифтомъ, ставя въ скобкахъ ( ) чтеніе изданія 1800 г. Относительно звуковъ было бы нетрудно достигнуть большей послѣдовательности и цѣльности языка, устранивши все книжное, напр. ставя вездѣ *роз-*, полногласныя формы, *ч* вм. *щ*, *ж* вм. *жд-*, *-ого* вм. *аго*; но въ такомъ исправленіи было бы не менѣе произвола, чѣмъ въ предлагаемомъ, такъ какъ смѣшеніе формъ книжныхъ и народныхъ, древнихъ и новыхъ (какъ причастія и дѣепричастія, *я* и *ѥ*, *и* изъ конечнаго ѧ) было уже и въ письменномъ языкѣ XII в.

Подобно многимъ, и я считаю „Слово“ произведеніемъ личнымъ и письменнымъ. Исходя отъ признанной уже,

напр. Максимовичемъ, необходимости нѣкоторыхъ перестановокъ, я пришелъ къ предположенію, что въ „Словѣ“ многое не необходимо, многое стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Кажется, что списокъ, дошедшій до насъ въ изд. 1800 г. ведетъ свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть можетъ конца XIII или самаго начала XIV в.) въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить. Для самого автора могло быть неясно, какія изъ амплификацій первоначальнаго текста окажутся нужными, какія излишними при окончательной редакціи, до насъ недошедшей или и вовсе неосуществленной. Сверхъ того, кажется, въ текстъ внесены глоссы одного или болѣе чѣмъ одного переписчика. Этимъ путемъ я пытаюсь объяснить между прочимъ темное мѣсто „рекъ Боянъ и ходы...“ Перестановки я обозначаю въ выноскахъ, предполагаемыя вставки автора и глоссы ставлю въ такія скобки [ ].

Построеніе періодовъ въ „Словѣ“ книжное; таковы же нѣкоторыя выраженія, а быть можетъ и свѣдѣнія; но до сихъ поръ невѣроятно то, что оно сочинено по готовому византійско-болгарскому или иному шаблону и, наоборотъ, до сихъ поръ крѣпко стоитъ мнѣніе, что мы незнаемъ другого древнерусскаго произведенія до такой степени проникнутаго народнопоэтическими стихіями. Согласно съ этимъ мнѣ кажется не безплоднымъ стремленіе, по примѣру прежнихъ изслѣдователей, отыскивать сходство „Слова“ съ произведеніями устной словесности. Сравненія этого рода съ одной стороны могутъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста „Слова“, съ другой возводятъ нѣкоторые народнопоэтическіе мотивы ко времени не позже конца XII в. и такимъ образомъ вносятъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ.

8 Сентября 1877.

А. Потебня.

СЛОВО О ПЪЛКУ (*ПЛЪ-*) ИГОРЕВѢ [ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ (-Ъ-), В'НУКА ОЛЬГОВА].

I.

1. Не лѣпо ли ны бяшеть (*-ъ*), братие, начяти старыми словесы трудьныхъ (*-дн-*) повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святославличя (*-тъсл-ча*)?

2. Начяти (*-ча-*) же ся той (*тъй*) пѣсни по былинамь (*-ъ*) сего времени, а не по замышлению Бояню.

3. Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашетъся (*-тс-*) мыслию по древу, сѣрымь (*-ъ*) вълкъмь (*-омъ*) по земли, сизымь (*ши-мъ*) орьлъмь (*орломъ*) подъ облакы.

4. [Помьняшеть бо, рече (*речь*), пьрвыхъ (*пръ-*) временъ усобицѣ (*ѣ*)].

5. Тъгда (*то-*) пущашеть десять (ї) соколовъ (*-ъ*) на стадо лебедьй (*-ѣй*): который дотечяше (*-а*), та преди пѣснь (*пѣсь*) пояше старому Ярославу (*-сло-*), храброму Мьстиславу (*мсти-*), иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красьному (*-сн-*) Романови Святославличю (*-тъ-*).

6. Боянъ же, братие, не десять (ї) соколовъ (*-ъ*) на стадо лебедьй (*-ѣй*) пущаше, нъ своя вѣщія (*-а*) пьрсты (*пръ-*) на живыя (*-ая*) струны въскладаше, они же сами к'няземъ славу рокотаху.

7. Поч'немъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшьняго (*-шн-*) Игоря,

иже и стягну (*истягну*) умъ (-ъ) крѣпостию своѥю и поостри сьрдьця (*сердца*) своѥго мужьствъмь (*-жествомъ*) и (*нѣтъ у П.*), напълнивъся (*-плънився*) ратьнаго (*-тн-*) духа, наведе своя храбрыя пълкы (*плъ-*) на землю Половьцькую (*-вѣць-*) за землю Русьскую.

---

1. „Не лѣпо ли *бяшетъ*" переводятъ или настоящимъ („не прилично ли"), при чемъ игнорируется преходящее, или условнымъ („не слѣдовало ли *бы*", „не прилично ли было *бы*"), котораго нѣтъ въ текстѣ.—Авторъ, предупреждая мыслью дѣйствительность, представляя свой разсказъ уже начатымъ, спрашиваетъ: „не прилично ли *было* качеству событія начать не *такъ*, а поэтическимъ складомъ („старыми словесы"). Такая рефлексія, сколько извѣстно, не свойственна народной поэзіи.

—*Лѣпо*, прилично, умѣстно, съ предполагаемымъ ближайшимъ значеніемъ красоты, какъ на оборотъ во многихъ словахъ замѣчается переходъ отъ сходства, умѣстности, своевременности къ красотѣ [1]).

---

[1]) Отъ совмѣстности къ умѣстности: Скр. *jукта-м*, junctum, «also vereinbar, passend, schicklich», Pott. Et. T. 2, 1, 505; *прати—рупа*, сходный, приличный.

съличьнъ, собств. что вмѣстѣ съ лицомъ, отсюда сходный, какъ *различьнъ* несходный. Серб. *слика*, was zusammen passt, par, simile: «нашла слика прилику». *Прилика*, ровня, подобіе, вѣроятность какъ сходство, примѣръ. Чеш. sličný, приличный, пригодный и прекрасный, поль. śliczny—только въ послѣднемъ значеніи. Мр. «люблю, мати, того Грицяˑ.. бо вiн парень *до лиця* (=красивый), Лавренко, Пiснi 29. Въ слѣдующемъ «*не лице*» безъ всякаго обозначенія совмѣстности=неприлично: «намъ плакальщицу видѣть *не лице*, Рыбн. III, 364.

—Русск. *пристойный*, приличный, поль. przystojný—красивый. Ср. серб. «дjевоjке обjе лjепе, обjе су *пристале*, Vienac Kaćiću 62; по Карадж. *пристао*=прикладан, aptus.

—*Братие*, зват. отъ *братия* (а не отъ *братъ*, Тихонр.). Въ этомъ „обращеніи автора къ *читателямъ*" В. Миллеръ видитъ „одно изъ главныхъ доказательствъ книжности „Слова"" (Взгл. 61). Доказательствъ этого нужно искать не здѣсь. Какъ на извѣстной степени развитія и разговоръ состоитъ лишь изъ чередующихся монологовъ, такъ на другой, болѣе свойственной некнижнымъ, чѣмъ книжнымъ, и монологъ необходимо принимаетъ форму разговора. Сюда относится замѣчаемая въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ потребность говорить напр. не „я пойду туда-то", „я нашолъ то-то", а „я пойду, знаешь куда? туда-то", „я нашолъ знаешь что? то-то". Сюда—наклонность извѣстныхъ состояній языка къ употребленію потомъ изгоняемыхъ изъ рѣчи частицъ, какъ *ти* (въ Сл. о пол. Иг., о чемъ см. въ моей статьѣ, Мр. пѣсня XVI в. 8—10), *вѣдь*, *вишь*, *знашь*, мр. *бач*. Къ этому порядку явленій относится и обращеніе „братие", съ чѣмъ ср. напр.

Квкъ у насъ, братцы, было на тихомъ Дону
Нездорово, братцы, учинилося
(Кирѣев. пѣс. I, 90) и т. п.

—Вр. *суразица*, соб. сраженное, сброшенное и потому лежащее вмѣстѣ съ другимъ; откуда—противень, пара, сходство и далѣе *несуразный*, нелѣпый и пр.

Отъ сближенія по времени:

—*подобьнъ*, *удобьнъ*, *надобьнъ*, соб. по *добѣ* (порѣ, времени), у добы, на добѣ, и затѣмъ приличный, красивый: мр. *неподобный*, нехорошій; бр. мѣста такоя *припадобная* (прекрасное) Этн. Сб. I, 248; мр. *неподоба*, неприлично, некрасиво (Метл. 163, 209). чеш. podoba, образъ, наружный видъ, *красота*. поль. «siostra mniejsza i do tego podobniejsza (Wojć. P. II, 18)=болѣе красивая=nadobniejsza, какъ и въ Гродн. губ. дівчина *надобная*, id.

—*пригожь*, соб. что при времени, тотъ что годится (бр. пригож будзець и гетый хамут на гетакаго коня, Зап. Геогр. Об. по Этн. I, 411), красивый.

Сама собой падаетъ догадка Эрбена и др. (Смирновъ о Сл. о пол. Иг., Фил. Зап. 76 г. VI, 156), что „братие“ указываетъ на сообщество пѣвцовъ.

—*Начяти.... повѣстий*. Основываясь на винительномъ въ „почьнемъ.... повѣсть сию“, нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь *начяти* вовсе безъ дополненія, а „трудьныхъ повѣстий“—дополненіе къ „старыми словесы“. Однако, нельзя рѣшительно утверждать, что невозможенъ родительный послѣ *начати*. Неговоря о случаяхъ, когда неопредѣленное произошло изъ достигательнаго и стоитъ послѣ глаголовъ движенія (напр. бр. ходзице жь вы ка мнѣ, к маиму дзицяци *караваю* начаци, Шейнъ Бр. п. 340), можно указать напр. „благослови, маци, сваиму дзицяци *караваю* начаци“, т. е. коровай мѣсить, качать, лѣпить и пр. ib. Такъ и въ малорусск., если не ошибаюсь, можно бы сказать: „чи не подо́ба було, почати пісні v. пісе́нь, казо́к“ Это могло бы подойти подъ категорію родительнаго ограниченнаго вліянія (bei beschränkter einwirkung, Mikl. Gr. IV, 488).

—*Повѣстий*. „Авторъ разсказываетъ не много повѣстей о походѣ Иг., а только одну“ (В. Милл. Взгл. 179—80). Поэтому-дѣ здѣсь слѣдуетъ разумѣть родъ литературныхъ произведеній, повѣсти о *трудахъ*. т. е. воинскія (ib.) или, какъ говоритъ Дубенскій, „повѣсти, въ которыхъ, описывались важныя или ироическія событія“ которыя будьто сначала „назывались трудными“ а потомъ—„умильными“. Однако, множественное число не всегда означаетъ раздѣльную множественность или родъ. Иногда разница между этимъ числомъ и единственнымъ трудно осязаема. Ср. въ началѣ Нест. л. „Се *повѣсти* времянныхъ лѣтъ“ и вслѣдъ за тѣмъ „се почнемъ повѣсть сію“. Въ Новг. I, 38: „присла владыку Митрофана съ всѣми добрыми *повѣстьми*“—значитъ не непремѣнно со многими извѣстіями, сообщеніями: можетъ быть всего съ однимъ. Поэтому невижу надобности относить мн. ч. *повѣстий* къ другому объэкту, чѣмъ ед. *повѣсть* сию, т. е. о Полку Игоревѣ.

—*Трудьныхъ* п. =печальную повѣсть, какъ понимали

первые издатели („прискорбную пѣснь въ изд. 1800; „жалостную“ въ переводѣ при Екатерин. сп.).

Въ *трудъ*=цер.-слав. *трудъ* (отличномъ отъ цер.-слав. *трждъ*, болѣзнь, поль. trąd, проказа) замѣчаются значенія:

а) Усиліе, работа, въ томъ числѣ и воинскіе труды („рати... и труды... и войны, Ип. л. подъ 1227, В. Милл. Взгл. 180), какъ и князь „добрый страдальць за Русьскую землю“ есть работникъ преимущественно на ратномъ полѣ.

б) Тяжесть: „о вѣтре... чему мычеши... стрѣлъкы на своюю *нетрудьною* крильцю“, Сл. о пол.=на легкихъ; серб. *трудна* жена, поль. ciężarna, чеш. těhotná, сл. žena s utěžkem, беременная, gravida.

в) Болѣзнь: бр. *трудиться*, долго быть больнымъ, страдать тяжкою болѣзнью; *трудный*, *-оватый*, больной: „Онъ болёнъ—труденъ добрый молодецъ, Онъ болёнъ—труденъ, весь израненный“. Н. п. Моск. Сб. I; ср. laborare.

г) Печаль, какъ бремя (ср. gravis, печальный и sarcina, связка, сумка, огорченіе, печаль); *страдати*, работать и испытывать страданіе; *тугá* соб. тяжесть, потомъ печаль; на оборотъ отъ страданія къ работѣ: болг. *мжка,* трудъ, серб. *мука*, дѣло, *замучитисе*, потрудиться; болг. „*спечълил* много иманѥ“ приобрѣлъ трудомъ. (мр. загорював, розгорював собі); чеш. trud, prace, unaveni, smutek; „время живота моего мало и полно труда и злыхъ дѣлъ“ Ип. 114, 2; сюда въ Сл. о п. „синеѥ вино *съ трудъмь* съмѣшено“, горькое, съ горемъ смѣшанное. [2])

---

[2]) Въ народной поэзіи тяжелая работа, тяжесть—обычные символы прискорбнаго, печальнаго:

Хоче ії мати за Івана 'ддати.
Вона Ивана з роду нелюбила,
А по його сліду каменем покотила:
„Ой як мені важко сей камінь котити,
„То так мені важко за Іваном жити!“
...Вона Степана з роду любила,

2. *Начяти же- - -Бояню.*

Же противительное повѣствованіе „по былинамъ" противополагается „старымъ словесамъ" и, какъ частному ихъ случаю, „замышленію Бояню." Противополагаются понятія однородныя: форма прозаическая поэтической. Поэтому я неразделяю мнѣнія, что „здѣсь дѣло идетъ о *содержаніи* замышляемаго разсказа, какъ въ предыдущемъ дѣло шло о его *формѣ*" (В. Милл. Взгл. 180). Конечно, форма словеснаго произведенія опредѣляетъ до нѣкоторой степени его содержаніе и простой разсказъ о событии не то, что „замышленіе" по поводу этого событія. Принимая „трудныхъ повѣстий" за дополненіе къ *начяти*, немогу здѣсь усмотрѣть ни малѣйшаго намека на то, что „въ языкѣ и складѣ произведенія (формѣ) авторъ считаетъ приличнымъ слѣдовать воинскимъ повѣстямъ, но содержаніе его повѣсти должно быть исторически вѣрно", что „авторъ во внѣшней

А по його сліду персником покотила:
„Ой як мені легко сей персник котити,
„То так мені легко за Степаном жити!"
Метл. 115—6.

Лучче-ж мені, мати, важкий камінь зняти,
А ніж мені нелюбого сивим соколом назвати,
ib. 259; ср. 81.
Лучче-ж мені, моя мати, круту гору роскопати,
А ніж мені нелюбого соколоньком называти,
ib. 259, 260, 161.
A lepiéj to, lepiéj góry-lasy kopać,
Niźli się Iasieńku, w twojém sercu kochać.
Góry-lasy skopię, jestem sobie wolna,
W tobie się zakochać—nigdy'm niespokojna,
Pieś. ludu Krakow. 3.

Лакше је камење уз брдо ваљати, него се с лудим разговарати, Караџ. Посл. 116; ками ономе (т. е. тяжело), кога бију; ками ономе, ко туђ кам премеће (тешко ономе,

сторонѣ своего произведенія слѣдовалъ литературнымъ образцамъ, воинскимъ повѣстямъ византійско-болгарскаго происхожденія“ (В. Милл. ib.).

3. Б*оянъ бо вѣщий* ...*облакы*. Изъ собственнаго имени нѣкогда сдѣлали нарицательное имя поэта, между прочимъ въ томъ предположеніи, что оно сродно съ *баять* и *баюнъ*. Постоянное *о* въ Б*оянъ* ближайшимъ образомъ указываетъ на *бояти*(*ся*); это имя, данное ребенку или трусливому, или тому, появленія коего на свѣтъ почему либо

ко није код своје куће, него туђ посао ради):ками ти у срце! ками мајци (=тяжело будь твоей матери, а по симпатіи и тебѣ), ib. 138. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ горе—камень, тяжесть на серцѣ: Мр. „тяжко—важко, на серденьку трудно“;

Ťažko je mňe, ťažko na srdečku mojem,
Jak by naňho vuožiu sedem centů kameň,
Suš. Mor. P. 254.

Да су моје туге, как су туге драге!
Али моје туге јесу јако (=очень) тежке:
Кад би само, мале, *) на камен спадале,
Камен би разбиле на маково симе.
Kolo, III, 1843.

Ты негнись-ко, половочка, неложись, переводинка:
Что не я тяжела иду, тяжело горе-кручина,
Терещенко Б. Р. Н. II, 248.

Изъ подобнаго представленія развивается цѣлый разсказъ. Герцогъ Стефанъ

Он је силну сакупио војску,
Ал је силну уцвјелио мајку:
Код свакога (изъ взятыхъ) стара мајка плаче,
Код Милете сестрица Милица.
Кад дођоше на *то* (живо представляемое) море синье,

*) *Мале* въ смыслѣ междометія «о мать!», какъ мр. матінко! вр. матушки! батюшки свѣты!

боялись, какъ *Стоянъ*—стойкій, или—которому желали стоять, т. е. жить (въ виду того, что прежнія дѣти нестояли, мерли), *Жданъ*, *Нежданъ*—жданный, нежданный, *Жадѣнъ*, *Хотѣнъ*, *Бажанъ*—желанный. Невижу возможности видѣть въ *Боянѣ* что либо спеціяльно болгарское (В. Милл. Взгл. 129). Это имя столь же русское, какъ и болгарское. Такъ какъ все, что говорится въ Сл. о п. о *Боянѣ* можетъ быть объясненно безъ всякой миѳологичности (о *растѣкашеться* и пр. см. въ моей статьѣ Мр. п. XVI в. 48—50) то свѣдѣніе, сообщаемое Ліутпрандомъ о сынѣ Болгарскаго

И сједоше на лагане лађе,
Остадоше мајке кукајући,
А Милица с Милетом отиде.
Сузама је сестрица Милица,
Сузама је море замутила,
А *јадима уставила лађу*:
Нико неможʼ да отисне лађе.
Ал беседе три возара млада:
„Да пустимо Милету с Милицом,
„Еда бʼ како отиснули лађу“.
Кад пустише Милету с Милицом,
Оде лађа марен пливајући;
А Милица с братом невајући,
Кар. Пјес. I, 556—7.

Отъ тяжести горя слезы тяжелы, какъ отъ его горечи они горьки, горючи:

Івасёви слёзи марне непропали:
На камінь спадали, камінь разбивали:
Zeg. P. II, 20.

Z velikeho žalu sluzenky kapaju
Na drobnem (=tvrdem, bilem) kamenci
(kameňu) jamky (důlky) vybijaju,
Mor. Pis. 254—5, 287.

Bodaj się, chłopczyno moje łzy zabiły,
Zeisznеr Pieś. l. Podhalan 64;
Побили-б тебе іх слёзи, Номисъ 72.

царя Симеона *Баянѣ*, который умѣлъ оборачиваться волкомъ (В. Милл. ib. 131), неимѣетъ отношенія къ нашему Бояну. Если Ліутпрандъ вѣрно передалъ имя Болгарскаго царевича (В*a*ianus), то можетъ быть и самыя имена различны, такъ какъ въ X в. славянское *о* уже существовало.

—Невидно, почему *вѣщий*, какъ эпитетъ Бояна, должно означать *мудраго чародѣя* (В. Милл. 119). Это только ничѣмъ недоказанная возможность, рядомъ съ которою существуетъ другая, что это слово здѣсь значитъ только словеснаго и, такъ какъ слово признакъ мысли, то разумнаго, пожалуй вдохновеннаго въ нынѣшнемъ немиѳологическомъ смыслѣ. (Бусл. И. Хр. 597).

Если невѣголоси соединяли съ этимъ словомъ мысль о чародѣйствѣ, то изъ этого неслѣдуетъ, что въ такомъ значеніи употреблялъ его и авторъ „Слова о п.“ о душѣ Всеслава, Боянѣ и его перстахъ.

4. *Помьняшеть- - -усобицѣ. Тъгда... Тъгда* отношу къ „аще хотяше пѣснь творити“ и считаю неудовлетворительнымъ переводъ: „онъ помнилъ... и *тогда* пускалъ. Передъ *тъгда*—предложеніе, стоящее внѣ связи между предложеніями Б*оянъ—облакы* и *тъгда* и съ этой точки лишнее. Б*о* въ немъ неимѣетъ винословнаго значенія (=*а* онъ помнилъ...) какъ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ Сл. о п.

—*Рече*, чтеніе Буслаева и Тихонр., указаніе на то, что авторъ зналъ это на основаніи свидѣтельства другого лица или другихъ лицъ. Ср. у Дан. Заточн. по сп. Унд. „Святополкъ, виноватъ будя, избив братію, но и тако ти ес(ть) крѣпокъ: „едва силою к вечеру, *рече* (=мр. „як той казав“; кто? лѣтописецъ или извѣстный говорящему разсказщикъ), одолѣ Ярославъ“, Бусл. И. Хр. 620; мр. „прийшлось сусідові, *мовляв* (=говаривалъ нѣкто, т. е. носитель народной пословицы), „хоть сядь да й плач“ (Гребенка).

—*Пьрвыхъ*—прежнихъ (ср. скр. *пу̂рва*, prior), или древнихъ (Mikl. Lex. s. v.; скр. пура̂, ante, olim), а не „первыхъ“ какъ переводятъ нѣкоторые.

5. *Тъгда.... Святославличю*. При пониманіи подъ *которыи* именит. ед. м. р. (т. е. соколъ) В. Миллеръ (Взгл. 182) усматриваетъ „нѣкоторую безсвязность“. Я ее немогу

замѣтить ни здѣсь, ни напр. въ мр. „було йіх богато: которий (v. який) піший, а который верхи". Если подъ *которыи* понимать род. ед. ж. р., зависимый отъ *дотечяше* (т. е. которой лебеди) (l. c.), то возникнетъ никакъ не меньшая безсвязность отъ отсутствія при *дотечяше* подлежащаго, хотя, конечно, формы род. ед. прилаг. на *ыи* есть въ Сл. о п. (среди земли половецькыи, средь земли Рускыи) и такое отнесеніе предполагаемаго родит. *которыи* возможно.

—*Красьному Романови* и ниже: *красьныя дѣвкы*. Максимовичъ: „Эпитетъ сей употребителенъ въ вр. пѣсняхъ и поговоркахъ, но въ украин. языкѣ почти совершенно утратился" (Жур. Мин. Нар. Пр. 1837 г. XIII, 47). Въ вр. это слово сохранилось какъ эпитетъ дѣвицы, а въ галицкорусск.—и дѣвицы, и молодца: „два молодці красних, дві дівоньці красних"; „красний паничу".

6. Б*оянъ же.... рокотаху.*

—*же*=но, противительное.

—Относительно всего образа замѣчу слѣдующее. И до сихъ поръ на молоткахъ встрѣчается изображеніе очей: остатокъ вѣрованія, что молотокъ видитъ и знаетъ, куда бить. Это вѣрованіе слишкомъ естественно, чтобы вызвать предположеніе, будто бы оно изъ средней Африки, гдѣ оно, кажется, существуетъ въ большей свѣжести, занесено въ Европу, или на оборотъ. Ср. серб. „сабля са очима", Кар. П. II, 107. Естественно также независимо отъ какого либо преданія удивляться тому явленію, обращающему на себя вниманіе психологовъ, что привычные пальцы сами знаютъ, какую струну тронуть. Отсюда „*вѣщиа пьрсты*", т. е. знающіе, умѣлые, искусные, а не непремѣнно „чародѣйные", ибо странно думать, что „оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости" (В. Милл. Взгл. 119) или казалось таковымъ вовсе не наивному (какъ это признаетъ и В. Милл.) автору о Сл. о п. Персты бьютъ съ налету, а потому знакомому съ соколиною охотою и употребленіемъ инструментовъ, въ родѣ гусель или бандуры, даже и невычитавшему въ книгѣ про „многоочитые персты" накладаемые Давидомъ на

„живыя струны“ (ркп. XVI в. Тихонр. Сл. о Пол. Иг. [2], 26—7), возможно было сравнить ихъ съ десятью быстроглазыми соколами. Число десять, какъ давно замѣчено, по числу пальцевъ, можетъ быть видоизмѣненіемъ пѣсеннаго образа стада соколовъ, изъ коихъ одинъ, „лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ“, налетаетъ на утицу (Сах. Ск. Р. н. III, 138, № 113; ср. ib. 110, № 113). Затѣмъ для струнъ оставалась роль найболѣе благородной добычи соколовъ, именно—лебедей, независимо отъ классическихъ преданій о предсмертномъ пѣніи этихъ птицъ и о восхваленіи ими боговъ (В. Милл. Взгл. 183—5). [3]) Соколъ налетѣлъ на стадо лебедей, ушибъ или схватилъ одну, а та ему взмолилась: это обычный пѣсенный образъ (Сах. Ск. Р. н. III, 32; Шейнъ Рус. н. п. 480). До пѣнья лебедей—струнъ недалеко отъ очень распространеннаго сравненія: „лебедь кикала (и кликала)... N плакала“ (напр. Сах. Ск. Р. н. III, 126, 150, Гуляевъ, Оч. Южн. Сиб. 41, Этн. Сб. I, 222; Рыбн. III, 367 и пр.). Гусли тоже плачутъ и заставляютъ плакать: Ср извѣстную мр. загадку о скрипкѣ (чеш. housle): „в лісі родилось, у городі хрестилось, а на рукахъ плаче“ и

„*Заиграли гусли* во высокомъ терему,
„*Пролилися слезы* по бѣлому лицу...
Взговорила (свѣтъ) Прасковья—душа,
Шейнъ, Рус. н. п. I, 455, 464.

Ср. также: „Соломонъ.... вострубилъ разнымъ голосомъ и труба говоритъ, что плачетъ...“, Пам. ст. рус. лит. II, 69. Въ болг. ср. Миладин. № 204.

Что лебеди—струны рокочутъ именно *славу князьямъ*, это вытекаетъ изъ того, что тѣ пѣсни, на которыя, какъ мнѣ кажется, встрѣчаются намеки въ Сл. о пол., которыя сопровождались у Бояна игрою на струнномъ инструментѣ,

---

[3]) Въ Лѣтописи подъ 1283 есть свидѣтельство, что въ волости князя Олега Рыльскаго и Ворлогскаго (нынѣ село Ворголь, Елец. у. Орл. г. Шевыревъ, Ист. рус. сл. III, 83) были ловища лебединыя, гдѣ ловили ханскіе сокольники, а конечно и княжескіе. П. с. Р. лѣт. VII, 177. Если были въ XIII в., то вѣроятно были и въ XII.

были именно хвалебныя. Заимствованіе и здѣсь и вездѣ возможно; но оно было бы вѣроятно лишь тогда, если бы указаны были мѣста болѣе сходныя въ частностяхъ съ разсматриваемымъ, чѣмъ мѣсто изъ Гомерич. гимна: „О Фебъ! тебя воспѣваетъ лебедь.... тебя.... пѣвецъ со звонкой киѳарой“ (Милл. ib. 185).

—*рокотаху*. Слово *рок-отъ* относится къ *реку*, *рьци*, какъ *топ-отъ*, *тъп-ътъ* къ *тепу*. Немудрено, что струны *живы*, если они *говорятъ*:

„Вы послушайте, ребята,
„Что струна-то говоритъ:
„Намъ жениться велитъ....

Струна струні стиха промовляе:
„Нема впину вдовиному сину,
Извів з'ума дівку сиротину.

Козак молоденькій....
....на скрипочку грає,
Струнва струнві правду вповідає:
„Нема стрему (т. е. с-триму) вдовиному сину;
„Звів з розуму молоду дівчину
(Купчанно, II. Буков. № 99).

Если справедливо (Mikl. Gr. II, 117), что *струна* одного корня со *слово* (=скр. çру), со вставнымъ т (какъ въ *о-стров-ъ*=о-токъ, кор. *сру*, течь), то она, значитъ, *говорящая*, а не только звучащая. Само собою, что въ Сл. о п. мн. ч. *струны* въ значеніи струнъ (раздѣльная множественность), а не струннаго инструмента, лиры, какъ въ ст.поль. (Bibl. Zofii, XV в.).

7. *Почьнемъ же.... мужьствъмь*.

—Вм. *почьнемъ* можно, хотя и не необходимо читать почьнѣмъ (повел.).

—*же*—противительное, какъ и выше: „но мы начнемъ повѣсть“ иначе, неразбѣгаясь мыслью и проч. и безъ рокота струнъ.

—*и стягну... и поостри*. Здѣсь повтореніе союза, а не малоруссизмъ (ис вм. съ) и не *ис=изъ*, какъ у Бусл. Русск. Хр. 93 (=вытянулъ, распростеръ). См. Милл. Взгл. 188. Относительно *стягну умъ*—сближеніе кн. Вяземскаго (Зам. на Сл. о Пол. 75): „препоясавше чресла помышленія вашего“ (1-е соб. посл. Ап. Петра), но *умъ* здѣсь mens въ смыслѣ воли, намѣренія, рѣшимости: стянулъ крѣпостью= крѣпко стянулъ, крѣпко препоясалъ рѣшимость, т. е. твердо рѣшился. Повидимому, это книжно. Ср. серб. „зна он, куд се опасује“=зна шта чини (Кар. Посл. 93), т. е. скорѣе: знаетъ, куда собирается, на что рѣшается. О твердомъ намѣреніи и осторожности, готовности встрѣтить препятствія:

О мој драги! *опаши се тврдо*,
Да ти ружа кроз пас непропадне
(т. е. чтобъ невыпала изъ за пазухи),
Да ти драга другом' недопадне,
Кар. П. I, 462.

—*поостри*... т. е. мужество его сердца изощряетъ его умъ, дѣлаетъ его намѣреніе непоколебимымъ. *Острота* приложима къ уму, какъ способности не только познавательной, но и практической. *Умъ* какъ вмѣстилище *похоти* (желанія) см. ниже. Серб. *наумити*, вознамѣриться. Относительно *остроты* ср. русск. *тупъ*—глупъ, мр. *тупиця*, тупой ножъ, топоръ, тупой человѣкъ; серб. „замлатио га Бог, па неповратио“ (о глупомъ), завернулъ, притупилъ его Богъ, какъ кузнецъ топоръ, и неотклепалъ, неотпустилъ (Кар. Посл. 84); „јао, мој тупи тупане! с тобом тупо, а без тебе зарубљено“, ib. 109 (=с тобом зло, а без тебе и горе, ib. 10), при тебѣ, съ тобою ничего неподѣлаеш (мр. „невтнеш“), потому что тупо, а безъ тебя „зарублено“, какъ обрубленный конецъ палки.

—Послѣ „почьнемъ... русьскую“ нѣкоторые предполагаютъ пропускъ; но это можетъ быть лишь перерывъ въ мысли автора, намѣреніе коего начать отъ старого Володимера такъ и осталось неисполненнымъ.

II.

8. Тъгда (*-о*) Игорь възърѣ на свѣтълоѥ (*-тлое*) сълньце (*солнце*) и видѣ отъ нѥго тьмою в'ся своя воя прикрыты,

9. И рече Игорь къ дружинѣ своѥй: „братиѥ „и дружино! лу*ч*е (*-це*) *ж*ъ (*г*) бы потяту быти, „нѥже (*-е-*) полонѥну быти“!

10. „А въсядѣмъ (*всядемъ*), братиѥ, на свои „(*-своя?*) бъ*р*зыя (*-ръ-*) комони, да позримъ синѥго „Дону!“

11. Успала к'нязю у умъ похоть (спала князю умь похоти) [и *ж*алость (*-а*) ѥму знамениѥ заступи] искусити Дону великого.

12. „Хощу бо, рече, копиѥ приломити конъ*ць* (*-ець*) поля Половъ*ць*каго (*-ецк*) съ вами, Руси*ч*и (*-ци*); хощу главу „свою приложити, а любо испи„ти шеломъ*мь* (*-омъ*) Дону“.

13. О Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сія (*-а*) пълкы (*-лъ-*) ущекоталъ, скач*я* (*-а*), славию! по мыслъ*н*у (*-ен-*) древу, лътая (*-е*) умъмь (*-омъ*) подъ облакы, с'вивая сл*о*в*еса* (*славы*) обаполы сего времени, рыщя (*рища*) въ тропу Трояню чресъ поля на горы!

14. Пѣти было пѣснь (*пѣсь*) Игореви *и* того (*Игореви того*) в'нуку:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля
широкая....
„Галич*ь*(*ци*) стады бѣжять (*-а*) къ Дону
великому...

15. Чили въспѣти было, вѣщ*ъй* (*-ей*) Бояне, Велесов*ъ* (*-ъ*) в'нуче:

„Комони р'жуть за Сулою, звенить слава въ Кыѥвѣ.....

8. *Тъгда*, т. е. въ то время, которое представляетъ себѣ авторъ, но которое выше вовсе неупомянуто. Такимъ же образомъ мѣстоим. указательное при имени можетъ указывать на извѣстность образа только говорящему, а не слушателю. Ср. ниже: „злата и серебра ни мало *того* потрепати".

—отъ нѥго—прикрыты, т. е. отъ солнца: солнце тьмою прикрывало вои, какъ ниже: „сольнце ѥму тьмою путь заступаше". Затмѣніе представляется дѣломъ самого солнца, а не враждебной ему силы; само солнце предостерегаетъ людей.

9. *луче—быти*. Неперешедши еще Донца Игорь былъ вовсе не въ такомъ положеніи, когда „уже нѣкамо ся дѣти" и остается на выборъ смерть или плѣнъ. Воротившись, можно было остаться невредимымъ, хотя, быть можетъ, и не безъ ущерба славѣ. Поэтому можно думать, что здѣсь традиціонное выраженіе „луче и пр." неудачно приурочено къ Игорю для выраженія его рѣшимости. *Бы*—въ *луче жь бы*, можетъ быть, лишнее, можетъ быть, только описка вм. *бы*ти, которое помѣщено ниже.

10. *въсядѣмъ* повелит.=*възсядьмъ*.

11. *успала—великого*. (См. В. Милл. Взгл. 190). И въ первоначальной рукописи могло стоять „Дон*у* спала князю *у*мъ похот*ии* жалость" въ смыслѣ „Дону. Успала князю у умъ похо-ть (трехсложно) и жялость". Аналогичные случаю (иде Угры=у Угры, ко тьстю своему Киевъ=своему у Кіев., Ип.) см. у Милл. 1. с. Ср. еще: „яко же бо утлу (т. е. у утьлу) тыков (во) ду(ли)ти, тако безумнаго учити", Дан. Зат. Сп. Унд. Рус. Бес. 1856, 2, 116. Подобные случаи доказываютъ, что въ старинной письменности могутъ скрываться долготы подъ простыми гласными и что дѣлаемое нѣкоторыми заключеніе отъ отсутствія обозначенія долготъ къ ихъ несуществованію въ стар.-русск. языкѣ ошибочно.— Несоотвѣтствіе между предлогами въ предполагаемомъ „*въс*пала *у* умъ" ни какъ не больше, чѣмъ въ обычномъ сокращеніи „вспало на умъ". Безпредложный винительный на вопросъ *куда* (*умъ*), хотя и предполагается въ языкѣ, но, сколько извѣстно, не встрѣчается.

„*Похоти и*“ вм. „похоть и“ есть не описка (В. Милл. Взгл. 191), а выраженіе правила. Автору или и переписчику, жившему не позже XIV в., конечное *ь* слышалось, какъ гласная, составляющая слогъ и сливающаяся съ послѣдующимъ *и* въ долгое ӣ, respect. *ии*. Ср. напр. „аже братья ростяжються передъ князем ѡ задницю, то, который *дѣчькыи̲дѣти̲и̲и̲хъ* (=дѣчькыйь идетъ^{и}ихъ) дѣлитъ, то тому взяти гривна коунъ“ (Рус. Пр. по Син. сп. Рус. Дост. I. 46); *ь* въ видѣ *и* даже передъ твердымъ слогомъ: „аще ти есть брат таковъ.... или служител*и* (=ль) кумиромъ, или пьяница.... с таковыми (=ымь, вар.—въмъ) ни ѣсти, ни пити, Злат. Цѣпь. Срезн. Пам. р. п. 270. Объ этомъ явленіи въ памятн. XI—XIV в. см. Ламанскій, О Слав. ркп. въ Бѣлгр. и проч. 53—6 (З. Им. Ак. Н. т. VI, I); Колосовъ, Очер. 75; въ моемъ соч. Къ истор. звук. 125.

Похоть (желаніе) и *жалость* синонимы: Святополкъ Окаянный говоритъ: „иждену ть мя и буду чюжь престола отця моего и *жалость* земля моѥя (тоска по родинѣ, желаніе видѣть, sehnsucht) снѣсть мя“, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 54; серб. жива *жеља*, desiderium; вр. *жалко*, желательно:

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной (=ной) бесѣдушки:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые...
Кирѣев. I, 19. Ср.

Недорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная (=*н*ая),
ib. 20.

—Выраженіе, поставленное въ скобкахъ [и жялость ѥму знаменіе заступи], прерываетъ грамматическую связь между *похоть* и *искусити Дону*. Если опустить это выраженіе, то періоды 11—12 покажутся началомъ повѣствованія совершенно особымъ и лишь случайно поставленнымъ послѣ начала заключеннаго въ 8—10. Въ 8 говорится о за-

тмѣніи *); въ 11—о желаніи князя отвѣдать Донской воды, которое должно было возникнуть до похода, во время коего усмотрѣно знаменіе. Не вставлено ли *и. жялость- - -заступи* лишь за тѣмъ, чтобы оправдать случайную и нарушающую хронологическій порядокъ событій послѣдовательность двухъ попытокъ начать повѣствованіе? Во всякомъ случаѣ, *и жалость—заступи*“ имѣетъ видъ маргинальной замѣтки, не у мѣста поставленной авторомъ или переписчикомъ: „пришла князу охота отвѣдать Дону и желаніе (это) заслонило ему (собою недоброе) знаменіе.

—Двѣ ли, такъ сказать, пробы пера въ 8—12, или одна, но кажется, что авторъ обращается къ Бояну (13) именно вслѣдствіе недовольства собою. Поэтому, послѣ характеристики пѣснопѣній Бояновыхъ, онъ предлагаетъ еще два (или три) начала (14—15) въ духѣ Бояновомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается духомъ народной пѣсни.

12. *Приломити* (сломить, а не надломать), *приложити* (сложить, а не приложить). Такое значеніе предлога сохранилось въ вр. говорахъ: „тутъ дубова эта мачта приломалась“, Барс. Прич. Сѣв. кр. 253, 34.

13. *Соло́вию.* Въ этомъ случаѣ мр. нар. указываетъ на общерусское старинное удареніе.

—*Стараго времени.* „Если Боянъ жилъ при Всеславѣ, то этотъ эпитетъ непонятенъ и такъ же страненъ, какъ если бы мы называли Державина древнимъ поэтомъ“ (В. Милл. Взгл. 120). Это было бы странно для человѣка, усвоившаго, какъ догматъ, опредѣленное дѣленіе исторіи или

* Затмѣніе (ѣ). Хотя имѣю въ виду замѣчаніе Ак. Грота (Филол. Разыск. II, 430), остаюсь при принятомъ правописаніи, предполагающемъ—*тьмѣ-ти*, *тьмѣ-вати*, *тьмѣнъ*. Отъ *тьмити* было бы—*тьмлюнъ*. *Надъмѣ*вати предполагаетъ *дъмѣ*ти, но *надъменъ*—отъ *дути*, *дъму* и къ написанію *надмѣнный* (ѣ) привело лишь то, что архаическое, книжное произношеніе *е* удаpяемаго передъ твердымъ согласнымъ за *ѣ*, а не за ё, принято ошибочно за доказательство того, что здѣсь *ѣ*. Форма *затмѣніе* вовсе не специяльно врусс., а лишь въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, ее можно бы сравнить съ *клеймить*, *клеймёный*.

литературы на древнюю и новую; но нѣтъ клейменой мѣрки для того, что называютъ стариннымъ, и мнѣ, напр. говорили: это пѣсня старосвѣтская; ее пѣлъ еще покойный NN" (умеръ въ 30-хъ годахъ).

—*Ущекоталъ*=ус-щ...=със-щ= о если бы ты (поль. o-byś) воспѣлъ по соловьиному, прыгая, о соловей, по мысленному дереву.

—*Мысльну*—по фантастическому, идеальному, тому, о которомъ говорится въ величальныхъ народныхъ пѣсняхъ. См. мою ст. Мр. пѣсня XVI в. 43—7, 49.

—„Лѣтая *умъмь*". Догадка, что слѣдуетъ читать *оръльмь*—неосновательна, хотя образъ здѣсь имѣлся въ виду такой, какъ у Дан. Заточн.: „и быхъ *паря мыслию* своею *аки орелъ* по воздуху" (сп. Унд. Русск. Бес. 1. с. 103). Въ противоположность этому ib.: „Тѣм и аз мут'ноумен охабихся (т. е. благодати), бояся, г(осподи)не, похуленія твоего. Есм бо, яко вретище обетшало, ходяи на начинаніе д(у)шею своею (=одиноко), ступая опаки (=назадъ) умомъ своимъ, *ползая мыслию яко змия* по камению" ib. 120.

—*Свивая слов(ес)а*. Поставить вм. *славы*—*слова* затруднительно, такъ какъ *слово* въ Сл. о пол. въ косвенныхъ пад. сохраняетъ -*ес*-: *словесы*. Въ дошедшемъ до насъ спискѣ *а* въ *славы* поставлено вм. *о*, какъ вѣроятно неразъ въ оконч.—*аго* вм. *ого* и какъ, на оборотъ, *о* вм. *а* въ Ярослову; -*ес*- могло быть опущено или означено титломъ; *ы* вм. *а*, какъ ib. въ „рѣки и озер*ы*", уныша забрал*ы*" (этихъ великоруссизмовъ немогло быть ни у автора, ни у первыхъ переписчиковъ), бѣд*ы*, ран*ы* вм. бѣд*а*, ран*а*; копія харалужн*ыя* вм.—ая (какъ въ поля широк*ая*). Предлагаемое чтеніе [слов(ес)а] основано на обычныхъ выраженіяхъ, какъ *словоизвитиѥ*, *извитиѥ словес* facundia, *извиты рѣчи*; серб. ових рјечи извитје (Mikl. Lex.); „аще т(и) есмь на рати не хоробръ, но на словех ти есмь крѣпокъ, да тѣм избираю сладо(сть) словесную, совокупляя, аки в мѣх воды морския, и *извитія* словес и рѣшенія притчами хитрыми" (Дан. Зат. Рус. Бес. 1. с. 105, Бусл. Хр. 619). Свиванье словесъ *вокругъ* (*оба-полы*, нарѣч. какъ въ Лавр.¹ 193 и въ Ип.¹ 40 „воевати обапол Волъгы") сего време-

ни есть какъ бы тканье пѣсни *о* событіяхъ нынѣшнихъ. Въ Задонщинѣ: „*составимъ слово къ слову*, возвеселимъ русскую землю“.

—*въ тропу Трояню*, въ слѣдъ. См. В. Мил. Вз. 107.

14. *Пѣти—великому*.

Обыкновенно относятъ *внуку* къ Игорю, при чемъ подъ *того* разумѣютъ то Олега Святославича, дѣда Игорева (изд. 1800 и др.), то Бояна („ужъ не потому ли, что Игорь, какъ Боянъ, летаетъ соколомъ подъ мглами?“ Малаш.), то Владиміра или Трояна (Дубен.), то рѣшительно Трояна: „Игорь называется внукомъ Трояна; какъ это ни странно, но грамматически другого смысла быть неможетъ“, (В. Милл. Взгл. 108). Я читаю *Игоревӣ* (долгое ӣ, т. е. Игореви и) и принимаю *Игореви* за дат. лица, въ пользу котораго направлено дѣйствіе, а *внуку* за дат. дѣйствующаго лица при неопред. *пѣти*. Авторъ, охарактеризовавши пѣснопѣніе Бояново, съ цѣлью показать, что только Боянъ стоялъ бы въ уровень съ задачею воспѣть Игоря, говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ: „(подобно этому) пѣть было (быть можетъ *успѣти* т. е. начать было пѣснь) Игорю (въ честь Игоря) и того (Бояна) внуку“. Авторъ могъ быть внукомъ Бояновымъ или по крови, что, конечно, не абсурдъ лишь для тѣхъ, кто считаетъ Бояна лицомъ не полумиѳическимъ или миѳическимъ, или по духу, какъ хранитель его преданій.

—*Не буря—великому*—запѣвъ въ стилѣ народной пѣсни, съ отрицательнымъ сравненіемъ. *Соколы*—Русь, *галки*—враги. Вм. *галици* (отъ *галица*) въ этомъ и еще двухъ мѣстахъ можно читать *галицъ* т. е. *галичь* (слово до нынѣ употребительное). въ смыслѣ собирательнаго согласуемаго со множественнымъ числомъ.

15. *Чили—Кыевѣ* = или (этому внуку, т. е. автору Сл.) начать было пѣснь, о вѣщій Боянъ, Велесовъ внукъ, (иначе): „Кони и проч.“.

—*Велесовъ в'нуче*. Что *Волосъ*, *Велесъ*—языческое божество, вовсе непредполагающее имени христіянскаго святого Власія—см. G. Krek, Veles въ Arch. f. Slav. phil. I, 134 сл. Утвержденіе, что въ звуковомъ отношеніи форма *Велесъ* есть болгарская, между тѣмъ какъ русская—только

Волосъ, врядъ ли можетъ быть поставлено подъ покровительство общаго положенія: пристрастія русск. языка къ *о* вм. *е* другихъ славянскихъ нарѣчій. Не думаю, чтобы можно было, согласно съ мнѣніемъ В. Милл. (Взгл. 79), отнести къ одной категоріи явленій съ одной стороны русск. начальное *о*=*ѥ* (одинъ=ѥдинъ), съ другой—*о* вм. *е* внутри словъ неполногласныхъ (бобръ—бебръ, полынь—пелынь), съ третьей—въ полногласныхъ (Волосъ—Велесъ). Если нѣтъ основанія считать нерусскими формы какъ *тебѣ, себѣ*, Несторово *Велыняне*, мр. *велетень*, вр. *пелевня*, бр. *пелескацъ*, *веребей* (Черн. у. Чубин. Тр. этн. экс. V, 557), стоящія при *тобѣ, собѣ*, *Волынь, волотъ, полова, полоскать, воробей*; то остается вѣроятность, что и форму *Велесъ* авторъ Слова могъ узнать не изъ болгарскихъ, а изъ мѣстныхъ источниковъ. Этотъ вопросъ требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что *солнечный* характеръ Велеса, нужный для предположенія, что Велесъ въ неизвѣстномъ болгарскомъ первообразѣ „Сл. о п.“ поставленъ на мѣсто солнечнаго Аполлона, покровителя и родоначальника поэтовъ (В. Милл. Взгл. 80), есть неболѣе какъ вопросъ. Соображенія относительно сродства Волоса—Велеса съ Перуномъ—у Аѳан. П. В. I, 693 сл. Въ отличіе отъ своего прежняго мнѣнія (Два Изсл. 2) я думаю теперь, что обѣ славянскія формы предполагаютъ *варс-ас*, съ чѣмъ ср. скр. *варшас*, дождь, *вршан*, дождящій, оплодотворяющій (эпитетъ Индры), *врша*—быкъ (какъ оплодотворитель) и пр. Въ звуковомъ отношеніи нѣтъ препятствій къ отнесенію сюда же и собствен. *Вършь*, польск. Warsz, откуда Warszewa, Warszowa, испорч. Warszawa. Тотъ же кор. съ суф. *-ск* (что въ начинательныхъ глаголахъ) можетъ быть въ *Върск-лъ*, нынѣшн. Ворскло, Ворскла, собств. орошающій. Есть вѣрованіе, что отъ звѣздъ зависитъ роса и дождь. (См. въ моемъ соч. О миѳ. знач. нѣкоторыхъ вѣров. 289—90; Номисъ, Приказки. 13). Согласно съ этимъ и отлично отъ толкованія у Аѳан. Поэт. В. I, 222 (*волосо-жары*= горящіе и свѣтлые волосы) [3]) тотъ же корень можно видѣть

---

[3]) Ср. „г҃ бываютъ слн҃ца, іли волосы простирая, іли погарая“. XIV в. Бусл. Хр. 533.

въ названіи созвѣздій: русск. *волосожары*, pleiades, цер.-слав. *власожельци*, *власожелишти*, испорч. *власежелишти*, *власожилишти*, id. (Mikl. Lex), хорут. vlasoželac, arcturus, гдѣ вторая половина родственнаго съ литов. žeriti, пылать, свѣтить, мерцать.

III.

16. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ: Игорь ж'детъ (*ждетъ*) мила брата В'севолода.

17. И рече *ѥ*му буй туръ В'севолодъ: „одинъ „братъ, одинъ свѣтъ свѣтълыи (*-тл-*) ты, Игорю: „оба *ѥ*свѣ Святославличя (*-тъс-*)".

18. „Сѣд'ла*и*, брате, свои бързыи (*-ръ-*) комо„ни, а мои ти готови, осѣд'лани, у Курьска на „переди;"

19. „А мои ти Куряне (*-и*) с'вѣдоми къмети: „подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣян*и* „(*-ы*), конѣць (*-ецъ*) копия въск*ърмлѥ*ени (*-ръ*); пути „им*ъ* (*-ъ*) вѣдоми, яругы имъ зна*ѥ*мы (*-и*); луци у „нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострен*ы* „(*-и*); сами скачють акы сѣрии (*-ыи*) в*ъ*лци (*-лъ*), „ищ*ю*чи (*-щу-*) себ*ѣ* (*-е*) чъти (*чти*), а к'нязю сла„в*ы* (*-ѣ*).

—Послѣ пробныхъ запѣвовъ (14, 15) авторъ уже на свой ладъ, какъ умѣетъ, начинаетъ повѣствованіе, при томъ съ самаго начала, со сборовъ въ путь, между тѣмъ какъ выше (8) была уже рѣчь о дурной примѣтѣ во время похода, о которой авторъ упомянетъ еще разъ (21).

16. *Трубы*... ставлю въ красную строку, послѣ точки. Обыкновенно это соединяютъ въ одинъ періодъ съ

предыдущимъ *Комони—Кыевъ*, но тотъ, изъ чьихъ устъ взято это послѣднее, смотритъ съ другой точки, чѣмъ тотъ, кто говоритъ *трубы—Путивлъ*; относительно Кіева, куда, по второму запѣву (15), доносится звонъ славы изъ Засулья, Новгородъ Сѣверскій и Путивль находятся не за Сулою.

—Трубы сзываютъ вои въ Игоревомъ Новѣгородѣ; [4]) въ Путивлѣ, у его сына Володимера *стоятъ стязи*, т. е. воткнуты, или подняты на сборныхъ мѣстахъ. Ср.

Що чине Митре, да чине,
Да развіе цървен байрак,
Цървен бајрак арамиски,
Да собере 'се дружина,
Милад. 237 и серб. пѣсни.

Игорь только еще ждетъ Всеволода, а послѣдній отвѣчаетъ: только ты готовься, а я уже готовъ; мои же Куряне не то что теперь готовы: ихъ и пеленали подъ трубами, и укачивали подъ шеломами, и вскормлены (пищею поданною имъ) *на концѣ* (*конъцѣ*, какъ выше *конъцѣ поля половъцъкаго*). Это похвала ихъ воинственности.

—*Коня сѣдлатъ*, собираться въ путь.

Ср. Вісі бајорај і Рігą јоја,
Мусу бролелеј жіргą балноја
(Юшк. Лит. н. п. 24),

Всѣ бояре въ Ригу ѣдутъ, а наши братцы коня сѣдлаютъ, т. е. еще готовятся въ путь.

—17. Въ *свѣтъ свѣтълый* В. Миллеръ (Взгл. 54) узнаетъ византійское ласкательное обращеніе «φῶς μου γλυκύ», свѣтъ мой сладкій, «φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτων», свѣтъ моихъ очей. Впрочемъ называть милое свѣтлымъ такъ естественно, какъ ходить на парѣ, а не на четверенькахъ. Ср. въ пѣсняхъ Рич. Джемса „милыи наши теремы“ и „свѣты вы наши высокія хоромы“, „свѣты браныи убрусы“, „свѣты—золоты ширинки“, „свѣты яхонты сережки“, „свѣта Бориса Годунова“ (Бусл. И. Хр. 1034—5); ср. также нынѣшнее вр. свѣтъ, свѣтикъ и восклицаніе—батюшки свѣ-

[4]) Ср. «Изяславъ... ударя у трубы съзва Кіяны» Ип'. 50.

ты. Параллелизмъ между свѣтлымъ, яснымъ, бѣлымъ и милымъ, прекраснымъ весьма широко развитъ въ славянскихъ языкахъ и совпаденія съ другими языками здѣсь многочисленны.

18—19. *Ти*, см. въ моей ст. Мр. пѣсня XVI в. 6—12.

19. *С'вѣдоми къмети*, извѣстные удальцы, см. ib. 8. В. Милл. 194—5.

—*Сами* скачуть, ср. Бусл. Гр. § 208, прил. 3, Сл. о пол. 86, 93.

—*Сърии вълци*. Эпитетъ обычный, народный. Сравненіе удальцовъ съ волками—не только въ Болг. пѣсняхъ (В. Милл. ib.), но и въ Сербскихъ.

—*Подъ трубами... въскърмлени*. Быть можетъ, образцомъ послужило пѣсенное величанье молодца, аналогичное съ слѣдующими величаньями женщинъ:

...Мала ти фала делиjо,
Ако т'jе льепша льубовца
Од мене виле од горе:
А њу jе маjка родила,
У свилен повоj повила,
Маjчиним мл'jеком доjила;
А мене вилу од горе,
Мене jе гора родила... Кар. I, 65.

„Вы деверьки—братцы... еще я не ваша невѣстка, а пяти братцевъ сестрица, отцова—матушкина дочка, въ новой колыбели колыханная, на бѣлыхъ рукахъ ношенная, противъ зеркала качанная, лилѣей тѣшенная (мальдита), золотыми ключами бавленная, Форт. Милл. Лит. П. 48—9.

IV.

20. Тъгда (*тог-*) въступи Игорь к'нязь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю.

21. Сълньце (*солнце*) ѥму тъмою (*тъм-*) путь заступаше; нощь стонущи ѥму грозою птичь убу-

ди свистъ; *звѣрина въста*: *узбися* (звѣринъ въ стазби) Дивъ, кличетъ (-*г*) върху (*връ*-) древа, велитъ (-*г*) послушяти (-*ша*-) земли незна*ю*мѣ, Вълзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурож*ю* (-*у*), и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскыи (-*ра*) бълване (-*лъванъ*).

22. А Половьци (-*ѣци*) неготовами дорогами побѣгош*я* (-*а*) къ Дону Великому: кричять (*крычатъ*) телѣгы (*тѣ*-) полунощ*и* (-*ы*), рьци (*рци*) лебеди роспужены (-щени).

23. Игорь къ Дону вои ведетъ (-*г*); уже бо бѣд*а* (*бѣды*) *ю*го пасетъ (-*г*) п'тич*и* (-*цъ*) по дубию (*подобію*); вълци (-*лъ*-) грозу въ*срашаютъ* (*въсрожатъ*) по яругамъ; ор̀ли клек̀тъмь на кости звѣри зовутъ (-*г*); лисици брешютъ (-*шутъ*) на чърл*ю*ныя (*чрълe*) щиты.

24. О рус*ъск*ая (-*ск*-) зе̂мле! уже за шеломян*ъм*ъ (-*емъ*) *ю*си!

---

20. *Тъгда*. Ср. 8 и частое въ мр. думáхъ „тогдi“, оттогдi, напр. Ант. и Драг. II, 3, слѣд.

21. *Сълнъце- -заступаше*. Вторичное упоминанiе о затмѣнiи.

—*Нощь* и проч.=другое предзнаменованiе: ночь гремя *ему* (dativ. commodi, такъ какъ предзнаменованiе касалось Игоря), страхомъ (или громомъ, такъ какъ *гроза* имѣетъ то и другое значенiе) разбудила птичiй свистъ; дичь встала (пробудилась); (гроза указываетъ на то, что) поднялся Дивъ, (это онъ) кличетъ.

—*Стонущи* переводятъ „ночь воемъ грозя ему“ (Дуб.) или „грозно ему застонавши“ (Малаш.); но *стонати* въ этомъ мѣстѣ можетъ быть въ значенiи скр. *стан-аја*-, лат. tonare, гремѣть, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ („о стонати русьской земли“; „въстона Кыюевъ тугою“)—въ значенiи скр. *стан-а*—στένω, stöhnen, стонать.

—Обыкновенно соединяютъ „свистъ звѣринъ“. *Свистъ* извѣстно только въ одномъ опредѣленномъ значеніи, sibilus (о человѣкѣ, птицѣ, преимущественно пѣвчей, стрѣлѣ, вѣтрѣ). Изъ звѣрей на югѣ Россіи, сколько извѣстно, свистятъ только овражекъ и байбакъ. Ихъ свистъ, если бы и было дознано, что они свищутъ испуганные, былъ бы слишкомъ незначительною чертою въ картинѣ ужаса, наводимаго грозою. Мѣсто Рыбн. II, 137 („въ лѣсахъ звѣри засвистали), на которое ссылается г. Тихонравовъ (Сл. о пол.² 30) слишкомъ уединенно и странно. Мнѣ оно сомнительно, а для объясненія разсматриваемаго мѣста Сл. о пол. ненужно.

—*Звѣрина* вм. звѣринъ, какъ „въступилъ дѣвою“ вм. вступил*а*, „съ нимъ“ вм. „съ нима молодая мѣсяца“. Относительно свойственности этого слова русскому языку, если бы было сомнѣніе, ср. „Мнѣ пива ня дзива, гарелка ня звирина, Шейнъ Бр. п. 479. Есть и въ мр. Здѣсь въ Сл. о пол. въ собирательномъ значеніи четвероногой дичи, какъ въ польск. и чеш., а не лютаго звѣря.

—При чтеніи *узбися* (ср. у Максимовича *зви*), основанномъ на столь частомъ опущеніи у=*въ* послѣ *у, ю* и другихъ гласныхъ (см. выше; ср. еще „идемъ по нихъ и луку моря, Лавр. 168, 2=у луку) становится излишнимъ непонятное „въ стазби“, которое то сближаютъ со *стадо*, предполагая невозможный переходъ *-д-ъби* въ *-зби*, то переводятъ „по степямъ“ (Дуб.), „въ стезѣ, на дорогѣ“ (Бусл.), „на пастьбищахъ (Малаш.). Узбитися (=възъ...) ср. съ мр. підбитися: Ти, мѣсяцю, підбивайся, Метл. 74, т. е. подымайся вверхъ.

—*Узбися* Дивъ, *кличетъ... велитъ*. Относительно употребленія постпозитивныхъ полносильныхъ сказуемыхъ тамъ, гдѣ могли бы стоять причастія или дѣепричастія (*кличя... веля*, по образцу „ущекоталъ... скачя... лѣтая“, Сл. о п. 30, скачють, ищючи 19, прегородиша ищючи 26, въсплакашяся а рькучи 60, сѣдиши... подпъръ... 83, плаваеши... ширяяся), ср. дремлетъ... гнѣздо далече *залетѣло*, 30; тучя... идуть, *хотятъ* прикрыти... 32; галичь... говоряхуть, хотять полетѣти 47. См. въ моемъ соч. Изъ запис. по Русск. гр. II, 141—3.

—*Дивъ кличетъ... велитъ послушяти*. Въ Сл. о п. *дивъ*—существо сродное или тождественное съ *нуждою*, *горемъ*, о чемъ см. ниже, въ примѣч. къ 74. Гроза, служащая дурнымъ предзнаменованіемъ, это—его угроза, похвальба, которая потомъ и исполнилась, когда „дивъ вържеся на землю". Горе любитъ хвастаться собою („а нѣтъ меня мудряя на семъ свѣтѣ", О горѣ зл. Бусл. Хр. 1377), тѣмъ что оно сдѣлало (стоитъ Горе, выхваляется: Вогнало я дѣвицу въ сыру землю, Шейнъ Рус. н. п. 322) или намѣрено сдѣлать:

На чистомъ полѣ Горюшко садилося
И само тутъ злодійно восхвалялося,
Што „тоска буде крестьянамъ неудольная".
Барс. Причит. I, 290.

Горе „*кличетъ* богатырскимъ голосомъ" (О горѣ зл. Бусл. 1377), какъ дивъ. Съ другой стороны *гроза* (громъ), которая въ Сл. о п. приводится въ связь съ дивомъ, можетъ быть, приписывается ему, имѣетъ значеніе похвальбы (О связи нѣкр. предст. 28, Фил. Зап. 1864 г.). Дивъ велитъ слушать свой кликъ сначала ближайшей странѣ „незнаемой", потомъ обращается къ болѣе отдаленнымъ: на востокъ—Волгѣ и Хвалынскому поморью, на западъ и югъ —Посулью, Сурожу, Корсуню и Тмутороканскому болвану.

—*Земли незнаемъ*, быть можетъ, географич. терминъ: Половецкой землѣ, степи, дикому полю. Ср. „трѣщять копия... въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половьцькыи". Въ Задонщинѣ: „тогда поля костьми посѣяны, кровьми поліяны, *бѣды* (по чт. Срезн. вм. воды) *возпиша* (ср. Дивъ кличать), вѣсть подаваша *порожнымъ* землямъ, за Волгу, къ желѣзнымъ вратамъ, къ Риму, до Черемисы, до Чаховъ, до Ляховъ, до Устюга, до поганыхъ Татаръ за дышущеемъ моремъ. Срезн. Изв. А. Н. VI, 348.

—*Тъм—бълванъ*. По мнѣнію Савельева (Изв. И. Археол. Об. I, 168) здѣсь разумѣется „нѣчто болѣе замѣчательное каменныхъ бабъ, какихъ цѣлыя сотни находились тогда и доселѣ еще встрѣчаются въ степяхъ южной Россіи... На Таманскомъ полуостровѣ, близъ Тмуторокани, почти до прошедшаго столѣтія стояли еще двѣ колоссаль-

ныя статуи, воздвигнутыя божествамъ Санергу и Астартѣ за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Комосаріей, супругой Босфорскаго царя Перисада. Ихъ-то или одну изъ нихъ могъ разумѣть пѣвецъ Сл. о пол. Иг.".

22. *Роспужены*, разогнанныя, вспугнутыя (*пудити* = поль. pędzić, откуда въ нынѣшнемъ русск. яз. *страхопудъ* пугало, *сороко-пудъ*, собств. гонящій сорокъ, lanius) (?). Чтеніе Тихонравова.

—*Рьци* въ значеніи сравнительномъ ср. съ образованными отъ повел. накл. частицами мр. *мов* (*мълви*), и вр. мр. *будь*.

23 = (Еще) Игорь къ Дону войско ведетъ, (а) уже Бѣда его (его *недоля*) кормитъ птицъ по деревьямъ (т. е. тѣлами его воиновъ). Предполагаю здѣсь воззрѣніе, сохранившееся до нынѣ въ народной поэзіи: Бѣда (resp. Доля, Недоля и т. п.) извѣстнаго человѣка, какъ причина его дѣйствій и состояній, или сопровождаетъ эти послѣднія своими дѣйствіями, или *предупреждаетъ*, какъ въ настоящемъ случаѣ. Къ сказанному объ этомъ въ моей статьѣ „О Долѣ" (Древности, Тр. Моск. Арх. О. т. I, 161 сл.) прибавлю слѣдующее:

„Какъ по моему великому несчастьицу
„Тутъ проклятая злодійка Безталаница
„*Впереди* меня, злодійка, *уродилася*,
„*Впереди* меня въ купѣли *окрестилася*
(Барс. Прич. 8, 34 сл.)

Безталаница (т. е. горе, недоля, несчастье) образовано отъ *таланъ*, какъ *неурядица* и т. п. и слѣдовательно должно имѣть одно *н*, а не два, какъ у Барсова. *Безталанница* значило бы не „недоля", а бездольная женщина.

„Ужъ какое то великое Безчастьицо!:
„*Впереди* меня, злодѣйно, снаряжалося,
„На судимую сторонушку справлялося
(т. е. въ домъ мужа),
„Во большомъ углу Безчастьицо садилося
ib. 8, 48 сл.
Въ нестатейномъ, знать, дворишкѣ гдѣ родилася:
Зло-безчастье тутъ велико устоялося,

Впереди оно, злодійно, дожидалося,
Сквозь неражи пеленченки розномокрыя
Зло-безсчастье тутъ ко мнѣ да пробиралося,
Кругомъ—на́околъ ремней да обвивалося [5]),
Во дырявоей люльчонкѣ, знать, со мной качалося,
Вдвое, втрое тутъ, злодійно накачалося;
Впереди оно, Безчастье, неукатится,
Позади оно, злодійно, неостанется,
ib. 63, 51—60.

Меня отдали на чу́жу какъ сторонушку,
Знать не участью—таланомъ надѣлили,
Злымъ великіимъ Безсчастьемъ наградили.
Ужъ какъ этое злодійное Безсчастьице
Впереди да въ божью церковь приходило,
Впереди да райскихъ дверей становилось,
Подъ златымъ оно вѣнцомъ да припасѣло
На буйную мою оно головушку.
Ужъ этое злодійное Безсчастьице
Кругъ налоя *впереди* да обскочило,
Впереди да въ путь-дорожку снаряжалось,
На судимую сторонушку скатилося,
За дубовой столъ Безсчастье собиралося,
Во почестной во большой уголъ садилося
За праву руку безсчастье ухватилося...
(ib. 276, 171 сл.).

—Форма *бѣды* въ именительномъ (какъ свекры) нигдѣ невстрѣчается, а заключеніе къ ней отъ прилаг. *бѣд-ов-ый* столь же неосновательно, какъ было бы предположеніе именительнаго ед. ч. *липы, березы* на основаніи формы *липовый, березовый*.

—Чтеніе „*уже бо Обида*“ вм. „*уже бо бѣда*“ (Веселовскій, Die Russischen todtenklagen, Rus. Revue. 1873, t. III, 515) излишне. *Бѣда* въ смыслѣ миѳологич. личности тоже понятно и нельзя доказать, что авторъ Сл. о п. зналъ только Обиду, а не Бѣду.

---

[5]) То есть змѣей, какъ и въ другихъ случаяхъ представляется «лихая година».

—Толкованіе *„бѣды его пасетъ птицъ*=птица пасетъ (т. е. стережетъ, блюдетъ, предостерегаетъ) его *бѣды* (родит.=ablat. т. е. отъ бѣды) подтверждено только сочетаніемъ съ родительнымъ удаленія глагола *пастися* чего, а не глагола *пасти*, что не все ровно (В. Милл. Взгл. 196). При томъ это пониманіе (доброжелательство птицы) что-то неладится съ *„орьли—зовутъ“*. *Пасетъ*—pascit, nutrit, но другіе переводятъ:„ птицы *алчутъ* его погибели“ (Дуб.), „птицы *ожидаютъ* его погибели“ (Малаш.), „надъ нимъ бѣду *чуютъ* птицы“ (Майковъ); „es lauert ihm sein böses schicksal in gestalt eines unglückbringenden vogels (des wiedehopfs—дивъ?) (Веселов. l. c.). Въ такихъ случаяхъ стояло бы вѣроятно „жьдеть“, „чюють“, *ловитъ* (lauern въ Русск. лѣтоп.—*ловити*). Если бы въ русск. яз. былъ глаг. *пазити*, attendere, то было бы *пазитъ*, а не пасеть.

—*Пътичи* вм. птиць—винительн. множ. отъ имен. ед. *пътичь*=цер.-слав. *пътищь*. Относительно конечнаго *и* (=ѥ, я=ѧ, какъ *комони* вин. вм. комоня), означеннаго посредствомъ *ь*, ср. ниже „*пръ* темнѣ березѣ“ вм. *при*-. Ср. въ Злат. Цѣпи, XIV, поуч. Серап.: не взяти ли быш(я) градъ (чит. градь) нашь (т. е. гради наши), Бусл. Хр. 495; не токмо въ Русь (=Руси), но въ Латѣнѣ, ib. 497. Такимъ образомъ читаю „Соколъ—*п'тичи* възбиваѥть„ вм. птицъ. Принимать здѣсь *птицъ* за винит.=родит. нельзя, такъ какъ въ этомъ памятникѣ даже имена одушевлен. мужескаго рода, идущія въ этомъ отношеніи впереди женскихъ, еще не сравняли винительнаго множ. съ родительнымъ: „на свои бързыя комони“. Во всемъ Сл. о пол. Иг. нѣтъ формъ отъ сущ. жен. *п'тиця*; всѣ восемь—отъ *п'тичь*, м. р.

—*Въс(с)рашаютъ*, или, судя по *о* въ *въсрожатъ* (изд. 1800), съ полногласіемъ: *въсорошаютъ*. *Ж* вм. *ш* поставлено переписчикомъ или первыми издателями и въ *пардуже* =пардуше; наоборотъ *щ* вм. *ж* въ *роспущени*=*роспужени*. *Въсрашати*, взъерошивать, подымать дыбомъ волосы; *въсорошенъ* (русск. фор.), взъерошенный (Вост. Сл. Цер.-Слав.): аще оуслышиши, яко створилъ ѥси вещь, ѥя же

нѣси створилъ, *не въсорошися* ни ражьжися, Пандект. Никона, Срезн. Св. и Зам. т II, 293, съ чѣмъ ср. подобное значеніе вр. *ерохониться*; ср. *сръхъкъ* (Mikl. Lex.). Такимъ образомъ *вълци—яругамъ*=волки взъерошиваютъ страхъ (грозу) по ярамъ, т. е. воемъ возбуждаютъ ужасъ. Быть можетъ авторъ связалъ слова *въсорошаютъ грозу* руководимый этимологическимъ чутьемъ, темнымъ сознаніемъ тавтологичности этого сочетанія, ибо само *гроза* въ значеніи страха, можетъ (не смотря на предполагаемую невозможность соотвѣтствія славянскаго *з* санскритскому *ш*) относиться не къ скр. *гардж* ревѣть (куда быть можетъ *гроза* въ значеніи грома), а къ тому скр, ḣрш, съ коимъ сходно ḣorreo и ḣorror=capillorum erectio.

V.

25. **Дълго** (*-лъ-*) **ночь мьркнеть** (*мрк-*); **зоря** (*-а*) **свѣтъ за***повѣд***ала** (*запала*), **мъгла** (*-г-*) **поля покрыла; щекотъ славій ус҆пе, говоръ галич***и* (*-ъ*) **убуди** *ся* (*убуди*):

26. **Русичи великая поля чьрл***е***ными** (*чрълe-*) **щиты прегородишя, ищ***ю***чи** (*-у*) **себѣ чьти** (*чти*) **а к'нязю славы.**

---

27. **Съ зарания въ пятъкъ** (*пятк*ъ) **потѣпташ***я* (*-о- -а*) **поганыя пълкы** (*плъ-*) **Половъцькыя** (*-вецк-*) **и росушяся** (*рассушясь*) **стрѣлами по полю, пом҆чяшя** (*-мчаша*) **красьныя** (*-сн-*) **дѣвъкы** (*-вк-*) **Половьцькыя** (*-вецк-*), **а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты.**

28. **Орьтъмами, и японьчицями** (*-ца-*) **и кожюхы** (*-жу-*) **нач***я***шя** (*-ча-*) **мосты мостити по боло-**

томъ и грязивымъ мѣстомъ [и в'сякыми узорочьи Половьцькыми (*-вьцк-*)].

29. Чьрлѥнъ (*чрьленъ*) стягъ бѣла хорюгъвь (*-овь*), чьрлѥна (*чрьле-*) чолька сребрено стружиѥ —храброму Святославличю (*-тьсл-*).

30. Дремлѥтъ (*-етъ*) въ полѣ Ольгово хороброѥ гнѣздо. Далече залетѣло! Небыло оно (*небылонъ*) обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный (*чръ-*) воронѥ (*-нъ*), поганый Половьчине (*-вч-*):

31. Г'за (*Гзакъ*) бѣжитъ (*-г*) сѣрымъ вълкъмь (*влъкомъ*), Кон'чякъ (*кончакъ*) ѥму слѣдъ правитъ къ Дону великому.

---

25. *Мъркнетъ*. Въ изд. 1800, *мркнетъ*, съ опущеннымъ *ъ*. Это, какъ и ниже (27) *пяткъ* указанія, что въ рѣчи автора и, быть можетъ, первыхъ переписчиковъ внутри словъ слышались глухіе. Что они слышались и на концѣ, видно изъ другихъ данныхъ. Предполагаю, что глаголъ на *-ну-* означаетъ не начинательность, какъ обыкновенно, а подобно начинательнымъ глаголамъ $\frac{\text{ѣие}}{\text{ѣ}}$, пребываніе въ состояніи: „долго ночь находится съ состояніи мрака“, т. е. не только кажется долгою, но дѣйствительно долга не по времени года. До нынѣ у простонародья существуетъ взглядъ, что для ночи и дня нѣтъ закона; напр. „сёгодня щось дуже рано сонечко схопилось“ и это неожиданность; потому что вчера оно встало поздно, потому что туч были на горизонтѣ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе мрачнаго утра, какъ это признано между прочимъ Максимовичемъ, Ап. Майковымъ. Я перевожу: „какъ только зоря предсказала свѣтъ, туманъ покрылъ поля (тоже своего рода ночь и разница лишь та, что) пѣнье соловьевъ (славий, род. мн.) уснуло (и) пробудился говоръ галичи (галичи=галичь (трехсложно), род. ед. собират.).

—*Зоря* отличается отъ *свѣтъ*, какъ въ мр. „ні світ, ні зоря“ т. е. не только до (полнаго дневного) свѣта, но и до пробрезга.

—*Заповѣдала*, какъ ниже „кръвавыя зори свѣтъ повѣдають“, „соловіи свѣтъ повѣдають“.

27. *ро(с)сушяся*. По Бусл. (И. Хр. 603) есть мр. выраженіе „рассулися стрѣлками по полю“. Неговоря объ томъ, что *рас-* въ мр. невозможно, такого выраженія невстрѣчалъ и Максимовичъ, иначе—онъ употребилъ бы его въ своемъ переводѣ. Ср. *росыпатися* о воинахъ: „Тако и Бонякъ судивый (=sędziwy, чеш. šedivý, сѣдой старый; ср. Бонякъ ше*лу*дивый, Лавр. 99, гдѣ *лу*, есть, быть можетъ, вставка переписчика) хитростію и победи Угры у Галича: онѣмъ нарядившимся на сступъ, а сіи яко ловцы россыпашася по земли“ (Дан. Заточн. Бусл. И. Хр. 621. О событіи—Лавр. 115, подъ 1097). Еще ближе вр. *разстрѣлятъся* (=росутися стрѣлами) о разсѣявшихся людяхъ:

И тутъ воры разбойники испугалися.
По дикой степѣ разстрѣлялися,
По камышничкѣ расширялися (размѣрялися?)
Чт. О. И. и Др. 1859, III, 127.
Всѣ станишиики перпугалися,
Во легкія лодки пометалися,
По синему по морю разстрѣлялися. ib. 128
(мое соч. О миѳич. зн. нѣкр. обр. 65).

28. *И в'сякыми—Половъцькыми*, можетъ быть, или позднѣйшая глосса, или вставка сдѣланная самимъ авторомъ и поставленная переписчикомъ не на мѣстѣ, вм. „и кожюхы, и в'сякыми—Половьцькыми начяшя“. Впрочемъ извѣстно, что по нынѣшнему словорасположенію нельзя судить о старинномъ. Ср. „убиша и (Романа) Половци... Суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля“, Лавр. 87 и т. п.

29. *Стягъ*, a) древко. Ср. нѣм. stange, др.-в.-нѣм. stanga (Mikl.); вр. *стягъ* колъ, хорут. stežen, чешск.

stěžeń, -žńu и -žńe, слов. sťažeń мачта, чеш. stežeń, stožar v stohu. Согласно съ этимъ *напяти стягъ* (Лавр.[1] 109, 4)—не развернуть знамя, а вздѣть, поднять ткань знамени на древко. Тоже: „стягъ его видяхуть невъзволоченъ", Лавр.[1] 140, 21—одно древко безъ знамени; „повелѣ (Святославъ) воемъ оболочитися во брони и стяги наволочити" (по ссылкѣ Дуб. Р. Дост. III, 52 на Ист. Кар. III, Пр. 187). Поэтому „чьрлѥнъ стягъ" и пр.=красное древко съ бѣлою хоругвію и красный бунчукъ (челъка) на серебрянномъ копьѣ (или древкѣ: „стружию")—Святославичу.

б) Самое знамя, ткань вмѣстѣ съ древкомъ; серб. *стијег*, барјак, застава. Согласно съ этимъ въ Сл. о пол. „стязи глаголють"—не „скрипятъ (Дуб.), шумятъ" (Малаш.), а скорѣе „плещутъ" (Майковъ), лепечутъ (Малаш.), лопотятъ (ср. о связи шума листьевъ и рѣчи въ моей ст. „О связи нѣкр. представл. 27, Фил. Зап. 1864).

—*Хорюгвь*, здѣсь и вообще—знамя въ смыслѣ ткани на древкѣ, хотя это слово тождественно по происхожденію съ русск. *курдюкъ* и предполагаетъ значеніе конскаго хвоста, бунчука: тюрк. *хойрук*, лошадиный хвостъ, тат. *куйрук*, хвостъ, монг. *урунгіе*, знамя (хоржгы, chorągiew), Матер. для ср. и объяснит. слов. I, 69, 325; Mikl. Fremdwört.

—*Чьрлѥнъ* и пр. связано съ предыдущимъ подразумѣваемымъ противительнымъ *а*, же: „а (v. и лишь?) почотная добыча—князю".

30. *Залетѣло*—полное сказуемое съ опущеніемъ *ѥсть* (какъ и у Максимов. Укр. 90), а не опредѣленіе (=залетѣвшее).

Обидѣ—дат. въ томъ смыслѣ, какъ „избивая гуси... *заутроку... обѣду... ужинѣ*" (Сл. о пол.); ср. „ѥмъ же ю (жену любодѣицю) и мучи, и пусти ю водити по земли въкоризнѣ (вар. укоризнѣ), а того любодѣица всѣкну, Ип.[1] 5; възложиша и̇ (Игоря) на кола, и везоша и̇ на Подолье на торговище, и повергоша поруганью, безаконнии!" Ип.[1] 34, Mikl. Gr. IV, 611—12. Перевожу: „небыло оно (гнѣздо) рождено *для обиды* ни соколу...", т. е. чтобы его

обижалъ соколъ и кречетъ, *тѣмъ менье* чорный воронъ. Оно съ роду не давало себя въ обиду, и вотъ точно (согласно съ этимъ) Гза бѣжитъ, а Кончакъ впереди, дѣлаетъ ему (правитъ) слѣдъ (или иначе, о чемъ ниже, прим. къ 31). Они бѣгутъ отъ Руси, а не на встрѣчу (Майковъ). Этотъ проблескъ удачи оттѣняетъ слѣдующее за тѣмъ пораженіе.

Въ 30—31 вовсе невидно противоположенія, въ родѣ той противоложности пожеланій и надеждъ родительскихъ и ихъ осуществленія, какая въ слѣдующемъ:

„Безпечальна (винит.) мати меня породила,
„Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
„Драгими порты меня одѣвала
„И отшедъ, подъ ручку посмотрила:
„„Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
„„А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!“
„*Какъ бы до вѣку она такъ пророчила*!
........завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлешеньку
А что (=а между тѣмъ) родился головенькою!
О Горѣ Злоч. Бусл. И. Хр. 1378.

Лишь въ связи съ послѣдующимъ разсказомъ о пораженіи Игоря и пр. *порождено* даетъ противоположность лучшей участи, которой было достойно храброе гнѣздо, и его несчастья.

Чтеніе „небыло *въ* обидѣ порождено“ (Тихонр.), если бы было нужно, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, давало бы смыслъ, что *обида*, какъ отвлеченное понятіе [6]) есть та среда, въ которой небыло рождено хороброе гнѣздо, т. е. когда оно родилось, тогда его необижалъ ни соколъ, ни.... [7])

[6]) а не миѳич. лицо, двойникъ, духъ-спутникъ человѣка, раждающійся вмѣстѣ съ человѣкомъ (моя ст. о Долѣ 21; Изъ зап. по Русск. грам 99 пр.) и имѣющій впослѣдствіи обнаружить свою враждебную дѣятельность.

[7]) Въ этомъ смыслѣ выраженіе «въ обидѣ» въ слѣд.:
Божьи денечки *въ обиды* провожаются...
Барс. Прич. 179, ст. 200,
съ чѣмъ ср.

Съ этимъ гармонировали бы не дательные „соколу“, „кречету“, „тебѣ“, а другіе падежи. Веселовскій (l. c.), принимая чтеніе „въ обидѣ“, переводитъ «der tapfern vögelschaar ist nicht das unglückschicksal angeboren dem falken, dem geierfalcken oder (?) dem raben zu unterliegen» и отсюда дѣлаетъ заключеніе относительно „въстала Обида“: „стало быть, по взгляду поэта, они сами навлекли на себя свое нынѣшнее несчастье, ибо выше сказано: „не было *въ* обидѣ порождено“. Этой мысли я тутъ замѣтить не могу.

Утробушка моя неумирала бы
Глядюци на сердечно мое дитятко
Во маэтной, *во сколотной этой жирушкѣ*
ib. 179, ст. 195—7.

Для выраженія смысла: «родиться *вмѣстѣ* съ обидой, какъ лицомъ или вещью, можно бы ожидать другого оборота, въ родѣ слѣдующихъ:

Отчего да вы, желанны, закручинились,
Со обидушкой меня нонѣ стрѣчаете
(т. е. какъ бы въ сопровожденіи ея).
Со горючима слезами принимаете.
Барс. ib. 190, 78;

На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки,
При обидушкѣ косѣвцяты окошечка
ib. 20, 9, 10

На слезахъ стоятъ околенки значитъ, что на нихъ слезъ много. Ср.

Сине море на волнахъ стоитъ,
Красна дѣвица на думахъ стоитъ,
Думавши, она слово вымолвила.
Перм. Сб. I, 61.

При обидѣ стоятъ, собств. быть вмѣстѣ съ нею, какъ товарищемъ напр. Поэтому не вѣренъ переводъ «Die fenster sind auf tränen und kummer gebaut (Веселовск. l. c.), такого образа въ приведенномъ мѣстѣ Барс. Прич. нѣтъ.

Изъ *выраженій* какъ «при обидѣ» образуются глаголы,

Чтеніе „въ обидѣ“ основываютъ на „не въ обидѣ есми были по роженію ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю“ (Задонщина, изд. Унд. Бусл. Ист. Хр. 1313). Если искать основаній въ Задонщинѣ, то лучше ср. „досюды есмя были, братіе, никуды неизобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кретату, ни тому псу поганому Мамаю“ (Задонщ. изд. Срезневск. Изв. Ак. Н. VI, 346).

—*Ни соколу*... оборотъ народнопоэтическій. Ср. ниже примѣч. къ „почьнуть наю п'тичи бити“.

31. Если *править* значитъ *дѣлаетъ*, то чтеніе „юму слѣдъ править“ даетъ смыслъ, что Кончакъ бѣжитъ впереди Гзы, прокладывая ему слѣдъ. Въ такомъ случаѣ почему же о Гзѣ упомянуто раньше?

Если *править* значитъ идетъ прямо (ср. мр. *простувати*, ити просто=прямо), то можно читать: „Кон'чакъ юему *у* слѣдъ правитъ къ Дону“=Гза бѣжитъ первый, а Кончакъ ему въ слѣдъ направляется о Дону. Это лучше.

въ коихъ первоначальный образъ нѣсколько затемняется:
Приунывъ стоитъ палата грановитая,
П*рипечаливши* (=при печали) косѣвчаты окошечка
На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки.
Барс. іь. 149, 264—6.

VI.

32. Другаго д҄ни вельми (*-лм-*) рано кръвавыя (*кро-*) зори свѣтъ повѣдаютъ (*-ъ*), чърныя (*-ръ-*) тучя съ моря идутъ (*-ъ*) [хотятъ (*-ъ*) прикрыти д҄ва (҃д) сълньця (*солнца*)], а въ нихъ трепещутъ синии мълнии (*-лъ-*).

33. Быти грому великому! Ити (*итти*) дъждю (*до-*) стрѣлами съ Дону Велик*о*го (*-аго*)!

34. Ту ся копи*ѥ*мъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половъцькыя (*-вецк-*) на рѣцѣ на Каялѣ у Дону Велик*о*го! (*-аго*)

35. О Русьская (*-ск-*) зе́мл*ѥ* (*-лѣ*)! уже *за* (*не*)· шеломянѣмъ (*-емъ*) *ѥ*си!

36, Се вѣтри, Стрибожи в҄нуци (*вн-*) вѣютъ (*-ъ*) съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы (*-лъ-*) Игоревы.

37. Земля ту*тъ*нетъ (*-тнет*), рѣкы мутъно (*-тн-*) текуть, пороси поля прикрываютъ: стязи глаголють, Половъци (*-вц-*) идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Русьскыя (*-ск-*) пълкы (*-лъ-*) оступишя (*от- -а*).

38. Дѣти бѣсови кликъмь (*-омъ*) поля прегородишя (*-ша*), а храбрии Руси*ч*и (*-чи*) преградишя чърл*ѥ*ными (*чръле-*) щиты.

---

39. Яръ туре В҄севолод*е* (*-ѣ*)! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, грьмл*ѥ*ши (*гре-*) о шеломы мечи харалужъными (*-жн-*).

40. Камо туръ поскочяше, своимь (*-ъ*) златымъ (*-ъ*) шеломъмь (*-омъ*) посвѣчивая, тамо лежять

(-*атъ*) поганыя головы половьцькыя (-*вецк*-), поскепаны саблями калеными, *и* (нѣтъ въ изд. 1800) шеломи (-*ы*) Оварьсции (-*кыи*), отъ тебе, яръ туре В'севолоде.

41. Кая ран*а* (-*ы*) дорога, брати*е*, забывъ чьти (*чти*) и живота, и града Чьрнигова (-*ръ*-), отьня (-*тн*-) злата стола, и сво*е*я (*своя*) милыя хоти, красьныя (-*сн*-) Глѣбовьны (-*вн*-), с'вычяя (-*ая*) и обычяя (-*ая*)?

---

42. Были вѣ*ци* (-ч*и*) Трояни, минула лѣта Ярославля, были пълци (-*лъ*-) Ольгови (*Олговы*), Ольга Святославличя (-*тъсл*-)..... [8])

43. [Тъй бо Ольгъ мечьмь (-*емъ*) крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше.

44. Ступа*е*тъ (-*ѣ*) въ златъ стремень въ градѣ Тьмуторокане, тъ же (*тоже*) звонъ слыш*я* (-*а*) давьный (-*вн*-) великый Ярослав*ъ* (-*въ*), *а* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) сынъ В'севоложь (въ 1-мъ изд. *а*) Владимиръ по в'ся утра уши закладаше въ Чьрниговѣ (*чер*-)].

45. [Бориса же Вячеславличя (-*а*) слава на судъ приведе и на канину (Малиновскій: *ка за тину*) зелену паполому постьла (-*тл*-) за обиду Ольгову [храбра и млада к'нязя]].

46. [Съ тоя же Каялы Святопълкъ (-*плъкъ*) пол*е*л*ѣ*я (*повелѣя*) отьця (*отца*)

---

[8]) Окончаніе этого періода см. подъ 49: «а сицеи».

своѥго междю угорьскыми (*-ки-*) иноходьци (*-цы*) къ (*ко*) святѣй Софии къ Кыѥву (*кіе-*)].

47. [Тъгда (*тог-*) при Ользѣ (*-лз-*) *Свято*славличи (*Гори*славличи) *горе* (нѣтъ въ 1-мъ изд) сѣяшеться и ростяшеть (*ра-*) усобицями (*-ца-*): погыбашеть (*-ги-*) жизнь Даждьбожя (*-а*) в̓нука; въ к̓няжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ (*-ѣ*) съкоротишяся (скратишась).

48. Тъгда (*тог-*) по Русьской (*-ск-*) земли рѣдъко (*рѣтко*) ратаѥве (*-вѣ*) кыкахуть (*ки-*), нъ чясто (*ча-*) врани граяхуть, трупия себѣ дѣляче; а галичь (*галици*) свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдиѥ (*уе-*)].

49. [То было въ ты рати и въ ты пълкы (*-лъ-*)....]

......а сицеи рати неслышяно (*-а-*):

50. Съ зарания (*-ія*) до вечера, съ вечера до свѣта летятъ (*-ѣ*) стрѣлы калѥныя, гримлють сабли о шеломы, трѣщять (*трещатъ*) копия (*-ія*) харалужьныя (*-жн-*) въ полѣ незнаѥмѣ, среди земли Половьцькыи (*-вецк-*).

51. Чьрна (*чръ-*) земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кръвию (*кръ-*) польяна: тугою възъидошя (*взыдоша*) по Русьской (*-ск-*) земли.

---

52. Ч̓то ми шюмить (*шу-*), ч̓то ми звенить давѣчя (*-еча*) рано предъ зорями? Игорь пълкы (*-лъ*) заворочяѥтъ (*-аетъ*); жяль (*-а-*) бо ѥму мила брата В̓севолода.

---

53. Бишя*ся* (-*а*) дьнь (*день*), бишя*ся* (-*а*) другый, третьяго дни къ полуд᾽нию падошя (-*а*) стязи Игореви (-*ы*); ту ся брата розлучиста (*раз-*) на брезѣ быстрои Каялы.

54. Ту кръвавaго (-*ро-*) вина недоста; ту пиръ доконьчяшя (-*нчаша*) храбрии Русичи: сваты попоишя (-*а*) а сами полегошя (-*а-*) за землю Русьскую (-*ск*).

55. Ничить трава жялощями (-*а- а-*) а древо с᾽ тугою къ земли креклонилося (-*сь*).

---

32. Въ пятницу было туманное утро (см. 35); въ субботу—грозное. Между описаніями 25 и 32 есть параллелизмъ.

—*Хотятъ- - -сълньця,* хотя подходитъ къ плану изложенія, т. е. къ такому изображенію наступающей грозы, въ коемъ чертамъ дѣйствительности придается иносказательное значеніе, но прерываетъ грамматическую связь (тучя... идуть, а въ нихъ... мълнии) и потому кажется позднѣйшею вставкою автора.

—Д *сълньця*, быть можетъ, не *четыри с*... какъ обыкновенно читаютъ, относя къ четыремъ князьямъ, а *два сълньця*, какъ ниже (71)—*два сълньця помъркоста*, то есть два старшіе князя, между тѣмъ такъ какъ два младшіе сравниваются съ двумя молодиками.

В. Миллеръ думаетъ, что сравненіе заимствовано изъ Византіи (Взгл. 55), а мнѣ кажется, что пріемъ удвоенія и учетвереній свѣтилъ непосредственно взятъ изъ величальныхъ народныхъ пѣсень. [9]) Напр. въ слѣдующей гаилкѣ (вѣснянкѣ) разомъ величаются и паруются два паробка и двѣ дѣвчины:

---

[9]) Возможно, что реальною основою при этомъ служили дѣйствительныя явленія. Ср. въ Лавр л. 135: «дивьно знаменье быть на небеси и страшно: быша (=появились) 3 солнца сіяю-

Ой ніхто там небував, де сє явір розвивав, [10])
Ой яворе, явороньку зелененькій [11])!
(Тілко бувало) два місяці ясних,
Два місяці ясних, два парубки красних:
Ой єдин ми красний в селі Івасенько,
А другий ми красний в селі Миханенько.

Ой ніхто там небував, де сє явір розвивав,
Ой яворе, явороньку зелененькій!
(Тілко бувало) дві зороньці ясних,
Дві зіроньці ясних, дві дівоньці красних,
А єдна ми красна въ селі Оленонька,
А друга ми красна в селі Кулинонька

(Русал. Днѣстров. 43. Почти такую же я слышалъ въ Харьковской губ.; изъ нея—два слова въ скобкахъ).

Въ слѣдующей бр. пѣснѣ четыре пары:

А над нашим сялом, над слабадою,
Стаяли, свяцили мѣсички чатыри:
Первый мѣсичка—маладый Василька
Другэй... трецій, чатвёртый...

Над нашимъ сяломъ......
......Зорички чатыри:
1-я—имр., 2-я—имр. и т. д.
Тацянка зорка—Васильку жонка и т. д.
(Шейнъ Бр. пѣс. 52—3).

Считаемый рѣшеннымъ вопросъ относительно заимствованія изъ Византіи сравненія князя и царя съ солнцемъ

ща межи собою а (=и) столпи 3 отъ земля до небесе; надо всѣми горѣ бяше акы дуга мѣсяць, особѣ стояче» (подъ 1141 г). Ср. Сл. о пол. Ег. 71.

[10]) Широкая сцена—подсолнечная, подъ міровымъ яворомъ, недоступнымъ для простого смертнаго.

[11]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

(Владимиръ—красно солнышко; серб. „о мој царе, огријано сунце) долженъ быть до рѣшенія усложненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ народныхъ пѣсняхъ со свѣтомъ свѣтилъ сравнивается между прочимъ любовь и любящіе, какъ отецъ, мать и проч.

Ужъ небыть тебѣ, свѣча, противъ солнечна луча;
Ужъ небыть тебѣ, свекру, противъ батюшки родпаго.

(Сахар. Ск. Рус. н. III, 154).

Здѣсь въ первомъ стихѣ, можетъ быть, кое-что подправлено, но все сравненіе—подлинное; ср.

Поставлю я свіченьку напротив місяченька:
Ци буд*е* (у П. буд*у*) так ясная
Як місяченько ясний?
Поставлю я свекронька напротив батенька:
Ци буде так милий,
Як батенько рідный?

(Žeg. P. I, 72).

Що у вдови серце да як зімнєє сонце:
Ой хоть воно яснесенько гріє, да холодний вітеръ віє...
А в дівчины серце да як літнєє сонце:
Ой хоть воно хмарнесенько гріє, да тепленький вітер віє, Метл. 240—1.

Относительно „ясно... хмарно гріти“ ср. серб. *грија-ти*, грѣть и свѣтить (о солнцѣ).

Если Владимиръ князь называется солнцемъ, то онъ же слыветъ и *ласковымъ* (ср. чеш. laska любовь, поль. łaska, id. потомъ милость), а солнце тоже *ласково*: свѣтлоѥ и тресвѣтьлоѥ сълньце! в́сѣмъ тепло и красьно ѥси... (Сл. о пол.). Предположивши, что *два* или *четыре* солнца въ Сл. о пол. заимствованы не изъ народныхъ источниковъ, нужно было бы подыскать въ этихъ послѣднихъ и вторую половину образа: черныя тучи, хотящія прикрыть эти солнца. Въ народныхъ пѣсняхъ и этотъ образъ обыченъ. Вражда и врагъ представляются тучею, заслоняющею свѣтъ:

За тучами громовими сонечко несходить;
За вражими ворогами мій милий неходить.
Ой ви тучи громовиі, розійдітеся різно!
Прийди, прийди, мій миленький, хоть нерано,
пізно, Метл. 51.
Любилися, кохалися, як голубки в парі,
А тепера розійшлися, як чорниі хмари, ib. 50,

т. е. какъ враги.

Рада-б зірка зійти, чорна хмара наступає;
Рада-б дівка вийти, так матуся непускає, ib. 82.

Въ этомъ случаѣ и мать—врагъ. Туча—клевета („поговір—слава"), какъ дѣло враговъ, Метл. ib. 63 (О нѣкр. симв. въ Слав. нар. поэз. Харьк. 1860, 50).

Впрочемъ ср. сравненія князя съ солнцемъ въ Моленіи Дан. Заточника: „вижю вся ч(е)л(овѣ)ки яко с(о)лнцем грѣемых м(и)л(о)стію твоею, толко азъ един хожю во тмѣ отлучен свѣта отъ очию твоею, аки трава ростущи в зас[тѣ)ни[и], на нюж(е) ни с(о)лнце сияет, ни дождь идет" Сп. Унд. Р. б. 1856, II, 102); „с(о)лнце едино грѣет вес мир лучами своими, а ты, княже, нас украшаеши і оживляеши м(и)л(о)стию своею", ib. 106. Въ сказкѣ о Соломонѣ: „царица рече: кому подобна милость Божія? Соломонъ рече: солнце сіяетъ на злыхъ и на благія; такоже и Богъ милуетъ праведныя и грѣшныя", Пам. стар. рус. лит. III, 62. Такимъ образомъ желающіе могутъ выводить это сравненіе изъ Священ. Писанія.

—*Синии мълнии*. В. Милл.: „Какъ аналогію странному эпитету молніи *синяя* приводятъ серб. „пуче (гремитъ) као *сини* громъ. Но подъ *синимъ* громомъ разумѣется у Сербовъ синяя громоносная туча, къ которой этотъ эпитетъ конечно подходитъ.... Передъ нами какое то недоразумѣніе". Эпитетъ *синіи*—искаженный и заимствованный, по мнѣнію В. Милл., изъ болгарскаго источника вмѣстѣ съ формою *чрънья* и византійскимъ эпитетомъ князей—*солнце* (Взгл.. 203).

Если заключать отъ способа написанія къ заимствованію самого слова, то въ Сл. о пол. и *Чрънигов* тоже изъ Византіи. Вышеприведенное серб. выраженіе значитъ:

„ударилъ (*пуче*—аористъ отъ *пукнути*, а не настоящее *гремитъ*) какъ свѣтлый (ясный) громъ", при чемъ *громъ* въ томъ смыслѣ, какъ въ русск. „громъ ударилъ, разбилъ дерево". Ср. поль. «bodaj się jasny piorun trzasł». Нѣкоторыя названія, приуроченныя теперь къ опредѣленнымъ цвѣтамъ имѣютъ въ болѣе древнемъ языкѣ неопредѣленное значеніе свѣтлаго. *Синій* въ вр. сѣропепельный, серб. *сињи* между прочимъ эпитетъ кукушки (*сѣрая*; мр. *сива*, оба слова, быть можетъ, одного корня съ *си-нь*). Вр. „ни синя пороха"=ровно ничего, вѣроятно о свѣтлой, солнечной, мѣльчайшей пыли, которую дѣлаетъ замѣтною солнечный лучъ. *Сине* море (русск., серб.)—свѣтлое, чѣмъ объясняется извѣстное пѣсенное сравненіе *тумана* на *синемъ* морѣ и *тоски* на сердцѣ, (ср. Сах. Ск. Рус. н. III, 139, 148), при чемъ принимается, что обычное состояніе сердца веселье. И такъ *синяя* какъ эпитетъ молніи—не искаженіе; почему бы ему быть заимствованіемъ, невижу. Подобно сказанному о *синъ*, и *зеленъ* предполагаетъ значеніе свѣтлаго. Въ этомъ смыслѣ „*зелено* вино", въ серб. „коњ зеленко" (сѣрый); „зелена Бояна (рѣка)", „зелено језеро" (Кар. Пјес. II 98, 105)— свѣтлая, свѣтлое, а не зеленая; „мач зелен" (ib. 138, 449) свѣтлый, мр. *ясний*; „сив—зелен соко'" ib. 383—ясний, сивый.

33. Ити *дъждю стрѣлами*.

39. *Прыщеши* на вои *стрѣлами*, *гримлеши* мечи. Относительно *дождя стрѣлъ* ср. „помяни мене... каплями дождевными яко стрѣлами пронизаема", Дан. Зат. Бусл. И. Хр. 622 и Злат. Цѣпь XIV в. ib. 492.

За нами гнались Турки, Татари,
За нами кулі землю з'орали,
За нами стріли, як сніг літали

Метл. 337.

Въ 39 въ изображеніе князя, стоящаго „на борони", т. е. на брани, въ битвѣ, быть можетъ, вплетены традиціонныя черты громового и вмѣстѣ воинственнаго божества, быть можетъ, имѣвшаго эпитетъ *тура*, какъ остатокъ зооморфической формы.

34. *Потручяти*, ударяться, болѣе длительная несовершенная форма при *-трутити*, поль trącić. Согласно съ этимъ и въ *приламати* значенiе длительное и несовершенное: ломаться, сламываться. Ошибочно переводятъ: „поломаться“, „саблями *потрѣскаться*“ (Малаш.) v. *потупиться* (Майковъ).

35. Обращенiе къ далекой Русской землѣ заключаетъ собою ст. 32—34; сравн. тоже 24 по отношенiю къ 20—23. Это выраженiе чередуется съ „ищючи себѣ чьти а к'нязю славы“ 19 и 26.

—*За шеломянѣмъ*, за холмомъ, за горою. Нѣкоторые толкователи видятъ здѣсь географическiй терминъ, собственное имя водораздѣла; но „за горою“ можетъ значитъ просто „далеко“. Ср.

Дала-сь мене, мати, за Дунай, за Дунай...
...Дунаю неперебити, неперебродити,
Небуду ж тя, моя мати, во віки видіти...
...Далась мене, моя мати, за високі гори...
Чубин. Тр. Этн. эксп. V, 537.

Проведу я свою матюнку
Та за тиі гори крутиі,
Та за тиі річки бистриі...
Чуб. ib. 553.

Драги je од мен'далеко,
Преко три горе зелене,
Преко три воде студене,
Кар. П. I, 226.

Ужъ я видѣла, подруженьки, гору высокую....
Эта гора-то высокая—чужа-дальняя сторона,
Терещ. Б. Р. н. п. II, 247.

Чеш. Horo, horo, vysoká jsi!
Má panenko vzdalená jsi,
Vzdalená jsi, za horama...

37. *Тутьнеть*, о звукѣ отъ отдаленнаго топота копытъ (тутьнъ, поль. tentęt). Предполагаю символическое отношенiе между „рѣкы—прикрываютъ“ и “Половьци идутъ“ (Мр. нар. пѣсня по сп. XVI в. 32). См. ниже при-

мѣчаніе къ 66 и 85. „Пороси поля прикрываютъ“ какъ символъ чего-то предстоящаго грознаго, печальнаго ср. со слѣдующимъ:

Порох, порох по дорогі;
Що за гомін по диброві?
Ой брат сестру вбивать хоче...
Żeg. P. I, 31.

Интерпункція „*и отъ* всѣхъ... оступишя“—Максимовича.

40. П*оскепаны—оварьскыя*. Быть можетъ, вм. предложеннаго чтенія слѣдуетъ: „лежать... головы *и* поскепан*и*... шелом*и* оварьсции“, или „лежать головы... поскепан*ы подъ* шеломы Оварьскыми“.

41.=Какая рана дорога, т. е. всякая рана ни почемъ тому, кто забылъ и проч. Ср. „намъ не дорого пиво пьяное“.

—*Забывъ*, дѣепричастіе предполагающее употребленіе второго дательнаго. Изъ зап. по Русск. грам. II, 263. В. Милл. читаетъ и понимаетъ такъ: *кая* причастіе въ имен. ед. муж. р., относящееся къ Всеволоду; тоже и *забывъ*; *раны* винит. мн.; „дорога братиıе“—дорогіе братья, обращеніе къ слушателямъ (Взгл. 204). Стало быть, Всеволодъ оплакивалъ раны Игоря въ то время, какъ „поскочяше“. Время для этого выбралъ неудобное, неговоря о грамматическихъ затрудненіяхъ. Предыдущій періодъ, къ которому, по предположенію должно тяготѣть *кая*, совершенно замкнутъ звательными падежами. Если же *кая* послѣ точки и если оно есть причастіе, то періодъ 41—безъ полнаго сказуемаго.

—*Свычая* и *обычая*—родительн. ед. зависимый отъ *забывъ*, по аналогіи съ глаголами удаленія и лишенія: „забыша страха Божія,“ Ип. л.

Переводятъ: „обычаи и привѣтливость“ (изд. 1800); „свычка, привычка, нравъ“ (Дуб.); „привѣтъ и обычай (Максимовичъ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1836 г. ч. X); любий, милий звичай и добрий обичай (id. Украинецъ); „свычаи“ (привычки, обыкновенія) „обычаи“ (Малаш.); „Глѣбовны милый ликъ (!) и ласковый обычай“ (А. Майковъ). Тихонравовъ: „*свычая*—съвычаи (вин. мн.)—вдовство (!),

привычка, привязанность. Въ Златостр. XII в. Сиротьства ради дѣтии и женьня съвычая—διά την χηρείαν της γυναικός" Сл. о пол.[2] 67. При этомъ упущено изъ виду, что Востоковъ, приведя это мѣсто изъ Злотостр. XII в. говоритъ, что *съвычай* вовсе невыражаетъ Греческаго χηρεία, вдовство. Заслуживаетъ вниманія только мнѣніе М. Т. Каченовскаго (у Дубен. 69), что это „народная поговорка", какова „*совѣтъ да любовь*".

Съвычай здѣсь не consuetudo (mos), а или сожительство (*выкнути*, жить, пребывать: „жены праздны выкнуть", Изб. 1073 г.), или, скорѣе, consuetudo въ смыслѣ дружескаго обхожденія, любви вытекающей изъ сожительсьва („стерпится—слюбится"): Арх. *свыка*, привязанность къ чему [12])

---

[12]) *Свиванье—свыканье—любовъ.* Распространенное въ классическомъ мірѣ (Horat. Epod. XV), кажется, не чуждое и индійской поэзіи представленіе любовниковъ въ образѣ лозы или плюща (женщина), обвивающаго дерево (мужщина), есть весьма обычный символъ въ слав. народной ноэзіи: Караджич. Пјес. I, № 555; ср. № 554. Растенія, выросшія на гробѣ любовиковъ, *свиваются*:

Више драгог зелен бор израсте,
А виш драге румена ружица,
Па се вије ружа око бора,
Као *свила око ките смиља*

Кар. ib. стр. 240. Ср. ib. 259;
Миладин. 342, 375.

Со вторымъ изъ этихъ образовъ любви, шелковой нитью, обвивающей пучокъ цвѣтовъ, ср.

Одви се Маре од рода,
Каконо 'чела од роја,
Приви се Петру делији,
Каконо *свила* к јумаку (die spule)

Кар. Пјес. I, 37.

Въ мр. пѣснѣ тоже значеніе имѣетъ летучая паутина:
Ой білая паутина по тину повилась;
Марусечка з Івашечкомъ понялась, понялась.

Совѣтъ въ пожеланіи молодымъ: „совѣтъ да любовь!“ быть можетъ, отлично отъ *совѣтъ* consilium, и, относясь къ *витати*, жить, означаетъ cohabitatio и отсюда concordia. Такъ въ мр. „жінка для совіту (т. е. не для совѣщанія съ нею, а для того чтобы съ нею жить), теща для привіту (=чтобы жила *при* насъ) а ти, стара мати, порадниця в хаті (совѣтница, распорядительница), Метл. 242.

Обычай здѣсь тоже не mos, а синонимъ любви: жена Іова „непомяну бывъшая пръвѣѥ къ нему *любъве* и *обычая*“, Изб. 1073, Срезн. Пам. р. п.; болг. вълк-а мъгливото време *обича* (любитъ). Въ нынѣшнемъ русскомъ такого значенія незамѣчено, изъ чего неслѣдуетъ, что это болгаризмъ.

Які руки, такі ноги, така й голова:
Ізійшлися, обнялися, люба й розмова.
(Петровочная).

Такимъ образомъ *свиваться*, *прилегать*=*любить* другъ друга; но въ слѣдующемъ *свиваться*—*свыкаться*, а *прилегать* (о волосахъ)=*привыкать:*

Несвивайся (bis) трава со билинкой;
Нелестися (bis) голубь со голубкой;
Несвыкайся (bis) молодецъ съ дѣвицей.
(Сах. Ск. Р. н. III, 137).
Какъ не бѣлая березанька со липой *свивалась*,
Какъ въ пятьнадцать лѣтъ дѣвица съ молодцомъ *свыкалась*.
(Гуляевъ, Оч. ю. Сиб. 107).

Кудри вьются (серб. *витица*, локонъ); слѣдовательно, аналогично съ вышеприведенной мр. пѣсней слѣдующее:

П*рилегайте*, кудри русые.
Ко моей буйной головушкѣ,
Къ моему то лицу бѣлому;
П*ривыкай* ко, любовь—душа
Къ мому уму разуму,
Къ мому-то роду племени!
—Тяжело мнѣ привыкать будетъ...!

(Шейнъ Рус. н. п. 468; Сах. Ск. Р. н. III, 108). О нѣкр. симв. въ Сл. н. п. 118--9.

43—48 до „ты пълкы“ включительно—отступленіе, нарушающее живость изложенія, есть, быть можетъ, вставка, взятая изъ другаго, неизвѣстнаго сочиненія сдѣланная авторомъ при вторичной редакціи для памяти. При окончательной редакціи она могла бы быть вновь выкинута. Предполагаю, что первоначально 42 примыкало къ окончанію 48: „были вѣци Трояни.... Святославличя, а сицеи рати неслышяно“. Общій смыслъ—что споконъ вѣка неслыхано ничего подобнаго. *Вѣци Трояни*—отдаленнѣйшіе вѣка, ознаменованные ратями, какъ и лѣта Ярославли. Это тоже разбѣгъ мысли, только въ образахъ времени, а не пространства, какъ выше 3—13. Въ эту же поэтическую рамку вставленъ и эпизодъ о Всеславѣ: „на седьмъмь вѣцѣ Трояни“.... Болѣе частное представленіе автора о вѣкахъ Трояновыхъ намъ остается неизвѣстнымъ. Ничто недоказываетъ, что это были „вѣка щастливые, когда Троянъ, богъ солнечнаго свѣта, поборалъ демоновъ тьмы“ (Огоновскій, Слово о пол. Игоревѣ, Львовъ, 1876, 60 *).

44—5. Объясненіе этого мѣста, предложенное въ моей статьѣ О связи нѣкоторыхъ представленій въ яз. (Филол. Зап. 1864, 29), и теперь мнѣ кажется нелишеннымъ нѣкоторой вѣроятности. Именно:

„Олегъ (только) вступаетъ еще въ стремя, а (уже) этотъ (=тъ *же*) звонъ услышалъ древній великій Ярославъ“ (т. е. на томъ свѣтѣ), какъ и до сихъ поръ сохраняется вѣра въ существованіе связи живыхъ съ усопшими предками и въ возможность передавать вѣсти на тотъ свѣтъ. Что же до современниковъ, то „сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ“, потому что этого рода слава, по извѣстнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна. И такъ слава (=звонъ) подвиговъ Олега была велика; „*но* (=Бориса *же*) Бориса Вячеславича она же на смертный бой (судъ—смерть)

---

*) Только читая корректуру этого мѣста своей статьи, я получилъ возможность справляться съ названымъ весьма замѣчательнымъ сочиненіемъ г. Огоновскаго, проф. Львовскаго университета.

привела". Это оборотная сторона дѣла. Ср. «kula w głowę ugodziła, tak że prędko na sąd boży stanął», Pam. o wyprawie Chocim. 60.

Другое толкованіе—что слухъ о подвигахъ Олеговыхъ могъ тревожить только живыхъ, въ угоду чему вм. *Ярославъ* т. е. Ярославѣ (такъ какъ ѣ вм. правильнаго конечнаго ѣ въ изд. 1800 обычно) читаютъ *Ярославль*, а вм. *Всеволожъ—Всеволодъ*. Это поправки болѣе крупныя, чѣмъ принимаемая мною перестановка *а*: „а сынъ В'всеволожь Владимиръ" вм. „сынъ Всеволожь а Владимиръ". Для меня невѣроятно мнѣніе, что „уши" означаетъ здѣсь калитки по бокамъ воротъ, которыя Владимиръ почему-то закладывалъ не на ночь, когда скорѣе возможно нечаянное нападеніе, а по утрамъ. Недумаю также, чтобы *тъ же звонъ* могло относиться къ „вѣчевому звону, скликающему на войну во времена усобицъ" (Огонов. 62).

Въ Сл. о п. Иг. *слава* (слухъ) представляется звономъ еще въ трехъ мѣстахъ: 15, 51, 78. Можетъ быть и въ 94.

Что представленіе славы не воинской только, не шума оружія, а вообще, народно и до нынѣ обычно, объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ О связи нѣкот. предст. Филол. Зап. 1864, 28—30, гдѣ ошибочна ссылка на Сах. Ск. Р. н. 155 вм. 157. Прибавлю еще нѣсколько цитатъ:

Звонъ колокольный слышать во снѣ предвѣщаетъ добрую вѣсть (Этн. свѣд. о Подольской г. I, 42 Каменецъ Подол. 1869).

На горѣ на высокія
Какъ у церкви у соборныя
Высоко поднятъ колоколъ,
Далеко звонъ услышали.
Слышно съ городу нá городъ,
Слышно съ терема нá теремъ:
Въ терему красна дѣвица
Свѣтъ Авдотья Ивановна
Запоручена, запросватана...

Гуляевъ, Оч. ю. Сиб. 9.

Объ томъ и звонятъ, что она засватана. Звонящимъ представляется и тотъ, о комъ идетъ слава:

Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звоны свѣтъ Марья-душа.
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ,
Звону ея (= доброй славы) онъ заслушался,
Кросоту (-*ы*?) онъ засмотрѣлся.

Шейнъ Р. н. п. 468.

Ай звонка, звонка сосонка!
—Ни я ж то звонка, стрыжень мой:
Я бором ишла, шумѣла,
Я дорогай ишла звинѣла.
Ай славен, славен женишок!
—Ни я ж то славенъ,—татка мой:
Пусцив славухну на ўвесь свѣт,
Ожанив молайца на ўвесь вѣкъ.

Шейнъ Бр. п. 468.

Сравненіе чьей либо рѣчи со звономъ есть само по себѣ похвала:

Не въ колоколъ родители ударили,
Не въ трезвонъ мои желанные затрезвонили,
Едино словцо родители промолвили...

Рыбн. III, 351.

45. *На канину.... постьла* даетъ большой просторъ догадкамъ.

Максимовичъ читаетъ „на Канину" (им. собств.) и переводитъ: „и зелений ёму ки́лия въ Канини постлала", необъясняя, какимъ образомъ винительный примиряется со значеніемъ мѣстнаго пад. „въ Канині" или на Канинѣ. Мѣстный „на Канину" отъ Канинъ врядъ ли возможенъ. Онъ полагаетъ, что Канинъ, упоминаемый въ Лавр.[1] 145, подъ 1152 г. [„поидоша къ Чернигову (отъ Глухова) и перешедше Сновь и сташа у Гуричева близъ города перешедше Канинъ"] есть мѣсто бытвы „у села на Не(ѣ)жатинѣ нивѣ" (3 окт. 1078, Лавр.[1] 86), въ коей пали Борисъ Вячеславичъ и Изяславъ Ярославичъ. Это отожествленіе считается сомнительнымъ (Соловьевъ, Ист. II, примѣч. 199).

Малашевъ читаетъ „на Каялину“, въ виду того, что ниже говорится: „съ тоя же Каялы“.

Огоновскій (Сл. о п. 8—9) читаетъ „на ковылу“ и переводитъ: на траву зеленую (слава) постлала (чорную) паполому, чтобы ею покрыть мертвеца Бориса. Онъ ссылается на Задонщину: „уже брате, летѣти головѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іякову лежати на *зеленѣ* ковылѣ травѣ... за обиду Великаго князя Дмитрія Ивановича“ (Бусл. Ис. Хр. 1318). Обыкновенный и болѣе характеристичный эпитетъ ковыли—не „зеленая“, а „бѣлая“.

По предположенію Верхратскаго *канина* сравнивается съ галиц. (или угорскорусс.?) *канка*, teichbinse, *каниця*, weisse wucherblume, и должно означать берегъ покрытый ситникомъ или вообще травою (Jag. Arch. II, 646).

Можно еще:

Или „*на конину*“ т. е. „на конскую зеленую попону (его) простерла“, на коверъ, на которомъ Бориса понесли съ поля, какъ Изяслава (см. ниже). *Паполома* не непремѣнно мертвецкій покровъ. Ср. Дуб. Рус. Дост. III, 74—5;

Или: *на конъ ину*, зелену... (ср. Дуб. ib.), т. е. на конецъ иную (не такую какъ прежде, не обычную, а) зеленую паполому (ему) постлала, т. е. траву. Какъ казакъ говоритъ, что въ дорогѣ „стелеться мені широкий (иронич.) лист та бурковина“, такъ Борису слава постлала необычную постель на послѣдней дорогѣ. *Конъ* въ значеніи конца, ср. съ *искони* и серб. *након*, *наком*, послѣ.

Или, въ виду чтенія Малиновскаго „казатину“ (кн. Вязем. Сл. о п., изслѣдов. о варіянтахъ 157, 232)—„на кровать ину: (на) зелену паполому простьла“ т. е. простерла его.

Рѣшеніе еще впереди.

—*Храбра*—*князя* можетъ относиться не къ Олегу, а къ Борису. Если это приписка на полѣ, то ее можно поставить послѣ *Вячеславлича* и тогда періодъ 45 будетъ имѣть также дактилическое окончаніе, какъ и сложные 43, 44, 46. 47.

46. Основываясь на ошибкахъ, предполагаемыхъ здѣсь (Каяла, Святополкъ вм. Ярополкъ Изяславичъ, Св. Софія

вм. Св. Богородицы), Огоновскій (64—5) видитъ въ 46 прозаичную по складу глоссу переписчика, незнакомаго съ лѣтописнымъ разсказомъ о событіи 1078 г., относившуюся первоначально къ 52 („на брезѣ быстрой Каялы) и не у мѣста вставленную другимъ переписчикомъ. Я ненахожу тутъ разницы въ тонѣ со смежными мѣстами. Если это втавка, то она принадлежитъ переписчику. Нельзя ожидать отъ автора точности въ изображеніи событія, случившагося болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до него.

—*Съ тоя же Каялы*, быть можетъ, значитъ: не съ той же, а *съ такой* же, какъ та, которою была полна мысль автора, со столь же бѣдственной, какъ и битва Игоря на Каялѣ. Въ такомъ случаѣ не нужно и чтеніе *канины* вм. Каялы.

Чтеніе *повелъ яти* вм. *повелъ я* сомнительно. Творительный „между... иноходьци“ заставляетъ ожидать глагола движенія: повезъ, понесъ и т. п. Поэтому предполагаю *полелѣя*, т. е. какъ въ зыбкѣ качая понесъ (на коврѣ напр.) между иноходцами, какъ Палѣя на ряднѣ между четырьмя конями, Драгоман. Мр. пред. 203. Ср. ниже: „възлелѣй... мою ладу къ мнѣ“.

47. *Усобицями* можетъ быть или творит. образа (въ видѣ усобицъ), или твор. дѣйствующаго лица при страдательномъ оборотѣ, или творит. причины (отъ усобицъ, по причинѣ ихъ). Во всякомъ случаѣ неизвѣстно, при обычномъ чтеніи, что сѣялось усобицами. Ужъ никакъ не сами усобицы („сѣялись междоусобія“, Малаш.).

Неудобно считать *Гориславличи* не за мѣстный согласуемый съ *Ользъ*, а за творительный мн.: „Гориславичами (потомками Гориславы—Рогнѣды, князьями Полоцкими (Лавр. л.[1] 131, подъ 1128) сѣялолось и росло (что?) усобицами“ (Вельтм., А. Майковъ). Во всемъ разсматриваемомъ отступленіи рѣчь о событіяхъ связанныхъ съ Олегомъ. Съ какой стати здѣсь князья Полоцкіе?

Это мѣсто было уже испорчено въ спискѣ, изъ коего взялъ его переписчикъ Апостольскихъ чт. 1307 (Срезн. П. Рус. п. 82): „при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше

оусобицами гыняше жизнь наши въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася члвкмъ“. Здѣсь тоже не видно, что „сѣяшеться“. Мало вѣроятно предположеніе, что таже неясность была въ источникѣ, изъ коего независимо другъ отъ друга взяли это мѣсто авторъ Сл. о п. и приписки Апост. чтеній 1307.

О въ ростяше и полногласіе въ *скоротишася* могли принадлежать списку Сл. о п.; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ фонетика этого памятника передѣлана на книжный ладъ послѣ начала XIV в.

Предполагаю, что авторъ или одинъ изъ первыхъ переписчиковъ сдѣлалъ одну изъ ошибокъ, происходящихъ изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, ошибокъ утрируемыхъ въ потѣшныхъ рѣчахъ на выворотъ, въ родѣ „сестри́вечір добрички! чи не телятили ви моє; види? (=добри́вечір сестрички! чи невиділи ви мого теляти). Именно авторъ (или переписчикъ) написалъ ὕστερόπρωτον „при Ользѣ Гориславличи сѣяшеться“ вм. при Ользѣ Святославличи *горе* сѣяшеться“. Конечно, возможно и то, что переписчикъ поставилъ *горе* одинъ разъ вм. „при... *Гори*славличи *горе* сѣяшеться“. Принимаемое мною толкованіе: „при Олегѣ... горе сѣялось и росло отъ усобицъ“ (=усобицы сѣяли горе) указываетъ въ Сл. о п. еще одно заимствованіе изъ народной поэзіи, въ коей сѣянье *обиды*, *кручины*, *тоски-горя, горькой доли*, въ серб. *јада* (горя) есть черта весьма обычная:

Вдова послѣ похоронъ мужа:

„Нонь я дольщица великоей кручинушки,
„Половинщица злодійной я обидушки.
„Мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
„Разсадить ли мнѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
„Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко:
„Какъ посохнутъ всѣ кудрявы деревиночки.
„Мнѣ *разсѣять* ли *обиду* по чистымъ полямъ?
„Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко:
„Задернятъ да вси роспашисты полосушки.

Барс. Прич. 17—8.

Въ Сл. о п. 48 тоже поля задернѣли: „тогда рѣдъко ратаѥве кыкахуть“.

„Нагостилась я, побѣдная головушка,
„Насидѣлась на катучемъ синемъ камышкѣ,
„Нарутилась горькихъ слезъ да на сыру землю
...... На этомъ домовищѣ упокойноемъ;
„Объявила всю великую кручинушку,
„На этой на могилушкѣ умершей.
„Ты рости, моя тоска, травой незнамой,
„Процвѣтай да всякимъ разныма цвѣточ-
камъ,
„Мимо людушки бы шли да дивовалися,
„Шли бы малы недоростки любовалися,
„Шли бы старыя старушки, поросплакались,
„Стогодовы старики да поужахнулись
(Барс. ib. 186),

т. е. цвѣты эти, выросшіе изъ посѣянныхъ слезъ по мертвомъ, должны напомнить старикамъ о смерти.

(Сваха) Хвалила, выхваливала
Чужедальню сторонушку:
„Какъ чужая-то сторонушка
„Сахаромъ изнасѣяна,
„Сытою поливана.
Мать:—Ты полно, обманщица,
„Ты полно, подговорщица!
...„Ужъ какъ чужая-то сторонушка
„Горемъ вся изнасѣяна,
„Она слезами поливана
„Печалью огорожена.
(Сах. Ск. рус. п. Ш 149)

Я разсѣю мое горе
По всему по чисту полю:
„Уродися, мое горе,
„Ты травою полыньею!

—Какова трава полынь горька,
Таково-то мое горе сладко!
(Ссылка мною утеряна.)

Съ этимъ ср. серб.

...Сам ја сирота, несретна девојка:
Ја босильакъ сејем, мени пелен ниче.
Кар. П. І, 439.

Як пайду я, маладая, па чистому полю,
Сѣя—разсѣвая сваю горку долю.
„Взыйдзи, взыйдзи, мая доля, густыми кустами,
„Разцвѣци ты, горка доля, разными цвѣтами.
Шейнъ Бр. п. 222.

Выданная за мужъ говоритъ братьямъ, приѣхавшимъ навѣстить ее:

„Сядайця, братцы, на кони,
„Ѣдзьця, брацишки, да дому,
„Увезиця маю долю
„И пасѣйця ў роўным полю,
„У роўным полю на цвирочку [13])
„Каб красачки [14]) нерадзились,
„Каб дзѣвачки несбирали
„Каб вяночков невивали,
„Каб и замуж нехадзили, іѣ. 238.

Подобно этому въ литов. п. замужная говоритъ:

Се́јау рутą, се́јау мѐтą, се́јау лелiјелą,
Сејау саво јаунас дiенас драуге су рутелем,

И эти молодые дни (дѣвичья доля), посѣянные вмѣстѣ съ рутою, мятою, лилеею, символами дѣвичьей жизни, и взросли, и расцвѣли, и вплетены въ вѣнокъ (слѣдующимъ поколѣнiемъ), и ношены и завяли. Юшкевичъ, Лит. н. п. 34—5 (З. А. Н. XII, 1).

---

[13]) То есть не на хорошей землѣ, а на *звирочку* или дзвирочку. Поль. źwir крупный пѣсокъ, мѣлкiй камень.

[14]) Цвѣточки.

(Невѣста) Ближнимъ сасѣдзям дакучала,
Ситы—рашоты даставала,
Мамкину волю разсѣвала,
Свякроўкину няволю к сабѣ брала:
„Мамкина волинька минуицца
„Свякроўкина няволя са мной будзиць.
Шейнъ Бр. п. 470.

Ходила дівчина по полю,
Та сіяла долю з приполу
(Костомар. Объ истор. зн. рус. н. поэз. 41).

Оранье для посѣва горя:
Узори, Маро, равнине,
Те посиј своје јадове.
Ако ти никне жут невен,
Увени, душо, за мноме и пр.
Кар. П. I, 467.

Чужая страна тугою орана, слёзми засѣяна;
Свая старана сошкаю орана, пшонкаю засѣяна
(Вил. г. Этн. сб. III, 219).

Какъ здѣсь *туга* нѣчто особое от слезъ, такъ въ слѣдующемъ „мысли“ (печальны) отдѣляются отъ горя:

Горе моє, горе, нещасная доля!
Виорала дівчинонька мислоньками поле,
Карими очима та й заволочила,
Дрібненькими слізоньками все поле змочила
(Метл. 274),

а посѣяла должно быть горе.

47. Періодъ *тъгда при Олзѣ* состоитъ изъ двухъ частей: въ первой „горе сѣялось и росло отъ усобицъ“, во второй—что и для кого выростало изъ посѣяннаго горя: „погыбашеть жизнь“, „вѣци съкоротишася“.

—*Жизнь*, имѣніе, достояніе: „се еста землю мою повоевали, и стада моя... заяли, жита пожьгли и всю жизнь погубила еста“, Ип.[1] 26, 27; „ту села наша пожгли... и всю жизнь повоевали ib. 38, 5 et pass. Допустимъ, что *вънукъ Даждь божь* есть князь (Бусл.), именно Олегъ Свя-

тославичь (Тихонрав.). Въ такомъ случаѣ *жизнь* этого внука врядъ ли можетъ означать жита, стада и т. п. частное имущество князя. Князю, который дружиною можетъ „налѣсти злато“ и которому лишь бы „дружина своя цѣла“ (Лавр.[1] 64, подъ 1024 г.), неприлично жалѣть о потерѣ такого имущества, и высоконастроенный авторъ Сл. о п. врядъ ли могъ придавать важность такой потерѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней виновны были сами князья. Относительно того, какъ считалось приличнымъ относиться къ потерѣ добра древнему князю, между прочимъ ср. литовскую пѣсню у Юшкев. Л. н. п. № 4 и 5 (пѣсня здѣсь ошибочно раздѣлена на двѣ):

Что ты, князь (ласкател. *куніҫгѐлі*), судья (? *судаjчіо*, *судаjчютѐле*, что Юшкевичъ оставляетъ безъ перевода), долго спалъ? Когда ты спалъ, изрубили воиновъ, разграбили припасы (іппілѐ пілєлҿ). Чего тебѣ, князь, больше жаль?—Не такъ жаль мнѣ припасовъ (пілєлѐс), какъ мнѣ жаль воиновъ; я припасы соберу (пілєлҿ супільсіу) за два, за три года, а воиновъ невырощу и за десять лѣтъ“. (Ср. въ мр. колядкѣ:

Ци спиш, ци чуєш, пан господарю?....
Твоє підвірє орда забрала...
Ант. и Драг. Ист. п. 34—5).

О князьяхъ судили съ точки зрѣнія того, что они дѣлили „хрестьянъ дѣля и всее рускои земли“ Ип.[1] 38).

Если принять, что *жизнь* здѣсь въ смыслѣ всей волости (какъ ниже „наводити поганыя на землю русьскую, на жизнь В'сеславлю“), т. е. людей, то выйдетъ блѣдно: сначала о *жизни*, т. е. о людяхъ вообще, а потомъ опять о томъ же „вѣци человѣкомъ“. Мнѣ кажется, что *в'нукъ Даждь божъ* есть только другое собирательное названіе ниже упоминаемыхъ *человѣковъ* и *ратаевъ*, тѣхъ смердовъ, о которыхъ Мономахъ говоритъ: „на весну начнетъ смердъ... орати... и приѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь... и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть“ (Ип.[1] 1). Плоды горя, посѣяннаго княжими усобицами, это—то, что „гибло *достоянiе* смерда (Даждь бо-

жа внука), среди княжихъ крамолъ *жизнь* человѣческая сокращалась“. Такимъ образомъ вышло бы, что авторъ Слова, вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени и нашего, именно „смердовъ жалуеть, и ихъ коней“, и ихъ гуменъ. Что до сомнительности того, чтобы смердъ, хотя бы какъ и собирательное лицо, былъ названъ внукомъ солнца, то мы видимъ, что въ величальныхъ пѣсняхъ и единичныя лица, какъ хозяинъ и его семья, не только представляются князьями, правителями, судьями, полководцами, но и возводятся въ божество, что, конечно, теперь пѣвцами несознается.

Дажьбогъ есть солнце, а о солнцѣ впрочемъ или какъ о существѣ неопредѣленнаго пола (Славян.), или какъ о женщинѣ (Литов.) имѣются славянскія и литовскія свидѣтельства, что оно *жалостиво*: оно свѣтитъ именно на бѣдныхъ людей, бережетъ и согрѣваетъ именно сиротъ, пастушковъ, выглядываетъ изъ окошка на тѣхъ *своихъ дѣтокъ*, что „плачутъ, ѣсть, пить просятъ“ (мое соч. О миѳол. знач. нѣкоторыхъ вѣров. и обр. 225; Аѳанас. Поэт. В. I, 67—9; литов. пѣсни у Шлейх. Leseb. 3—4). Въ литовской пѣснѣ три сестры снаряжаютъ и провожаютъ брата на войну (мотивъ извѣстный и въ мр. п.); прибѣгаетъ конь, приноситъ вѣсть, что братъ порубанъ, подъ ноги стоптанъ. „Ой-ой-ой боже, боженьку нашъ! Ой кто намъ поможетъ братца оплакивать (гедѐti)?“ Солнышко скорбѣло (рустѐ) отвѣчая: „Я помогу братца оплакивать: по девять утръ буду ходить въ туманѣ, а на десятое вовсе не взойду“ (Юшкев. Л. н. п. 9—10). Что невѣроятнаго, что и богъ Даждьбогъ есть смердій дѣдъ, что смерды—божьи дѣти, сироты, небожата. Къ стати: быть можетъ и *смърдъ* относится вовсе не къ *смърдѣти* (Mikl. Lex.), а къ тому какъ *смард*—(грызть, mordere, огорчать), къ коему нѣм. smerzan, болѣть, и значитъ не sordidus (лат. merda, калъ), а *болѣзный*, сирый: „смрдъ и нищъ чловѣкъ“; „смрьдаа чедь“=убогая (Mikl. Lex.). Впрочемъ ср. Matzenauer, Cizí slova, 309: перс. *мерд*, vir, армян. *мард* homo, собств. смертный.

50. *Гримлютъ* отъ *гримати*, *гримлю*, болѣе длительнаго отъ *грьм-*. Неслѣдуетъ видѣть здѣсь вост. мрусскаго гремлять отъ *гремiти*.

51. *Чърна—земли.*

—*Оранье—битва.* Кромѣ ссылокъ на народн. пѣсни мр. и вр. у Тихонр.[2] 36, ср. слѣдующее. Зализнякъ идетъ со своимъ отрядомъ. „Порівнявшись із нами (дѣтьми) каже: „здорові сучаки!“—Здоров, пане!—А що ви неорете?—Ні, пане,—Ми вже оце почали орати. Куліш. Зап. о юж. Р. I, 253.

—*Тугою възидоша,* посѣянныя кости взошли тугóю, въ видѣ скорби.

—*Земля.* Въ началѣ періода рѣчь о землѣ, какъ полѣ битвы; за тѣмъ это значеніе расширяется до Русской земли: что посѣяно на полѣ битвы, то взошло по всей Русской землѣ.

Какъ противоположность этому можно привести изображеніе страны, пользующейся благами міра, въ мр. колядкахъ:

Що там слихати въ Угорской земли?
Въ Угорской землі добре слихано:
Ой бо там уже преч поорано,
Злотом засіяно, заволочено,
(вар. павяним перцем заволочено),
Заволочено, пречь погороджено
(вар. (земля) ясними мечі обгорождена,
Обгорождена од злоі тучи).
Ант. и Драг. Ист. п. I, 43—6.

Мечи тутъ только ограда отъ злой тучи: страна огорожена „страхомъ грозы“ княжой, „аки оградом твердымъ“ Дан. Зат. Бусл. Ист. Хр. 618. Ср. грозы Ярослава, Сл. о п. 83, загораживанье стрѣлами ib. 85. Сѣять золото—сѣять „бологого“, счастье. Ср. ниже 92. Иначе и, по моему, невѣрно понимаютъ это мѣсто колядокъ издатели Ист. п. (l. c. 46).

52. *Ми* см. въ моей ст. мр. нар. пѣсня по спис. XVI в., 6—7. Недумаю, чтобы *давѣча* могло быть вставкою великорусскаго переписчика (Огонов. 69).

—*Шумить, звѣнить*—о звонѣ славы доходящемъ до повѣствователя. См. выше прим. къ 44—5.

54. *Ту кръваваго—Русьскую.*

—*а сами*=и сами, *и* соединительное. Ср. 19 (*а к'нязю*) и примѣч. къ 19.

—Для доказательства народности этого образа, конечно, уже нельзя ссылаться на искусственную пѣсню „за Нѣманъ иду“, ни на поддѣльную думу о походѣ на Поляковъ. Тихонр. (Сл. о п.[2] 37) ссылается на двѣ вр. пѣсни, изъ коихъ видно, что *пьянъ*=раненъ и косвенно слѣдуетъ, что *битва*=*пиръ*. Прибавлю къ этому, что *жаждать* и *пить* =любить (примѣры изъ пѣсенъ серб. и мр. довольно многочисленны. О нѣкр. симв. въ Сл. н. п. 12—3) и что *пить* риѳмуется въ пѣсняхъ мр. и поль. съ *бить*, какъ мнѣ кажется, не по одному только созвучію, но и по внутренней связи. Серб. *пир* есть именно свадебный пиръ, какъ и лужиц. kwas, свадьба, собств. питье. Въ Сл. о п. битва представляется именно свадебнымъ пиромъ. Варить пиво, медъ—значитъ готовиться къ битвѣ:

Ой обозветься пан Хмельницький:
......Гей друзі, молодці,
Браття козаки запорозьці!
Добре знайте, борзо гадайте,
Із ляхами пиво варити затирайте:
Лядський солод, козачька вода,
Лядскі дрова, козацькі труда

и далѣе варьяціи на туже тему (Ант. и Драг. Ист. п. II, 33, 36). Древнѣйшее свидѣтельство о существованіи на Руси этого представленія находится на 1-й стр. Новгородской 1-й л. (П. С. Л. III):

„И бяше Ярославу мужь въ приязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ нощью отрокъ свой, рекъ къ нему: „онь си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много!“ И рече ему мужь тъ: „рчи тако Ярославу, д'аче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати“. И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися“. Они переговариваются иносказательно (какъ у Пушкина, Кап. Доч., хозяинъ постоялаго съ Пугачевымъ), быть можетъ потому, что въ присутствіи постороннихъ; „меду ма-

ло варено“, т. е. небыло серіозныхъ приготовленій къ битвѣ: три мѣсяца стояли Ярославъ со Святополкомъ объ Днѣпръ „и несмѣяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати“. „Дать медъ дружинѣ“ прямо объяснено черезъ *спцися*.

Пьянъ, *спитъ*—*мертвъ*. Пани узнаетъ у гайдамаковъ коней и сѣдло своего мужа. Тѣ ей отвѣчаютъ:

Ой ми собі сіі коні, ми іх покупили,
З холодноі криниченьки могорич запили,
Під гнилою колодою спати положили

(ср. у Zeg. P. II, 5).

И при такомъ представленіи битвы куплей-продажей съ могорычемъ гайдамаки и убитый ими были и понынѣшнему малорусск. „сваты“.

Въ пѣснѣ о Рымаревнѣ:

Ой одчикяй, моя матінко, ворота!
Я везу тобі невісточку пъяненьку:
Ой упилась, моя матінко, од ножа.
А заснула, моя матінко, край коня.

Метл. 285.

55. То, что полегла трава отъ жалости и пр., можно бы попытаться привести въ связь не съ предыдущимъ („сами полегоша“), какъ это и дѣлаютъ многіе, а съ послѣдующимъ, съ тѣмъ что „невеселая година въстала“. Однако другія мѣста Сл. о п. Иг. доказываютъ любовь автора къ пріему, состоящему въ постпозитивности образа, представляющаго сочувствіе внѣшней природы, ср.

„Ту Игорь высѣде изъ сѣдьла злата
...уныша... забрала а веселıеıе пониче“...

„ıединъ же (Изяславъ) изрони... душю...;
уныла голосы трубы трубять городьньскыя, пониче веселиıе“.

„Стугъна... Ростислава... затвори... дънѣ...; плачеться мати Ростиславлля... уныша цвѣти жалобою и древо с'тугою къ земли прѣклонилося“.

—*Ничить*. Подобно другимъ глаголамъ $\frac{и}{ѣ}=\frac{и}{а}$, *ничити*, *ничати* означаетъ пребываніе въ извѣстномъ состояніи: быть поникши. Буслаевъ Рус. Хр. 99 читаетъ *ни́четъ* (отъ *ницати*), что ненужно. Тихонр. смѣшиваетъ этотъ глаголъ съ *никнути*, *возникать* и потому некстати сравниваетъ нѣсенныя мѣста: „трава *ростетъ* непостарому“ и „си ноћ сам ти чудан санак снио, да је трава по авлији *никла*“, т. е. что дворъ поросъ травою, запустѣлъ (Сл. о п.² 37—8). Вмѣсто этого ср. напр.

...зязюлька
Слезно жалостно кукуиць,
Ажны зялёная травка к зямлѣ прилегаиць,
Шейнъ, Бр. п. 473.

По-під мостом—мостом трава зеленіє;
За хорошим мужем жона молодіє.
Да по-під мостом—мостом трава *посихає*,
За ледачим мужем жона погибає, Метл. 302,

гдѣ вм. *посыхає*—можно бы ожидать и *полягає*, *вилягає*, хотя конечно этимъ измѣнилась бы мысль: трава сохнетъ подъ мостомъ, гдѣ бы ей скорѣе всего быть зеленой.

—*древо... преклонилося*. Дерево гнется отъ печали—см. въ моей ст. О связи нѣкр. представленій 10—12 (Фил. Зап. 1864) и ниже въ Сл. о п. о гибели Ростислава.

VII.

56. Уже бо братиѥ Невеселая Година въстала, уже пустыни силу прикрыла.

57. Въстала Обида въ силахъ Дажьбожя (-а) в'нука: въступила (*вступилъ*) дѣвою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крилы (*кры-*) на синѣмъ (-*ѣ*) морѣ (-*е*); у Дону, плещючи (-*у*), упуди (*убуди*) жирьня (-*рн-*) времена.

58. *У* усобицяхъ (*усобица*) к'няземъ *рать* (нѣтъ въ изд. 1800) на поганыя погыбе: рекоста бо братъ брату: „се моѥ, а то моѥ же" и начяшя (-*а*) к'нязи про малоѥ „се великоѥ" мълвити (-*лъ-*) а сами на себе (-*ѣ*) крамолу ковати; а погании съ в'сѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую (-*ск-*).

59. О далече заиде соколъ, п'тичи (*птицъ*) бья, къ морю! А Игорева храбраго пълку (-*лъ*) некрѣсити!

60. За нимъ кликну карна и жля *и* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) поскочи по Русьской (-*ск-*) земли, смагу *людемъ* (есть въ Екат. сп., нѣтъ въ 1-мъ изд.) мычючи въ пламянѣ розѣ.

61. Жены русьскыя (-*скія*) въсплакашяся (-*шасъ*) а ръкучи (*аркучи*): „уже намъ своихъ ми-„лыхъ ладъ ни мыслию с'мыслити, ни думою с'ду-„мати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни „мало того потрепати!".

62. А въстона бо, братиѥ, Кыѥвъ (*Кі-*) тугою а Чьрниговъ напастьми: тоска разлияся по

Русьской (*-ск-*) земли; печяль (*-а-*) жирьна (*-рн-*) тече средь земли Русьскыи (*-скый*).

63. А к'нязи сами на себе крамолу коваху, а погании, *съ* (*сами*) побѣдами нарыщюще (*нарищуще*) на Русьскую (*-ск-*) землю, емляхутъ (*-ху*) дань по бѣлѣ отъ двора.

64. Тая (*тіи*) бо два храбрая Святославличя (*-ъ- -а*) Игорь и В'севолодъ уже Л'жю (*лжу*) убудиста (*убуди*) которою (*которую*): ту (*то*) бяше ус'пилъ отъць (*ецъ*) ихъ Святославъ (*-ъ- ь*) грозьный (*-зн-*) великый Кыевьскый (*Кіевс-*) грозою:

65. Бяшеть притрепалъ (*-трепет-*) своими сильными пълкы (*-лъ-*) и харалужьными (*-жи-*) мечи; наступи на землю Половьцькую (*-вецк-*), притъп'та (*-топта*) хълмы (*хлъми*) и яругы, възмути (*вз-*) рѣкы (*-и*) и озера (*-ы*), исуши (*иссу-*) потокы (*-и*) и болота; а поганаго Кобяка изъ лукы моря (*лоукуморя*) отъ желѣзьныхъ (*-зн-*) великыхъ (*-ихъ*) пълковъ (*-лъ*) Половьцькыхъ (*-вецки-*) яко вихръ вытърже (*-тор-*), и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ (*-іе-*), въ гридьницѣ (*-дн-*) Святославли (*-тъ-*).

66. Ту Нѣмьци (*-мц*) и Венедици, ту Грьци (*Гре-*) и Морава поютъ (*-ъ*) славу Святославлю (*-ъ-*), каютъ к'нязя Игоря, иже погрузи жирово дьнѣ (*жиръ во днъ*) Каялы рѣкы Половьцькыя (*-вецкія*) [Русьскаго (*-ск-*) злата насыпашя ту.]

---

56. *Невеселая Година* ср. съ мр. Лихая Година, какъ олицетвореніе или миѳическое существо.

—*въстала* (56 и 57)=*възстала*, поднялась, какъ выше (21) *узбися* Дивъ, кличеть *върху* древа.

—Существуетъ чтеніе „*у пустыни силу прикрыла*" т. е. Невеселая Година; но прежде, чѣмъ принять его, надо попытаться понять безъ поправокъ.

Пустыни (им. ед. ж.) *силу прикрыла* ср. съ „*тьма свѣтъ покрыла: по Русьской земли прострошяся Половьци*". Въ такомъ случаѣ *сила* нѣчто противоположное *пустынѣ*. Можно предложить двѣ сходныя догадки. Во 1-хъ, *сила* быть можетъ синонимъ *власти—волости*, страны съ оттѣнкомъ изобилія богатства, ибо *сила*—crassities (Mikl. Lex.), а *сильнъ*—богатъ: и тако плакавъшеся надъ нимъ все множьство Новгородьское, и *силнии*, и худии, и нищии и убозии... и тако разидошася, Ип.[1] 121 ([2]. 413); створи Рюрикъ Ростиславу велми *силну* свадьбу (богатую?), ака же нѣсть бывала въ Руси, ib. 136 ([2]. 443); милостыню силну роздава имъ (манастыремъ) и нищимъ, ib. 144 (458), гдѣ однако можетъ быть „многую". Такимъ образомъ=уже обильная страна покрылась пустотою.

Во 2-хъ, *сила* въ русск. и др. нарѣчіяхъ значитъ много, множество, серб. *силан*, многочисленный. Согласно съ этимъ=уже пустота (безлюдье) прикрыла многолюдство.

Менѣе вѣроятнымъ кажется, что здѣсь рѣчь о частномъ случаѣ Лихой Годины, о *рати—силѣ* Игоревой, покрытой пустынею въ томъ смыслѣ, какъ въ „дружину твою, княже, п'тичь крилы приодѣ" и быть можетъ какъ въ темномъ мѣстѣ 45 („на нь (на Бориса Вячеславича) ину (другую. необычную), зелену паполому постьла"?).

Въ виду замѣчанія В. Миллера, что мѣста, гдѣ полегло Игорево войско, нельзя назвать пустыней, такъ какъ тамъ была трава, деревья, болота (Взгл. 208), можно замѣтить, что *пустыня* и въ смыслѣ мѣстности можетъ быть „прекрасная", зеленая, лишь бы съ оттѣнкомъ безлюдья; что понятіе о песчаной степи связывается съ этимъ словомъ развѣ въ учебникахъ географіи. Невижу отношенія къ разсматриваемому мѣсту болгарского *пуст*, проклятый и русск. „чтобъ тѣ пусто!" (В. Милл. ib. 209—10).

57. *Въ силахъ*. Объясняютъ „въ Русскихъ дружинахъ" (Бусл. Р. Хр. 99, гдѣ и другое, исключающее это объясненіе „въ Русской землѣ вообще"), въ военныхъ силахъ князя, внука Дажьбога" (В. Милл. 73). Мнѣ кажется, что рѣчь здѣсь не о пораженіи дружины, а о послѣдствіяхъ этого, о бѣдствіяхъ страны, принадлежащей

Дажьбожу внуку, о которомъ выше, прим. къ 47, стр. 59—61. *Силы*, быть можетъ, богатство, имѣніе, какъ *мочь* въ мужикъ *полномочный*, имѣющій полную силу, зажиточный; *маломочный*, бѣдный (Нижег. Олон.; Барс. Прич. 130, 135: Къ ист. зв. 79—81, прим.).

—*Обида*. Послѣ изданія Причитаній Сѣв. кр. Барсова многимъ стало очевидно, что *Обида* въ этомъ мѣстѣ Сл. о п. неотдѣлима отъ Безталаницы, Кручины, Горя, *Нужды*, *Лихой Доли*, противополагаемыхъ *участи—талану*, *Доброй Долѣ*. Вопросъ о разницѣ между миѳологическою личностью и олицетвореніемъ здѣсь можно оставить въ сторонѣ. *Обида* въ отвлеченномъ смыслѣ—см. прим. къ 31, стр. 36—8.

Въ примѣч. къ 47, стр. 56—59, были приведены мѣста, изъ коихъ можно заключить о тождествѣ или сходствѣ *Обиды* и *тоски*, *горя*, горькой доли. Въ слѣдующемъ *обида*, тоже какъ нѣчто вещественное, быть можетъ личное, отождествляется съ *кручиной*:

„Благодарю да васъ отцовъ поповъ духовныхъ,
„Што шли ко мнѣ вы, неломалися,
„Кручинушки моей неубоялися,
„Обидушки моей неустрашилися....

(Имъ было чего бояться, ибо злыдни переходчивы; но)

„Кручина отъ меня да неотшатнется,
„Обидушка къ вамъ да непривяжется.

Барс. Прич. 110.

Въ слѣдующемъ раздѣленіе Обиды и Кручины, выглядывающихъ изъ окна, не предполагаетъ существеннаго ихъ различія:

Какъ сглянула на хоромное строеньице,—
Припечаливши хоромное строеньице....:
Сквозь окошечко виднѣеветъ кручинушка,
Сквозь другое выглядаетъ зла обидушка.

ib. 167. Ср.

Посмотри-тко, мой милый,
На мое на окошечко:
На моемъ ли на окошечкѣ
Не *бѣда* ли тамъ лежитъ,

Лежитъ *сухота* большая,
Что ссушила, сокрушила
Меня молодешеньку.
Шейнъ Р. п. 310 (Пск.), id. Бр. п. 227.

Въ слѣдующемъ еще одно представленіе Доли: *Судинушка* (Судина, Судьба), какъ *Обида* въ Сл. о п., *плещетъ* хотя и не крыльями, какъ въ Сл. о п., но повидимому съ той же цѣлью. Дочь въ плачѣ о потонувшихъ отцѣ и братѣ:

„Снярядились мы за славное Онегушко
„Во утлой малогребной этой лоточкѣ,—
„Съ сусѣдями, безсчасны, непростилися,
„Милосердому Бладыкѣ немолилися,
„Воску ярово свѣщей незатопляли. [15])
„Знать, Судинушка по бережку ходила,
„Страшно—у́жасно голосомъ водила [16]),
„Во *длани судинушка плескала*:
„До суженыхъ головъ да добералась.
Барс. Прич. 282.
(Ср. ib. 255, 86 сл.; 262; 281.

Сравненіе это у Веселовскаго Die Russischen todtenklagen и Нов. взгл. на Сл. о п. Жур. Мин. Нар. Пр. 1877. Авг. 276.

....*Встала- - -в'нука* есть обозначеніе главной, конечной черты событія; затѣмъ—перечисленіе отдѣльныхъ послѣдовательныхъ моментовъ приближенія обиды: сначала она вступила на землю Трояню, гдѣ-то въ недовѣдомой дали пространства и времени, потомъ всплескала крылами на Синемъ морѣ, наконецъ у Дону, гдѣ совершилось несчастье. Вѣроятно авторъ зналъ, что и въ какой-то землѣ Трояней были рати и усобицы, было Обида. По мр. пословицѣ „Од'Чакова до Кракова всюди біда однакова“.

—Читая *убуди*, согласно съ 1-мъ изд., объясняютъ: „пробудила времена насилія (?! Дуб.); „пробудила богатыя

---

[15]) Стало быть, сами были виною своего несчастья, какъ Алексѣй Поповичъ въ мр. думѣ; это неисключаетъ того, что это несчастье произведено Судиною.

[16]) Ср выше «Дивъ кличетъ».

обильныя времена“ (Бусл. и др.). На послѣднее нужно замѣтить, что если обида есть лихая доля и т. п., то ей пристало бы не будить счастливыя времена, а усыплять ихъ. Веселовскій (Rus. Rev. III, 515), быть можетъ, въ виду знаменитаго, хотя въ своей всеобщности и невѣрнаго изреченія „нѣтъ большаго страданья, какъ вспоминать о счастливомъ времени въ несчастьи“, заставляетъ Обиду причинять тонкія душевныя мученія: „Обида, die mit ihren schwanenflügeln... plätschert, das andenken an jene glücklichen zeiten erneuernd, als die fürsten noch einig und gegen die feinde siegreich waren». Подобно этому и раньше Малаш. 113. Ни на чемъ неосновано толкованіе „жирня“—времена обильныя *несчастіями* (Вязем.) unheilschwanger (Огоновскій Сл. о пол. 73).

Читая *упуди*, я перевожу: „Обида, у Дону, плескомъ лебединыхъ крыльевъ, прогнала счастливыя времена“ ибо *счастье—пугливо*: оно боится сглазу, уроку, карканья вороновъ, лая собачьяго, какъ и другія миѳологическія существа, о чемъ въ моей ст. О Долѣ, 30—2. Древности. Тр. М. Арх. Об. т. I. Здѣсь причитанья, изд. Барсовымъ, опять оказываютъ намъ услугу:

Какъ жила я съ надежной головушкой [17])
Была счастлива вѣдь я да все таланная.
Вдругъ, знать, счастье-то сусѣды обзавидали,
Добры людушки меня да приоббаяли,
Черны вороны таланъ, знать, приограяли:
Какъ ко моему великому несчастьицу
Тутъ—проклятая злодійка Безталаница!
Впереди меня злодійка уродилася,
Впереди меня въ купѣли окрестилася
Барс. 7—8.

Смыслъ ясенъ: при жизни мужа былъ у нея таланъ-участь; но его „обзавидали“, обаяли, ограяли, облаяли, онъ изчезъ и тутъ на его мѣсто появилась Безталаница.

---

[17]) То есть съ мужемъ.

Мать говоритъ о сынѣ: при жизни отца мы тебя нѣжили, тобой любовались.

„Дивовали вси добры того людушки,
Срѣкалися [18]) талану твоей участи;
Знать собаки твою участь приоблаяли,
Твое счастіе сусѣды приоббаяли,
Сустигало тутъ злодійно безталаньице:
Отлишилъ Господь великое желаньице“
т. е. отца, ib. 177.

Веселовскій (Rus. Rev. III, 512) нѣсколько иначе понимаетъ эти мѣста: «Das schicksal wird... einem von bösen leuten angehängt, von hunden angebellt, von raben argekrächzt», что даетъ такой смыслъ, какъ будьто къ человѣку несчастье пристаетъ, потому что этого человѣка собаки облаютъ и пр. Но лай и пр. только прогоняетъ счастье, а на пустое мѣсто само является несчастье.

58. *а* то *моѥ же*=и то мое; *а сами*=и сами.

60. Мѣсто темное. Максимовичъ (Украин.) читаетъ вм. карна и жля—Кончакъ и Гза. Во всякомъ случаѣ рѣчь не о воѣ поминокъ (Майковъ, Стихотв. III, 240), а торжествующемъ кликѣ враговъ, коему въ слѣдующемъ противопоставленъ плачь женъ.

—*Смагу людемъ*—не о факелахъ, а о пожарахъ и греческомъ огнѣ (Лаврент.[1] 19, подъ 945; Ин.[1] 128, подъ 1184), какъ это и принимаетъ большинство.

—*Поскочи* v. *поскочиста*. Именно на коняхъ. Это значеніе сохранилось до казацкихъ временъ включительно: powstał okrzyk wielki i trwoga; poskoczyła dworna chorągiew z kilkunastą tylko koni», Pamiętn. o wyprawie Chocim. 1620, ed. Ž. Pauli, 181.

61. *Того* относится къ *злата* и *сребра*. Русскіе примѣры такого употребленія мѣстоименія, постепенно переходящаго въ членъ, многочисленны; „и по правдѣ несуд(и)те: иныи по враждѣ творить, ины горскаго *того* прибытка жадая“, Серапіонъ, Злат. Цѣпь, сп. XIV в., Бусл. Ист. Хр. 497. Ср. также серб.

---

[18]) Ср. съурочить, изурочить у Даля.

.... Па ћеш бити госпођа краљица...
А носити диву и кадиву
И још *оно* све жежено злато
Кар. П. II, 105.

—П*отрепати*—не „держать въ рукахъ, осязать, ласкать“ (Тихонр.), а бить, въ смыслѣ носить, какъ треплется платье.

62. Б*о* не въ причинномъ значеніи, а скорѣе *вѣдь*, какъ иногда въ мр.

—*Средь*. Читаютъ *среди* (Бусл.), *средь* (Тихонр.), но можно оставить *средь* въ знач. направленія въ средину.

—Вм. *тече* читаютъ *утече*=*вътече*, но аористъ и безъ предлога соотвѣтствуетъ нашему прошедшему совершеннаго глагола: потекла.

—Печяль *жирьна*. *Жирная* вода, разливъ, половодье (Обл. Сл. и Даль). Печаль и тоска представляются разливомъ, что весьма обычно въ народныхъ пѣсняхъ:

Уже лужечки—бережечки *вода поняла*;
Молодую Марусю *журба обняла*,
Метл. 135. Сзадебная.

Подобно этому изображается горе невѣсты въ слѣд. свадебной пѣснѣ.

Когда надѣваютъ на невѣсту вѣнокъ:

Ой Милий Боже! [19])
Вода луженьке забрала
І дрібненькоє камінє,
Іено того небрала,
Що Марисенька на нім стояла,
Батенька си жидала:
„Вийди, батеньку,
„Позолоти косоньку!
—Золота немаю,
Золотити невмію.—
—Хоть білеми ручками,
Дрібненькеми слёзами!
Żeg. Pauli, I, 117, Бережан. окр.

---

[19]) Запѣвъ каждаго стиха.

„Розливайтеся береги; невтішайтеся вороги“ (Метл. 233), т. е. пусть вода заливаетъ берега (смѣлость оборота разсчитанная на то, что, понятно, не берега разливаются, а вода), пусть молодая печальна; но, вороги, вы нерадуйтесь, ибо...

Говорила куна́ із куно́ю сидячи над водою:
„А чи добре тобі, моя куночко, сидячи над водою?“
—Поти добре, поки дожчів немає:
Дожчі пійдуть, бережечки заллють і мене зженуть.

Говорила сестра́ із сестро́ю сидячи за скамною: [20])
„А чи добре тобі, моя се́стро,
Да сидячи за скамною?
—Поти добре, поки бояр немає:
А бояре прийдуть, мед—вино попьють
І мене з собою возьмуть
(Метл. 221),

т. е. какъ отъ дождей разливъ, такъ отъ бояръ (сватовъ) невѣстѣ разлука съ родительскимъ домомъ и печаль.

При въѣздѣ поѣзда на дворъ отца невѣсты:

Не полая вода на широкій дворъ
Къ моему батюшкѣ взлелѣяла,
Взлелѣяли мои *недруги* (поѣзжане):
Хотятъ они разлучить меня
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ,
Сах. Ск. Р. н. III, 163.

Разлійся вадзица
А по лугу, па далинѣ,
А па жоўтаму пясочку;
Разплачься Ганулька
Па роду па племяни
А па русой касицѣ,
Шейнъ Бр. п. 199.

---

[20]) За столомъ: лит. skomia, столъ.

Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о затопленіи береговъ, объясняются слѣдующія слова кобзаря, Архипа Никоненка: „про все мені байдуже, а кобзи як би на неділю небуло, так я и *гори топлю*“ (Кулішъ, Зап. о Ю. Р. I, 13). И *берегъ*, съ постояннымъ эпитетомъ *крутой*, значитъ *гора* (серб. *бриjег*, холмъ и берегъ, нѣм. berg), такъ что „гори топлю“ значитъ „затопляю берега“. Себя въ печали онъ сравниваетъ съ состояніемъ разлившейся рѣки. Горе рѣки, сочувствующей человѣку, выражается разливомъ:

Сама-ж я незнаю, де мій милий дівся:
А чи ёго звірі зъіли, а чи він утопився?
Якъ би ёго звірі зъіли, то й луги-б шуміли,
А як би він утопився, то-б Дунай розлився.
Метл. 86.

„На про́весні“ поютъ:

Зринулася водиця з Дунаю,
З Дунаю тихого, бережку крутого
(Метл. 294),

и это не голое заявленіе факта, а символическое изображеніе „*веселоі* весни“: когда рѣки возвращаются въ берега, то убываетъ и печали на свѣтѣ; эта пора весны есть свѣтъ и радость. Между тѣмъ, время разлива такъ печально, что по вр. пѣснѣ, несчастье женщины объясняется тѣмъ, что она родилась въ это время:

Калину съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила:
Несобравшись съ разумомъ замуж отдала
На чужедальнюю сторонушку.
Сах. Ск. Р. п. III, 206.

Вода и *бѣда*, *море* и *горе* ассоціированы не на одномъ основаніи созвучія, но и въ силу символическаго значенія первыхъ членовъ: „Пришла бѣда, разлилася вода, переѣхать нельзя, а стоять невелять“, Снегиревъ, Русск. посл. 342; „разбейся, кувшинъ, пролейся вода, пропади моя бѣда“, ib. 350; „островъ окружило водою, а насъ бѣдою“, ib. 313; островъ въ морѣ, а сердце въ горѣ“, ib. 330:

Спокидаетъ меня въ горѣ, какъ корабль на морѣ;
Спокидаетъ во кручинѣ, какъ корабль въ пучинѣ
(Шейнъ Вр. п. 308).

Ой я в морі купалася
И я в біду попалася.
Я-ж біду перебуду
И я море перебреду,
Лавренко, Пісні 5. (Должно-быть испорчено).

Ср. риѳму *море—горе* у Метл. 28—9, 463, 450. Въ серб. оздо' море, а одозго горе, сдесна плоча (собств. lamina, здѣсь голый камень), а с лиjева драча, Кар. Посл. 237, съ чѣмъ ср. со стороны горе, а съ другой море, съ третьей болото да мохъ, а съ четвертой охъ, Снег. Посл. 381 (О Валаамскомъ монастырѣ; о Петербургѣ); мр. відси гора, відты вода, а в середині біда (нѣсколько иначе у Закрев. Старосв. Бандуриста 148).

64. *Л'жю*, т. е. Половцевъ, о лживости которыхъ есть свидѣтельства. Володимиръ Моном. говоритъ: „како се могу створити (погубити Итлареву чадь) ротѣ съ ними ходивъ?" Отвѣщавше же дружина рекоша Володимеру: „княже! нѣту ти въ томъ грѣха; да они всегда къ тобѣ ротѣ ходяче, губять землю Русьскую и кровь хрестьяньску проливають безперестани", Лавр.[1] 97 (подъ 1095).

Подъ 1184: Кончакъ... пришедъ... ста на Хоролѣ; пославъ же бяшеть съ *лестью* ко Ярославу Всеволодичю, мира прося. Ярославъ же, невѣды лести ихъ, посла къ нимъ мужь свой Ольстина Олексича. Святославъ же Всеволодичь слашеть къ Ярославу, река: „брате! неими имъ вѣры..." Ип.[1] 128—9.

—Они пробудили *лжу* (ложь) своею *которою*: „Того же лѣта (6694) сдумаша Олгови внуци на Половци, зане же бяху неходили томъ лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о собѣ, рекуще: „*мы есмы ци не князи же*? такы же собѣ хвалы добудемъ" Лавр.[1] 167.

—*Ту*, т. е. *лжу*, Половцевъ усыпилъ было отецъ ихъ Святославъ. Сравни Тихонр. Сл. о п.[2] 6. Названіе старшаго въ родѣ, хотя бы и брата, отцомъ недаетъ основаній для соображеній В. Милл. (Взгл. 214).

66. *Каютъ* переводятъ: охуждаютъ (1-е изд.), корятъ (Дуб., Тихонр., Малаш.), порицаютъ (В. Милл. 215), „И корятъ всѣ Игоря *смѣются*“ (А. Майк.). Трудно себѣ представить, чтобы пѣвцы заволоки въ княжой гридницѣ осмѣлились порицать Игоря, смѣяться надъ несчастнымъ родственникомъ Великого князя, тогда какъ у самого этого князя есть для Игоря лишь весьма мягкіе упреки и слезы сожалѣнія! Это было бы верхъ неприличія, если бы это была правда. Слѣдуетъ: „оплакиваютъ князя Игоря“, плачутъ, какъ по мертвомъ.

Каяти значитъ не только то, что *хаяти* (хорут. kajati, vituperare), но и сожалѣть. Цер.-Слав. *окајати*, deflere (ср. нов.-болг. окаѭ,—ювам), такъ что *окаянъ*, miser, по пословицѣ „тешко оном, кога жале“. Серб. *окајати*

а) оплакать именно мертваго:

Да си мене, бједан, погинуо,
Іа бих тебе окајала љепо:
Све у мајке сједе косе плела

Kunić, 155;

б) отомстить за смерть, и въ этомъ смыслѣ „тешко оном, кога цар каје“, Кар. Посл. 316, п. ч. значитъ—у убитаго нѣтъ болѣе близкихъ местниковъ; „хоћу, нено, окајати бабу, Kuпić 275. Серб. *покајнице*, всѣ тѣ, что плачутъ и причитаютъ по мертвомъ: родственники, друзья, знакомые, приходящіе „на покајање“, Кар. Рјеч. s. v. Русск. „ходитъ какъ *неприкаянный*“, должно быть: ненаходитъ себѣ мѣста, какъ неоплаканная душа по смерти.

—*погрузи... во днѣ*—странно, такъ какъ *въ* съ мѣстнымъ п. означаетъ среду, въ которую нѣчто ставится или въ которой нѣчто находится, а не отношеніе основанія къ тому, что на немъ. Поэтому я прочелъ „погрузи *жирово дънѣ*“ вм. *жиръ* во *днѣ*, *о* вм. *ъ*, какъ въ небылонъ, Святъславлича. *Жирово*, образованное изъ *жи*-р, отъ *жити* (ничего общаго съ лит. girna, жерновъ и пр., съ коими сближаетъ Огоновскій, 79), какъ *лог-ово*, невстрѣчается, но есть сѣв. вр. *жирова*, жен. р., довольство, богатство. Можно бы читать и *жирову*. Какъ выше *жирьня времена* про-

тивополагаемыя обидѣ, не богатыя, а вообще счастливыя, такъ и здѣсь *жирово*, или, для непринимающихъ этой догадки, *жиръ*—не жизнь или богатство, а счастье—доля.

—*Погрузити*, *потопити*, *утопити* и въ древнихъ памятникахъ, и до нынѣ значитъ вообще *погубить*: „ты княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы отъ вельможь *погружаеми* (=*мы*), Дан. Зат. Калайд. Пам. XII в. 232; неповиновениѥ ѥя (жены) и прѣзорьство вьсемирьнуѭ бо погубу и погрѧзениѥ наведе, Изб. 1073, Срезн. П. р. п. 139; о зълоѥ же дияволѥ и остроѥ оружиѥ! женоѭ бо испрьва Адама въ породѣ (въ раю) *потопи*, женоѭ Иосифа затвори въ тьмьницѣ, Изб. 1073, Срезн. ib. 140; притекают... сироты и худіи от богатых *потопляеми*, аки к҆заступнику благу, Дан. Зат. по сп. Унд. Р. Б. 1856, 2, 111; о Каинови племени разуместа, яко *потоплени* боудоут, Палея 1497, Пам. стар.-русск. лит. III, 10. Въ мр. пѣсняхъ:

Бодай же ви, сірі воли, у Крим по силь несходили,
Що ви мою головоньку та на віки *утопили*,
Утопили головоньку у чужую сторононьку.

Ні на кого жалкувати, як на тебе, рідна мати,
Що молодим неженила, в вічню службу затопила.

Дівчинонько, голубонько, що ти наробила,
Що ти мене молодого та на віки втопила.

Выданная за мужъ за нелюба говоритъ:

„Чи я в тебе, моя мати, увесь хліб поіла,
„Що ти мене, моя мати, та на вік заіла?
„Чи я в тебе, моя мати, усе платтяпоносила,
„Що ти мене, моя мати, та на віки затопила?

Лучше въ самомъ дѣлѣ утопи:

„Ой завъяжи, моя мати, та білим платком очи,
„Веди мене, моя мати, та темненькоі ночи,
„Веди мене, моя мати, де вода холоднійша,
„Потопи мене, моя мати....

Метл. 262—3.

Десь ты мене, моя мати, на місті купила [21])
Що ти мене, моя мати, на віки втопила.
Ой мати, мати, що ти гадала,
Що за нелюба світ завъязала.

ib. 274.

Цѣлая пѣсня символически изображаетъ погибель чумака-бурлака въ образѣ потопленья въ *морѣ*.

Запив чумак, запив бурлак, запив, зажурився.
Ой тим же він зажурився: без долі вродився.
...Ой як пішов дорогою доленьки шукати,
Та ненайшов щастя-долі, найшовъ синє море,
Ой як зійшовъ серед моря, тай став потопати

и пр. Метл. 461.

Въ вр. ср. пословицы: юркнуло—такъ потонуло (=что съ воза упало, то пропало); то прошло, что въ воду ушло; то пропало, что въ *море* упало, Даль Посл. 312. Объ умершемъ:

Быдто камышек нырнулъ онъ въ сине море,

Барс. Причит. 190.

На экзаменѣ „*проваливаются*“, какъ на льду. Подобный образъ и въ основаніи выраженія *у́хнуться* (отъ междометія ухъ!) обанкротиться, порѣзаться, обрѣзаться на экзаменѣ (Пол. zerznąć się), откуда Харьк. *поюхтаться*, *юхта* неудачный экзаменъ (ничего общаго съ мр. *юхта*—юфть).

Мотива *тонуть—гибнуть* я уже коснулся въ своей статьѣ Мр. н. пѣсня по сп. XVI в. 51 сл. (Фил. Зап. 1877). Здѣсь по отношенію къ *погрузи жирово* замѣчу, что тонетъ не только самъ погибающій, но именно его доля:

---

[21]) Должно быть я тебѣ дешева.

Вже, Доню, твоя доля давно потонула, Метл. 276.
Питається батько: де твоя, сину, доля?
А чи в Сулі, чи в Самарі, чи у тихому Дунаі?
—Потопає моя доля край синёго моря.
Ой хоть вона потопає та ще й виринає,
Вона свого отця-неньку усе споминає, ib. 461.

Такія воспоминанія недаютъ гибнуть человѣку, какъ и на оборотъ „отцева и матчина молитва зо дна моря виймає" (Ант. и Драг. Ист. п. I, 185, 187).

Дѣвушка, потерявшая отца и брата во время бури на Онежскомъ озерѣ, говоритъ:

Таланъ—участь на синемъ морѣ оставила,
Мое счастье въ синемъ морѣ утонуло все,
Барс. Прич. 266.

Такимъ образомъ то, что Игорь „потопилъ щастье на днѣ Каялы" есть черта широко распространенная въ народной поэзіи. О другомъ, относящемся сюда выраженіи Сл. о пол. Иг. (72), см. ниже.

—*Русъскаго злата насыпаша ту*—есть, быть можетъ, глосса къ „погрузи жирово дънѣ". Менѣе вѣроятно, что это относится къ послѣдующему: то, что Игорь высѣлъ изъ золотого княжого сѣдла въ сѣдло Половчина (*кощьи* съ оттѣнкомъ значенія раба, какъ мр. *джура*, поль. ćiura, отъ *гяуръ*, невѣрный) сравнивается съ тѣмъ, какъ если-бы въ въ Каялу насыпали русскаго золота.

Потерять золото значитъ утратить дорогого человѣка:

Лучилось слышать кручинной мнѣ головушкѣ
Про ваше зло великое несчастьице,
Што оброночку, побѣдны, обронили,
Потеряшечку, обидны, потеряли,
Вы оброночку безъ найду—въ цѣлу тысячу,
Потеряшечку безъ найду—цѣны нѣтъ.
Ужъ моя ли какъ жадобна родна дяденька,
Ты злаченъ перстень стеряла со правой руки
Самоцвѣтъ камень, родитель, со бѣлой груди.
Барс. Прич. 190 (по двоюродномъ братѣ).

Золото—счастье: см. прим. къ 51, стр. 62.

VIII.

67. Ту Игорь к'нязь высѣд*е* (-*ѣ*) изъ сѣд'ла злата а—въ сѣд'ло кощіево; уныш*я* (-*а*) бо градомъ забрал*а* (-*ы*) а весели*е* пониче; а Святославъ (-*ъ* -*ъ*) мутънъ (-*тенъ*) сънъ (*сонъ*) видѣ:

68. „Въ Кыевѣ (-*іе*-) на горахъ синочь съ вечера одѣвах*уть* (*одѣвахъте*) мя, рече, чьрною (-*ръ*-) паполомою на кроват*и* (-*ы*) тисовѣ; чьрпахуть (-*ръ*-) ми син*ее* вино съ трудъмь (-*о*-) смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ [тълковинъ (*тлъ*-)] великый жен'чюгъ (-*ъ*) на лоно и нѣговахуть (*нѣгуютъ*) мя".

69. Уже дъскы (-*ъ*-) безъ князя (*кнѣса*) в'моемъ (-*ъ*) теремѣ златовьрсѣмь (-*връсѣмъ*)".

70. „В'сю нощь съ вечера Бусовѣ (*босуви*) врани възграаху; у Плѣсньска на болонии (-*болони*) бышя (*бѣшя*) дебр*и* (-*ъ*), кыяне (*кисаню*) же (*и не*) съшли (*сошлю*) къ синему морю".

IX.

71. И ръкошя (*ркоша*) бояре князю:

„Уже, к'няже, туга умъ (-*ъ*) полонила; *се бо* д'ва сокола с'летѣста (*слѣ*-) съ отьня (-*тн*-) стола злата поискати града Тьмутороканя [а любо испити шеломъмь (-*омъ*) Дону]".

72. „*Уже* соколома крильц*я* (-*а*) припѣшяли поганыхъ саблями а сам*ою* (-*аю*) опуташя (*опустоша*) въ путины желѣзны (-*зн*-); тьмно (*темно*) *бо* бѣ въ *тъ* (г҃) дьнь (*день*): д'ва сълньця (*солнца*) помьркоста (-*мър*-), оба багряная стълпа (-*лъ*-) погасоста и съ ним*а* (-*ъ*) молодая мѣсяц*я* (-*а*) [Олегъ

и Святославъ (-*ъ*)] тъмою (*тъм-*) ся поволокоста [22]) и въ морѣ *ся* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) погрузиста, и великое буйство подаст*а* (*подасть*) хинови".

73. [На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по Русьской (-*ск-*) земли простърошяся (-*строша-*) Половъци (-*вц-*), акы (-*и*) пардуше(-*же*) гнѣздо"].

74. „*Уже* узнесеся (*снесеся*) хула надъ (*на*) хвалу; *се* бо Готьскыя (*Готскія*) красьныя (-*сн-*) дѣвы въспѣш*я* (-*а*) на брезѣ син*ѣ*му морю: „звоня Русъскымъ (-*ск-*) злат*ъ*мъ (-*омъ*) поют*ъ* (-*ъ*) время Бусово, лелѣют*ъ* (-*ъ*) мьсть (*ме-*) Шар*у*каню (*Шаро-*)".

75. *Уже* трѣсну (*тре-*) Нужда на волю, уже вържеся (*връжеса*) Див*ъ* (-*ъ*) на землю; а мы уже дружина жядьни (*жадни*) веселия!"

---

67. *Бо* въ значеніи *вѣдь*, а не въ причинномъ. Быть можетъ слѣдуетъ читать вм. „бо градомъ" „*по* градомъ", какъ въ 57 слѣдуетъ *упуди* вм. *убуди*. Въ такомъ случаѣ =„уныли (опечалились) по городамъ заборола и веселіе поникло (склонилось)".

Забрла, мн. ч. ср. Это слово хотя и встрѣчается въ значеніи стѣны городской вообще, такъ что напр. осаждающіе идутъ „подъ заборола", Ип. 210; но чаще означаютъ верхнюю, защищенную отъ стрѣлъ и камней площадку стѣны, на которой стоятъ защищающіе, или верхюю меньшую стѣнку съ зубцами, изъ-за которой стрѣляютъ. Собственно *за-бороло* то, что находится за бороломъ, а карпатско-русск. *борола* (жен. р.?), скала (Vahilevič, Bojkové, Čas. Cesk. Mus. 1841, 1), слов. bralo, brádlo—vrch (Šembera, Zaklad. Dialectol. 76), чеш. bradlo, скала, перила, bradlí, перила, румын. *забрѣле*, cancelli (Mikl. Lex.

---

[22]) Послѣ «поволокоста» въ 1-мъ изд. слѣдуетъ «на рѣцѣ... гнѣздо», а за тѣмъ «и въ морѣ... хинови».

s. v.). Вещественный смыслъ, лежащій въ „унынiи забороль“, есть унынiе защитниковъ. Что до образа, то ср. въ былинахъ плачъ стѣны городовой:

...Случилось ити турамъ мимо Кiевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую....
...Подъ тоей ли стѣной городовоей
Ходитъ дѣвица душа красная,
Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
Не столько читаетъ, вдвоёмъ она плачётъ.
Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная.
А тутъ *плакала стѣна-мать городовая*,
Она вѣдала невзгодушку великую,

(именно нашествiе Батыя), Рыбн. I, 174; II, 40; ср. II, 352. Замѣчательно, что въ мр. разсказѣ, соотвѣтствующемъ этой былинѣ о Васильѣ пьяницѣ, убившемъ стрѣлою со стѣны троихъ въ станѣ Батыевомъ и выданномъ Кiянами или княземъ, именно въ разсказѣ о рыцарѣ Михайликѣ, который пустилъ съ башни стрѣлу прямо въ жаркое Татарину, выданъ Кiянами и за то унесъ на копьѣ Золотыя кiевскiя ворота въ Царьградъ, эти *ворота обнаруживаютъ радость* и *печаль* (Записк. о Ю. Р. I, 5. Ср. Драгомановъ, мр. народ. пред. 249). Далѣе отстоятъ олицетворенiя земли: плачъ матери-земли, которая, послѣ избiенiя ея чадъ, остается бѣдной, бездѣтной вдовою, подъ 1240 г., Русск. Времен. изд. 1790 (Шевыревъ, Ист. Рус. Слов. III, 56); Плачъ земли о чадахъ въ похвалѣ Меркурiю (Бусл. Очерк. II, 179, ib. 182);

„Хиновя, поганые Татаровя - басурмановя... Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ, и отъ толя Русская земля сѣдитъ невесела, а отъ Калатьскiя (чит. Калокскiя=Калъкскiя) рати до Мамаева побоища тугою и печалiю покрылася, плачющися, чады своя поминающи“, Задонщина по чтен. И. И. Срезн. Изв. А. Н. VI, 345.

Як зажурилась тай заклопоталась бiдна вдова
(То-то не вдова, то королевська земля).
Що стали жиди великий одкупъ давати...
Ант. и Драг. И. н. II, 25.

Всѣ эти олицетворенія, вѣроятно, книжнаго происхожденія.

—*Мутьнъ сънъ*, печальный.

Значенію *печали* въ вр. обл. *мутно*, чеш. mutný, мр. *смутний*—невеселий, поль. smutny и smętny предшествуетъ въ этихъ словахъ значеніе *мутный*=возмущенный, именно о водѣ. Отсюда взято здѣсь представленіе печали. Въ народной поэзіи такое представленіе печали весьма распространено:

Чому в ставу *вода руда*? мабуть хвиля збила;
Чом *дівчина невесела*? мабуть мати била.
Метл. 113.
Чого, річко, тихо стоіш? Чи риба змулила? [23])
—Мене риба незмулила, сама тихо стою.
Чого, дивчя, смутна ходиш? Чи мати сварила?
Мене мати несварила, сами слёзи льются:
Од милого післув нема, од нелюба шлются,
Сб. пам. н. тв. свз. кр. 69.
Чого ти, мила, такая, [24]) як водиченька мутная?
Метл. 264.

Tečie voda, tečie mutna;
Preco ze sy, moja mila, taka smutna?
Pis. sv. lidu Sloven. v. Uhř. 94.
Ticha voda, ticha, zakalila si sa;
Moje potešení, oddalilo si sa
(Mor. N. pis. 263),

т. е. опечалила меня и себя.

Воду мутную пить или купаться въ ней во снѣ предвѣщаетъ болѣзнь или оскорбленіе чести; воду чистую пить или купаться въ ней во снѣ—хорошее здоровье (Этн. свѣд. о Подол. губ. 42). Sen o kalné velké vodě znamená klevety (Houška III, 51), сплетии, т. е. все таки печаль отъ нихъ. Мутить воду—печалить, ссорить:

---

[23]) Смѣшала съ муломъ, иломъ.
[24]) Такая печальная.

Два голуби *воду пили* (=любили другъ друга), а два *колотили* (мутили воду, ссорили);
Бодай же тим тяжко-важко, що насъ розлучили,
Метл. 63.

Сірі гуси воду *сколотили*;
Вражі люде дівчину *одбили*.

Самое *колотить* въ поль. kłócić значитъ не только мутить (zakłócić pokoj), но и ссорить.

Ieśli będziesz wodę brała, pamiętaj niekłócić;
Ieśli będziesz mnie kochała, pamiętaj niesmucić,
Wojć. Pieś. II, 224.

Srokate koniki w stawie wodę mącą:
Zjedzą kata ludzie, jeśli nas rozłączą,
Zeg. Pauli P. L. P. 220.

Какъ здѣсь взмученная вода (символъ печали) противополагается счастливой любви, такъ въ слѣдующемъ невозмутимость водъ рѣки противоположна печали:

Ты рѣка ль моя, рѣченька,
Ты рѣка моя быстрая [25])!
Течетъ рѣчка, неколыхнется,
Со желтымъ пѣскомъ невзмутится.
Ты дитя ль мое, дитятко,
Что сидишь ты, неулыбнешься,
Говоришь, неусмѣхнешься?
Сах. Ск. Р. н. III, 178; Гуляев. Оч. ю. с. 21

Рѣка мутится отъ своего и людского горя:

Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай рѣку за водицей.
Во Дунай ли рѣкѣ она потонула?
...Кабы она во Дунай рѣкѣ потонула,
Дунай рѣка съ пѣскомъ возмутилась [26])
Сах. ib. 205.

---

[25]) Быть можетъ и въ русскомъ первоначально еще въ томъ значеніи, какое въ серб. *бистар*, хорут. bister, н.-луж. bytšy (о свѣтѣ звѣздъ Haupt и Smol. II, 32), именно прозрачный, свѣтлый.

[26]) Сомутилась.

Какъ бывало ты (Донъ) все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
...—Ужъ какъ то мнѣ все мутну небыть?
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, донскихъ козаковъ
Сах. ib. 240.

Aj Vltavo, če mutiši vodu?...
...Kako bych jaz vody nemutila,
Kegdy se vadita rodna bratry
Зеленогор. ркп.

Въ мр. пѣснѣ XVI в. Дунай смутенъ течетъ, потому что на немъ три роты (Турки, Татары, Волохи). Тоже о Донѣ въ вр п. у Сахарова Ск. Р. н. III, 237. Ср.

Чом ти, Дунай став так смутен,
Став так смутен, каламутен?
Що, Дунаю, тебе збило?
Чи галочки чорнокрилі?
Чи коники воронії?
Чи козаки молодиї? (Чубин. V, 948).

Отвѣтъ, вѣроятно, въ томъ же родѣ, какъ выше. Вѣроятно подъ вліяніемъ этого мотива и въ Сл. о пол. Иг.: „рѣкы мутьно текуть... Половьци идуть отъ Дона и отъ моря“. И въ другомъ мѣстѣ (85), о коемъ ниже.

68. *Одѣвахуть* (съ конечнымъ ъ составляющимъ слогъ). Въ рукописи стояло вѣроятно *одѣвахѫте*, съ конечнымъ *е*=*ъ*; издатели приняли *у* за *ѫ*. Второе лицо *-хъте* и само по себѣ сомнительно и менѣе понятно, чѣмъ 3-е, коему соотвѣтствуютъ *чьрпахуть*, *сыпахуть* и быть можетъ *нѣговахуть* вм. нѣгуютъ. Смыслъ: *одѣвали* (покрывали) меня, т. е. неизвѣстно кто, кто-то. Такъ разсказываютъ сны: „какъ будьто кто-то меня одѣвалъ“... Догадка, что слѣдуетъ читать „одѣвахъ темя“ (В. Милл. Взгл. 216) ненужна и непривлекательна: если онъ хотѣлъ сказать, что куталъ голову, то за чѣмъ онъ говоритъ о темени, которое скорѣе всего и безъ его вѣдома могло остаться неприкрытымъ.

—*Чърною* паполомою. О черной одеждѣ, какъ траурной,—Ипат. л.[1], 72.

—*На кровати тисовѣ*. Нынѣшнее вр. *тесовая* кровать (тоже и въ мр.; ср. тесовая труна, Метл. 271) Даль считаетъ или безсмысленнымъ (Сл. IV, 371) или понимаемымъ въ смыслѣ „тесапая“ (ib. 368); *е* врядъ ли фонетическимъ путемъ образовалось здѣсь изъ *и*, но оно легко могло появиться въ силу ошибочной этимологіи. На оборотъ *и* въ *тисовая* (Сл. о пол.), засвидѣтельствованное и для *мр*., не могло образоваться изъ *е* ни по какимъ причинамъ, такъ что разсматриваемая форма—древняя, неискаженная и значитъ сдѣланный изъ *тиса*. Однако здѣсь подъ *тисомъ* невозможно понимать taxus baccata. Совершенно сказочно, что изъ этого дерева дѣлали на Руси кровати, столы, ворота. Въ мр. пѣснѣ, вм. „зроби мені тісовую (Метлин. пишетъ „тисовую“) труну“ Метл. 270 (Глуховъ), стоитъ „кедровую“, „с кедрины“ (ib. 267—8); ср. Чубинск. V, 778—9, 782. Вѣроятно стар.-русск. *тисъ*, употреблявшійся на дорогую мебель, былъ тоже что серб. *тисово дрво*, *тисовина*, именно pinus larix, лиственница, которая и теперь еще встрѣчается на юго-западѣ русской области. Цер.-слав. *тисиѥ* кедры, *тиса* πέυκη.

—*Синѥѥ вино,* свѣтлое ср. *зелено* вино, серб. *бистрица* ракиja. См. примѣч. къ 32.

—Съ *трудъмь*, съ горемъ, горькое. См. примѣч. къ 1. Кромѣ этого и само по себѣ питье вина во снѣ можетъ быть дурная примѣта. Водка во снѣ—болѣзнь (Старобѣл. у. Харьк. губ. Сообщ. студ. А. Поповъ). *Пить* вообще, можетъ быть,—тоже. Ср. серб. проклятіе „Колико љеба поjела, Толико jада имала! Колико воде попила, Толико суза пролила! Кар. П. I, 269.

—*Великый жен҄чюгъ*. Ср. „(о)проче камени дорогого и великого жемчюга“, Ип.[1] 78; бѣ видити слезы его лежачи на скраню его, яко женчюжная зерна, ib. 95. Видѣть во снѣ жемчугъ (въ мр. намисто) значитъ слезы, Аѳан. Поэт. Воззр. I, 602. Ср. также

Ты *разсыпься*, *крупенъ жемчугъ*,
Что по атласу да по бархату!

Ты *расплачься*, невѣстушка...
... Передъ батюшкой стоюци,
Шейнъ Р. н. п. 485;
Сах. Ск. Р. н. III, 198,

Разсыпься, *крупенъ жемчугъ*,
Не по атласу, не по бархату,
По серебрянномъ блюдечку!
Ты *расплачься*, Марьюшка...
Шейнъ ib. 462.

Въ сербскомъ причитаньи этотъ мотивъ соединяется съ другимъ, именно съ труднымъ собираньемъ разсыпаннаго, какъ символомъ горя [27]):

Просуо се бисер (жемчугъ) по грохоту (по мѣсту усѣянному камнями, откуда трудно выбирать),
Ма се саже (согнулась, нагнулась) Iокичина маjка (мать умершаго),
Да покупи бисер по грохоту,—
Из грохота удари их змиjа,
Коjа им je очи извадила,
Кар. Ковчежиħ, 105.

---

27) Ой ходила дівчинонька по городу,
Та сіяла дрібний мак із приполу.
«Ой як мені сей дрібний мак позбірати?
«Ой як мені та свекорка назívати?
«Позбіраю дрібен мачок сивим голубцем;
«Назову я та свекорка рідним панотцем.
Метл. 160.

Ср. сказочный пріемъ, по которому исполненіе одной изъ трудныхъ задачъ, собиранья рязсыпаннаго маку, зерна, бисеру, поручается птицѣ.

Подобное значеніе имѣютъ и овцы, кегда они не рояться, а разсыпаются:

(Ой) *роспустив* вівчарь вівці та по крутій гірці;
Мені ж буде *тяжко важко*, як ти пійдеш відсіль.
Ой роспустив вівці, тай непозбіраю;
Мені ж буде тяжко важко, як тебе згадаю,
Метл. 108.

Подобное же значеніе печали, разлуки имѣетъ какъ *разливанье* воды (Метл. 72, 73), такъ разсыпанье орѣховъ:

Було в мене три орішки, та всі *розкотились*;
Було в мене три женишки, та всі *поженились*,

т. е. оставили ее.

(З) стрішки орішки *котяться*;
Чогось наші бояри *смутяться*
Метл. 191.

Ой бризнули З стрішке орішке по столі;
Ой зайржали вороні конике на подвіру;
(предстоитъ разлука)
„Ой недай мене, батенько, від себе:
Ще'м несходила рутяного віночка в тебе,
Бережан. окр. Żeg. Pauli I, 119.

„З стришки орішки" быть можетъ потому, что орѣхи сохраняютъ подъ стрѣхою, на горищѣ?

Такое же значеніе, какъ жемчугъ имѣютъ ягоды: „видѣть или ѣсть во снѣ вишни предвѣщаетъ слезы" (Этногр. свѣд. о Под. губ.) или „болѣзнь, горе" (Старобѣл. у. Хар. губ. сообщ. студ. А. Поповъ).

Ношеска сум я лош сон видел-о:
Църно грозје во пазу'и найдоф,
Миладин. 229;

Въ литов. пѣснѣ: „Какъ я ѣхалъ черезъ зеленый лѣсъ, „Сломилъ я себѣ калиновую вѣтку. Не столько на калинѣ ягодъ, „Сколько тутъ падало горькихъ слезъ", Юшкев. Л. н. п. 30.

—*На лоно*, на грудь (ср. выше въ болг. пѣсняхъ гроздья за пазухой), покрытую черною, можетъ быть именно оксамитною паполомою, какъ въ мр. пѣснѣ:

Мати свою дочку нарядила,
Чорним оксамитом руки вкрила,
В золоте трунце положила...
Чубин. Тр. этн. эксп. V, 781.

—*Тъщими тулы*. Порожніе тулы, изъ которыхъ выстрѣляны стрѣлы на русскіе вои,—причина слезъ (Максимовичъ).

—*Тълковины*, хотя и невстрѣчено нигдѣ, кромѣ этого мѣста и Лавр.[1] 12 подъ 6415, но, образованное отъ *тълков-ати*, какъ мр. *змовини*, *заручини*, можетъ значить только *толкованіе*. Въ Сл. о п. оно внесено книжникомъ, который взялъ это слово изъ лѣтописи, принявши его за названіе народа. Въ лѣтописи могло стоять первоначально: „и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть тълковины: Великая Скуѳь". Потомъ въ видѣ глоссы къ „яже суть тълковины" приписано „си вси звахуться". Переписчикъ написалъ все въ строку, и получилось: „Олегъ.... поя.... и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци яже суть толковины си вси звахуться Великая Скуѳь" Лавр.[1] 12. Ср. „Улучи, Тиверьци.... да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь, Лавр.[1] 5. Иначе объясняютъ Огоновскій, Сл. о п. Иг. 81, Веселовскій, Нов. Взгл. на Сл. о п. Иг. въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1877. IX, 301.

—*Нѣговахуть мя*. Найболѣе простыя изъ основаній толкованія сновъ—символическое сходство (жемчугъ—слезы) и прямая противоположность (слезы во снѣ—радость) [28]). Каждый изъ предыдущихъ моментовъ сновидѣнія (чорный покровъ, вино съ трудомъ, жемчугъ разсыпанный по одѣялу, чтобъ князь забавлялся, любуясь имъ) имѣетъ символическое значеніе; всѣ вмѣстѣ (то что за Святославомъ ухаживали) толкуются по противоположности, не къ добру.

69. Форма *кнѣса* въ фонетическомъ отношеніи непонятна. По серб. было бы *кнеза*. *Князь* здѣсь матица въ избѣ, на чемъ лежитъ накатъ (дъски). Если сволока нѣтъ, то накатъ, потолокъ упадетъ на голову, а смыслъ этого виденъ изъ серб. „*кад падне шљеме на теме*", т. е. „кад падне кућна брига на главу", когда падетъ на голову забота о домѣ, напр. сыну послѣ смерти отца (Кар. Посл.). Сонъ вѣщуетъ Святославу, что на него падетъ забота о родѣ, о землѣ.

---

[28])Или: видѣть во снѣ малыхъ дѣтей—большія хлопоты (Старобѣл. у. студ. А. Поповъ), потому что «малі діти—мале лихо, побільшають, погіршають». Ср. также толкованіе сна по противоположности въ превосходной Серб. п. у Кар. I, № 639.

Вдова, воротившись съ погоста, останавливается передъ крыльцомъ и причитаетъ:

Нонь гляжу—смотрю печальна горепашица
Я на это на хоромное строеньицо:
По вону стоитъ палата грановитая,
По нутру стоитъ тюрьма заключевная....
....Отшатилося крылеч(ь)ко переное,
Разрѣшетились новы сѣни рѣшетчаты
(Барс. Пр. 20),

Безъ „надежи“ распадается домъ.

70. Принимаю немного измѣненное чтеніе Максимовича лишь за неимѣньемъ лучшаго.

—*Бусови*, мѣстный безъ предлога съ *и* вм. ѣ, какъ въ 72 Хинов*и* вм. Хиновѣ. *Бусово*, по предположенію, урочище Бусова гора или Бусовица, подъ Кіевомъ, надъ Лыбедью.

—*Възграяху*, вскаркивали, то подымутъ крикъ, то затихнуть.

—На *болониш*=на ровномъ, низменномъ мѣстѣ образовались (*бышя* вм. бѣша) яры (дебри вм. цебръ, какъ ниже *дънѣ при* вм. Днѣпрь): дѣло чудное.

Кыяне... съшли. Быть можетъ, Максимовичъ имѣлъ въ виду нѣчто подобное предсказанію волхва: „на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Русской, а Русьскѣи на Гречьской... Лавр.[1], 75, подъ 6579.

71—75. Кажется, что синтактическій планъ рѣчи бояръ состоитъ въ симметріи періодовъ, построенныхъ такъ, что послѣ положенія, начинающагося съ *уже*, слѣдуетъ указаніе основанія съ *бо*:

71. Твой сонъ свидѣтельствуетъ, что скорбь тебя одолѣла (положеніе); и это понятно, ибо Игорь и Всеволодъ пошли въ походъ (основаніе).

72. Они въ плѣну (положеніе); вѣдь это предзнаменовывалось затмѣніемъ (основаніе). Ст. 71.

74. Хула вознеслась надъ хвалой (положеніе); вѣдь Готскія дѣвы воспѣваютъ месть и пр.

Этотъ планъ въ части б) 71 затемняется обширностью поясненія *два сълньця... хинови* и аналогичнымъ съ этимъ, особо стоящимъ сочетаніемъ 73.

Въ заключительномъ періодѣ 75 вмѣсто отношенія, выражаемаго посредствомъ *бо*,—противоположеніе, означенное союзомъ *а*.

Въ 74—5 сдѣланы перестановки. Въ текстѣ (*уже снесося...*) *уже* стоитъ трижды, я предполагаю здѣсь перестановку, поводомъ къ которой могла послужить черновая рукопись, и принимаю второе *уже* за начало слѣдующаго періода. Въ изд. 1800 г. стоитъ:

„Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія".

71. *Туга умъ полонила*, быть можетъ, въ смыслѣ: „отъ горя ты уже невладѣешь собою". Ср. прим. къ 7, стр. 15 и мр. выраженіе „жаль вваги немає".

[А любо... Дону]. Авторъ могъ быть недоволенъ выраженіемъ *поискати... Тъмутороканя*, поставленнымъ быть можетъ подъ вліяніемъ другого, готоваго сочиненія напр. объ Олегѣ Святославичѣ, но несоотвѣтствующимъ цѣли похода Игорева. Поэтому авторъ замѣтилъ: „а любо (т. е. или такъ сказать): „испити... Дону". Переписчикъ внесъ это въ текстъ.

72. *Самою*, род. двойт. въ смыслѣ винительнаго. Ср. „И рече Ростиславъ брату своему Изяславу: „се наю (въ Ип. спискѣ „се на", потомъ поправлено „се насъ"), брате, Богъ съвокупилъ у мѣсто", Ип.[1] 35.

„*Въ г҃ день*„ читаютъ обыкновенно: „въ третій день". Если думать, какъ и мнѣ кажется, что тутъ намекъ на затмѣнье солнца, бывшее по свидѣтельству лѣтописи (Лавр.[1] 167) 1-го мая, то это должно значить, что бояре толкуютъ сонъ 3-го мая? Но сонъ Святославовъ не предсказываетъ грядущихъ событій, а говоритъ о совершившихся. Бой длился съ пятницы по воскресенье (Ип.[1] 131). Между пятницей и 1-мъ мая прошло по меньшей мѣрѣ два дня,

(въ теченіе коихъ Игорь ждалъ Всеволода, перешедши Осколъ), но вѣроятно—гораздо больше. Слѣдовательно, считая съ воскресенья, послѣдняго дня бытвы, затмѣніе никакимъ образомъ немогло быть „третьяго дня". Если авторъ вовсе недумалъ, когда именно снился сонъ и говорили бояре, а внесъ сонъ, какъ общее мѣсто, неприлаживая его тщательно къ событію, то тѣмъ менѣе онъ могъ вложить въ уста боярамъ столь опредѣленное указаніе, какъ „въ третій дьнъ". Поэтому лучше читать „въ т҃ дьнь", т. е. „въ ть дьнь", въ тотъ, извѣстный, памятный день, когда было затмѣніе, а не „въ третій день битвы. Потому, что тогда померкло солнце и въ немъ былъ виденъ какъ бы мѣсяцъ (Лавр. l. c.), потому-то и теперь померкло два солнца, погасло два столба отъ нихъ, покрылось тьмою два молодика (см. выше, примѣч. къ 32)

—*Олегъ* и *Святославъ*. Если принять это за непринадлежащую автору глоссу къ „молодая", то этимъ объяснится ошибка: *Олегъ* вм. *Володимеръ*. См. Ип.[1] 129—30, 1. Другое толкованіе у Огонов. Сл. о п. 84.

—Въ изд. 1800 и слѣдующихъ стоитъ: „молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста и великое буйство подастъ Хинови". Перестановка, принятая мною, сдѣлана Максимовичемъ. Тоже у Малашева и Миллера, которые ставятъ *ся* разъ и подразумѣваютъ его при *погрузиста*. Въ рукописи, съ которой списывалъ первый переписчикъ, *и въ моръ... хинови* могло стоять гдѣ либо съ боку.

—*И въ моръ ся погрузиста* выражаетъ тоже, что „тьмою ся поволокоста". О *потонуть въ моръ* см. примѣч. къ 66 (*погрузи*). Быть можетъ, поэтическій символизмъ проникъ и въ разсказъ Ип. л. о походѣ 1185: „ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемь мнѣе, а прочіи *въ моръ истопоша*" (Ип.[1] 132, 2—3). О грамматической сторонѣ этого мѣста см. въ моемъ соч. Изъ зап. по Русск. гр. II, 245. Полчище (мѣсто битвы) здѣсь на столько опредѣлено, что ни о какомъ дѣйствительномъ морѣ неможетъ

быть рѣчи. Это мѣсто—пониже устья Оскола, въ одномъ или нѣсколькихъ переходахъ отъ Донца („съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся доити рѣкы Донця, Ип. 131). Ни изъ чего невидно, чтобы вои Русскіе были не избиты и взяты въ плѣнъ, а потонули въ томъ озерѣ, о коемъ говорится въ лѣтоп. „бьяху бо ся, идуще вкругъ при езерѣ, Ип. 131, 18—9. Стало быть „въ морѣ истопоша“—просто погибли.

—*Буйство подаста*, внушили гордость: „Поганыи Половци, побѣдивше Игоря съ братьею, и *взяша гордость велику* и съвокупиша вcь языкъ свой на Рускую землю,“ Ип.[1] 132, 21.

—*Хинови*, есть, быть можетъ, не дат. ед. отъ *Хинъ*, что, по предположнію многихъ, должно значить *ханъ*, а дат. ед. отъ *Хинова́* (какъ *Литъва*, мр. Татарва́, Жидова́), при чемъ *и* вм. ѣ. Такъ это понятно и въ Задонщинѣ: „*хиновя*, поганые Татаровя бусурмановя. Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ“ (Изв. Ак. Н. II отд. VI, 344).

73. Первая половина періода (на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла) аналогична съ первою половиною предыдущаго („два сълньця.... погрузиста), а вторая (по Русьской... гнѣздо) со второю предыдущаго: „великое буйство подаста Хинови“.

—П*ардуше* вм. *-же* необходимо читать до тѣхъ поръ, пока намъ извѣстно за первообразное только *пардусъ* (Лавр.[1] 27. Ип.[1] 29; 86), а не *пардузъ*. Впрочемъ, послѣдняя форма возможна. Изъ примѣровъ *з* вм. *с* въ иностранныхъ словахъ ср. род. ед. кумыза Ип.[1] 133, 37; кобылій кумузъ ib. 185, 2; нынѣшнее *тузъ*.

74. *Уже узнесеся*... т. е. уже дурная слава возобладала надъ доброю, ибо вотъ (какъ представляютъ себѣ бояре) готскія дѣвы... поютъ время Бусово (Буса, быть можетъ, одного лица съ тѣмъ, по имени коего названо вышеупомянутое урочище), время вѣроятно безславное для Руси и лелѣютъ месть Половцевъ за Шарукана, о пораженіи коего—подъ 1107 г. („Шаруканъ старый едва утече“, Лавр.[1] 120).

—Мьсть *Шаруканя* знач. здѣсь не Шаруканова т. е. имъ произведенная, а „за Шарукана". Ср. „ако кдѣ *твоя обида* будеть (=ты будешь обиженъ), а намъ быти съ тобою, Ип.[1] 39; на оборотъ „про обиду Галичкаго князя" ib. 66,—что Галицкій князь обидѣлъ.

—*Лелѣяти*

1. качать волнами, нести волнами, какъ въ Сл. о п.

Серб. *лелѐјати* се, *лелијати* се, *лелија* се (чему бы равнялось русск. не *лелѣетъ*, а *лелѣяетъ*), волноваться (напр. о хлѣбахъ, травѣ); *лелѝјање*, fluctuatio. ст.-поль. lelejanie, id. ruszanie lelejania, motus fluctuum, Псалт. Марг. (Матер. для Слов. и грам. I, 174).

Вр. течь волнами, нестись волнами (съ *ся* и безъ него):

Разлилась, разлелѣялась по лугамъ вода вешняя,
Унесло, улелѣяло чадо милое отъ матери,
Сах. Ск. Рус. н. III 142.

Не полая вода на широкій дворъ
Къ моему батюшкѣ взлелѣяла,
Взлелѣяли мои недруги, ib. 163.

Мр. качать, о водѣ: „калино моя, тобою вода лелѣє". Заблуд. Этн. сб. III, 98;

Ой стану я подивлюся на воду быструю:
Там вода лелiє (течетъ?), я на ii дивлюся,
А я таку думку маю, що піду утоплюся.
Костом. въ Мр. сб. Мордовц. 287.

Бр.—качаться отъ вѣтру.

(Вѣнокъ дѣвичій) Што ни дождживъ яго незамоча,
Да ни сонце яго нязсуша,
Да ни вѣтрик яго незвѣя:
Вѣтрикъ павѣя—*лялѣя*,
Сонце пригрѣя—онъ спѣя...

[Статья Древлянскаго (псевдон.), въ Приб. къ Жур. Мин. Нар. Пр. кн. 4, 1846. Несмотря на неблагонадежность этого псевдонима, пѣсня, кажется, подлинная. Носовичъ (Бр. слов. 275) приводитъ изъ нея два стиха и думаетъ, что тутъ рѣчь о цвѣткѣ лилеѣ или водяной лиліи, кувшинкѣ, что, конечно, ошибочно].

2. Качать на рукахъ (дитя) и отсюда—воспитывать („Куряне... подъ шеломы възлелѣяни“ Сл. о пол.), нѣжить, холить, ласкать. Послѣднее, быть можетъ съ оттѣнкомъ похвалы, лести въ „лелѣютъ мьсть Шаруканю“.

Значеніе 1-е служитъ символомъ по отношенію ко 2-му:

Ай *лелѣй-ка*, *сполелѣй* да *сине море*!
А какъ недолго синю морю *лелѣявати*:
Ай какъ въ лѣто отъ весны до осени;
Ай какъ придутъ ли на тебя лютые морозы...
...Ай заморозятъ тебя крѣпко на крѣпко...
Ай *лелѣй-ка*, *сполелѣй мати дочерь свою*!
Ай недолго Аннушкѣ *въ дѣвушкахъ сидѣть*:
Ай какъ наѣдетъ Егорушка съ большимъ поѣздомъ...
Ай какъ повезетъ нашу умницу ко суду ли божью,
Ко суду божью, во божью церкву...
Рыбн. III, 452.

3. Блестѣть, свѣтить, значеніе, быть можетъ, непредполагающее 2-го и возникшее изъ значенія, какое находимъ въ скр. интесивномъ отъ лӣ, лѐла̀јати, лѐлаја̀ти, колеблется, качается, дрожитъ, коего ѐ врядъ ли, впрочемъ, лежатъ въ въ основаніи славянск. *е* въ *лелѣ*-:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится,
Розанъ мой, розанъ, зелено виноградье!
Онъ по лугу ѣдетъ, лугъ зеленѣетъ
Вода то *лелѣетъ*... (блеститъ?)
Пенз. г.; величанье.

Сюда, если не къ знач. 1, посл. „вода лилѣе, да въ ротъ нелѣзе“ (Даль).

Світит сонце, світит сонце,
На хату *леліє*;
Ой вже нема і небуде,
На кого надія.
Голов. II. II, 394 (это противоположеніе).
Будут тоті подарунки на мені *лелітu*;
Буде моіх вороженьків головка боліти, ib. 382.

Коби нам ся та бук розвив, та пійдемо в гори,
Винесемо молодицям шовку на забори,
Щоби нашим молодицям забори леліли,
Щоби нашим молодицям люде завиділи
ib. 398.
...Шоби тобі, мій синочку, кучері леліли,
Шоби тобі, мій синочку, люде завиділи ib. 308.

75. *Уже трѣсну Нужда.... землю*=„Уже съ трѣскомъ (съ громовымъ ударомъ) вышла Нужда (миѳологическое лицо) на волю (на свободу), уж бросился Дивъ на землю".

Заключенiе Горя, Нужды, Злыдней и т. п. существъ въ сосудъ, въ воду и т. п. и освобожденiе ихъ на мученье людямъ—мотивъ обычный. См. въ моей ст. О Долѣ, 17—8, 27; Аѳан. Поэт. Воззр. III, 399 сл. Многiе, вѣроятно, обратили вниманiе на слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ причитанiй, собр. Барсовымъ, имѣющее отношенiе къ разсматриваемому вопросу:

...*Отколь въ мiрѣ Горе объявилося?*
—Во досюльны времена, было, годышки
Жили люди во всемъ мiрѣ постатейные: [29])
Оны ду-друга [30]) люди нетерзали.
Горе людушекъ во ты поры боялося,
Во темны лѣса отъ нихъ горе кидалося;
Но тутъ было Горюшку не мѣстечко:
Во осинѣ горькой листье разшумѣлося,
Того злое это Горе устрашилося.
На высоки эти щели [31]) Горе бросилось,
Но и тутъ было Горюшку не мѣстечко:
Съ того щелье каменисто порастрѣскалось,

---

[29]) *Постатье*—обычай; *постатейно*, согласно съ обычаемъ, нравственно, хорошо.
[30]) Другъ-друга. Ср. ib. съ ду-другомъ=съ другъ-другомъ, другъ съ другомъ.
[31]) Скалы.

Огонь—пламя изо горъ да объявилося.
Уже тутъ злое Горюшко кидалося
Въ окiянъ сине оно морюшко,
Подъ колодинку оно тамъ запихалося:
Окiянъ море съ того несволновалося,
Вода съ пѣскомъ на днѣ непомутилася...

Такимъ образомъ Горе въ счастливыя времена невинности людей нигдѣ немогло укрыться, кромѣ моря. Ср. бѣгство Тоски въ море въ заговорѣ: „кидма кидалась Тоска (отъ семи старцевъ)... а нигдѣ Тоску неукрыли; кинулась Тоска на островъ на Буянъ, на море на окiянъ, подъ дубъ мокрецкой", Сах. Ск. Рус. н. II, 22; въ серб. заговорѣ отъ Моры: „ушла у јајску љуску, утопиласе у морску пучину" (Кар. Рјечн. Мора. См. въ моей ст. о Долѣ, 30); въ мр. пѣснѣ:

„Ой піди, Нещасна Доле, в морі утопися
Коломыйки, Льв. 1864, 47.

Настали другiя времена и Горе порѣшило:

А мнѣ, Горю и Злочастiю, не въ пустѣ же жить,
Хочю я, Горе, въ людяхъ жить
(О Горѣ-злоч. Бусл. Ис. Хр. 1375),

и тогда на оборотъ человѣку нѣкуда стало отъ Горя укрыться, кромѣ могилы.

Возвращаюсь къ причитанью у Барсова. Черезъ нѣкоторое время люди стали строить лодки, плести сѣти и,

Чего на́ слыхѣ-то вѣкъ было неслыхано,
Чего на́ виду-то вѣкъ было невидано...
...Изловили тутъ свѣжу оны рыбоньку:..
Точно хвостъ да какъ у рыбы лебединой,
Голова у ей въ родѣ какъ козлиная.

Хотя эта химера и отличается въ этомъ разсказѣ отъ самаго Горя, но, быть можетъ, это различенiе произошло лишь отъ слiянiя нѣсколькихъ варiянтовъ разсказа, отъ амплификацiи, имѣющей цѣлью спрятать Горе еще дальше, чѣмъ въ море, куда оно само скрылось. Подобнымъ чудищемъ могъ представляться и *Дивъ* Слова о пол.

И такъ эта чудная рыба поймана.
Распороли какъ уловну свѣжу рыбоньку,—
Много множество пѣску у ей проглотано.
Были сглонуты ключи да заключевныи.

Этотъ мотивъ вяжется не съ выше приведеннымъ началомъ (Горе немогло найти мѣста на свѣтѣ и само бросилось въ море), а предполагаетъ другой разсказъ: Горе заключили въ темницу, ключи бросили въ море, рыба (не непремѣнно вышеупомянутая чудовищная) ихъ проглотила. Проглоченные рыбою ключи въ заключительныхъ формулахъ заговоровъ изображаютъ крѣпость заговора, невозможность измѣнить ихъ ни хитрецу, ни мудрецу: „Тѣмъ моимъ словамъ губы да зубы—замокъ, языкъ мой—ключъ. И брошу я ключъ въ море, останься замокъ въ ротѣ. Бросилъ я ключъ въ синее море, щука—бѣлуга подходила, ключъ подхватила, въ морскую глубину ушла и ключъ унесла" (Гуляевъ, Оч. Ю. Сиб. 51).

Нашедши ключи, стали ихъ „примѣнять" (примѣрять) къ церквамъ, къ лавкамъ, но ключи „неладятся".

По тюрмамъ пошли заключевныимъ,—
Въ подземельныи норы ключъ наладился,
Гдѣ сидѣло это Горюшко великое...
Непоспѣли тутъ ловцы, добры молодцы
Отперетъ двери дубовые,—
Съ подземелья злое Горе разомъ бросилось, [32])
Чорнымъ ворономъ въ чисто поле слѣтѣло,
На чистомъ полѣ Горюшко садилося
И само тутъ, злодійно, *восхвалялося*,
Што тоска буде крестьянамъ *неудольная* [33])
Барс. Причит. 289—90.

Г. Веселовскій видитъ „въ *Дивѣ* и въ дѣвѣ Обидѣ полныя попытки миѳическаго овеществленія идей: злой судьбины, горя-злосчастія, кручины, являющихся то въ образѣ чудища, то зловѣщею птицей ворономъ, то въ видѣ судинушки олонецкаго причитанія" (Жур. Мин. Нар. Пр., Авг.

---

[32]) Ср. Връжеся Дивъ на землю.
[33]) Неодольная, неодолимая.

1877, 276, со ссылкою на ст. Die Russ. todtenklag. въ Rus. Rev. 1873). Оставляя въ сторонѣ вопросы, что такое полное, и что неполное миѳическое овеществленіе, застаемъ ли мы это овеществленіе въ состояніи убыли или возрастанія, служитъ ли многообразность представленій указателемъ неполноты миѳическаго овеществленія, я думаю тоже, что *Дивъ*, *Обида*, Горе и пр. образы сродные по значенію. Мнѣ кажется, Сл. о пол. Иг. предполагаетъ существованіе мотивовъ: а) представленія Горя чудищемъ (Дивъ); б) представленія Дива и Нужды заключенными и освобождающимися съ громомъ. Это послѣднее объясняетъ не только выраженіе *Трѣсну—землю*, но и предположенное мною выше (см. примѣч. къ 21, стр. 27) *узбися* Дивъ", т. е. *възбися*, выбился, насильно вырвался на верхъ. Съ этимъ первоначально тождественно то, что въ причит. у Барс. скалы съ пламенемъ трѣскаются, когда въ нихъ скрывается Горе. Другими словами, разница между скрываньемъ и освобожденіемъ горя неуничтожаетъ вѣроятности единства происхожденія этихъ мотивовъ.

—Предлагаемая перестановка въ 74—5 выставляетъ на видъ противоположность между появленіемъ *Нужды* и *Дива* съ одной стороны и весельемъ съ другой: „уже настало Горе, а между тѣмъ мы, дружина, жаждемъ утѣшенія". Быть можетъ тутъ намекъ князю: „Сдѣлай же, что можешь, для этого". Въ такомъ случаѣ отвѣтомъ князя служитъ „А чи диво ся, братие, стару помолодити?... Нъ се зло: княже ми непособие". При обычномъ же чтеніи приходится противопоставлять или какъ либо связывать „а мы уже, дружина, жадьни веселия" съ „готьскыя.... Шароканю". Такая связь для меня неясна.

X.

76. Тъгда (*то-*) Великый (*-ій*) Святославъ (*Святславъ*) изрони злато слово слъзами (*сле-*) с'мѣшено и рече:

77. „О моя сыновьця (*-вчя*) Игорю и В'сevолоде!“

„Рано *ю*ста нач*я*ла (-а-) Полов*ъць*кую (*-вецк-*) землю мечи цвѣлити а себѣ славы искати; *нъ* нечьстьно (*-честн-*) одолѣсте; нечьстно (*-честн-*) бо кръвь (*кро-*) поганую пролиясте“.

78. „Ваю храбрая сърдьця (*сердца*) въ жестоц*ѣ*мь (*-емъ*) харалузѣ с'кована а въ бу*ю*сти закал*ю*на; се ли с'твористе мо*ю*й сребрен*ѣ*й (*-ей*) сѣдинѣ?“

79. „А уже *несъжьдали ю*с*те* (*невижду власти*) сильнаго и богатаго и м'ноговоя (*многовои*) брата мо*ю*го Ярослава съ чърниговьск*ы*ми (*-ер-*ими) былями съ могуты, [и съ Татраны,] и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы

[тии бо бес щитовъ (*ъ*) съ засапожъникы (*-жн-*) кликъмь (*-омъ*) пълкы (*-лъ-*) побѣждаютъ (*-ъ*), звоначи въ прадѣдьнюю (*-дн-*) славу],

нъ рекосте: „мужяимъ ся (му жа имѣ ся) сами; предънюю (*-дн-*) славу сами пох*ы*тимъ (*-хи-*) а задьнею (*-днюю*) ся сами подѣлимъ!““

80. „А чи диво ся, брати*ю*, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бывa*ю*тъ (*-ъ*), высоко п'тичи (*птицъ*) възбива*ю*тъ (*-ъ*), недасть (*ъ*) гнѣзда сво*ю*го въ обиду; *нъ* се зло: к'няже ми непособи*ю*“.

81. „На нице (*ниче*) ся годины обратиш*я* (*-а*): се у Римѣ (*Уримъ*) кричять (*-атъ*) подъ саблями Половъ*цъ*кыми (*ецк*), а Володимиръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову“.

Этотъ, какъ называетъ Максимовичъ, плачъ Святославовъ, соотвѣтствуетъ выраженію, приписываемому Святославу въ Ип.[1] 132: „како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ братѣ моемъ", состоитъ изъ противительныхъ періодовъ: въ 77, 79, 80 противительное отношеніе выражалось посредствомъ *нъ*, въ 81 посредствомъ *а*, а въ 78, если не ошибаюсь, вытекаетъ изъ смысла. Схема такова:

77. Вы не въ пору пошли искать себѣ славы, но славы недобыли.

78. Вы храбры, вамъ это несчастье ни почемъ, но мнѣ, при старости, тяжело.

79. Вы не хотѣли подождать брата моего съ войсками, но сказали: пойдемъ сами.

80. Мнѣ старость не помѣшала бы постоять за васъ, но вотъ горе: князья мнѣ непособляютъ.

81. Римовичи—подъ саблями Половецкими, а между тѣмъ единственный наличный защитникъ земли изнемогаетъ отъ ранъ.

---

76. *Слъзами*, т. е. *с*-сльзами, какъ напр. въ Ип.[1] 123, 32—3 „снявся на пути сыномъ" вм. съ сынъмь.

—*Сыновьця*. Игорь и Вселодъ, сыновья Святослава Ольговича, дяди Святослава Всеволодича (сына Всеволода Ольговича); слѣдовательно Святославъ Ольговичъ могъ назвать ихъ сыновцами лишь какъ старшій въ родѣ. Въ Ип.[1] 132, и онъ называетъ Игоря братомъ. Въ Сл. о пол. 62, Святославъ названъ отцомъ Игоря и Всеволода. Онъ могъ бы быть названъ вмѣстѣ и отцомъ и братомъ. Ростиславъ Юрьевичъ обращается къ Изяславу Мстиславичу такимъ образомъ: „брате и отче", Ип.[1] 41.

77. *Цвилъти*, сред. о высокомъ и, какъ казалось, жалобномъ крикѣ орла, сокола (бр. соколъ *затвелъв*, Погаръ Чер. г. Аѳ. Ск. II[1], 101; мр. сокіл квилить-проквиляє), о плачѣ. Отсюда причинное *цвълити* не дразнить или мучить (Малаш. и др.), а „заставлять плакать" (Половецкую землю, т. е. женъ, дѣтей убитыхъ).

—*Нечьстьно. Чьсть* синонимъ славы. напр. „возмемъ до конца свою славу и честь,“ Лавр.[1] 168, 3. Отрицаніе здѣсь непревращаетъ значенія въ противоположное, какъ въ нашемъ *нечестно, безчестно,* а только означаетъ отсутствіе славы: „вы не во время начали искать себѣ славы, но (вѣдь) и побѣдили вы, вѣдь (*бо*) кровь поганыхъ пролили недобывши себѣ славы“, т. е. *первоначальная* побѣда ни къ чему непослужила.

—78. *Ваю* род. дв. въ смыслѣ мѣстоим. притяжательнаго. Ср. „аже по сихъ днѣхъ кдѣ узримъ стягы *ваю*, ту мы готовы ваю (вама?) есмы“ Ип.[1] 44.

—*Въ буѣсти* см. ниже.

—*Се ли... сѣдинѣ*, упрекъ въ томъ, что Игорь и Всеволодъ, руководясь только личными побужденіями, „невоздержавше уности“ своей (Ип. 132), не обратили вниманія, какъ ихъ неудача отзовется на Святославѣ.

79. *Несъждала ѣеста*, чтеніе, конечно, палеографически немотивированное и шаткое. Глаголъ, который скрывается подъ *невижду власти*, стоитъ въ 2-мъ л. двойств. или множ. ч. и находится въ противительномъ отношеніи къ „рекосте: мужаимъся сами“. Возможно колебаніе въ числахъ, т. е. не только *съждали ѣесте*, но и *съждала ѣеста*, которое было бы несогласовано въ точности съ *рекосте,* какъ выше *ѣеста начяла* съ *одолѣсте, проліясте* и *ваю* сьрдьця съ *сътвористе.* Ср. въ Ип.[1] 32, отступила суть. *Съждати* съ роднт. напр. въ Ип.[1] 35, сожди мене; ib. 90: ту съждеши братьѣ своеи и помочій всихъ своихъ; Лавр.[1] 139: стояша мѣсяць, сжидающа къ собѣ Половець и отъ Изяслава покоренья.

—*Съ могуты*=съ черниговскими боярами, съ сильными, могущественными. *Могѫтъ* см. Слов. Вост., Миклош.; въ членной формѣ *могутыи*: „старѣишии и могутии въ житии семъ“. Четіи Мин. сп. XV в. Срезн. Свѣд. и зам. т. II, 385.

—*Съ Татраны.* Не есть ли это вставка, сдѣланная не авторомъ, а другимъ малосвѣдущимъ лицомъ, смѣшавшимъ Ярослава Всеволодича съ Ярославомъ Владимирови-

чемъ Галицкимъ, въ войскѣ котораго конечно были Татране, жители Татръ?

—*Съ Шельбиры... Ольберы*. Подъ этими нерусскими именами, а никакъ не подъ *былями*, можно разумѣть черниговскихъ ковуевъ, часть коихъ была послана Игорю съ Ольстиномъ Олексичемъ, Ип. 130.

—*Звонячи въ прадѣдънюю славу*. См. примѣч. къ 44—5, стр. 51. Слава—колоколъ и потому *звонячи въ*... Подвигами своими они заставляютъ звенѣть славу предковъ, или такимъ образомъ, что люди, хваля ихъ, вспоминаютъ и ихъ предковъ, или такъ, что они сами говорятъ: что мы! вотъ дѣды наши такъ были люди! Это скорѣе можетъ относиться къ черниговскимъ могутамъ, чѣмъ къ какимъ-то Шельбирамъ и пр.

80. *Коли соколъ... въ обиду*. Переводятъ а) „когда перелиняетъ“ (изд. 1800), „коли излиняє“ (Максим.); но *бываетъ* неможетъ здѣсь имѣть совершеннаго значенія; б) „*когда линяетъ*“ (Бусл., Тихонр., Малаш.), но когда соколъ линяетъ, его моетъ, онъ боленъ и врядъ ли способенъ обнаруживать особенную энергію. „Соколъ двухъ-трехъ мытей“—что мытился два, три раза, двухъ—трехлѣтній; слѣд. „соколъ въ *мытехъ*“—въ лѣтахъ, старый. Это пословица въ родѣ поль. stary ale jary, мр. старий віл борозни непсує.

Допустимъ, что слав. *соколъ* неимѣетъ ничего общаго съ скр. *çакуна*, птица, преимущественно изъ большихъ, но есть передѣлка, ср. лат. sacer, которое въ свою очередь есть переводъ греч. ἱέραξ (Генъ, Культурн. раст. 369, В. Милл. Взгл. 183); что *мытъ*, *мыть* соколовъ и пр. неимѣетъ ничего общаго съ *мытъ*, *мыть*, поносъ, гл. *мыть*, слабить, но есть заимствованіе изъ греч., а это изъ латин. muta, accipitrum morbus... accipitres enim quotannis pennas mutant (Милл. Взгл. 53—4); что соколиная охота изъ Германіи и Византіи перешла на востокъ Европы и къ азіятскимъ народамъ (Генъ 218). Все это требуетъ повѣрки; но допустивши, что это такъ, и послѣ этого нужно еще доказывать, что поэтическая роль сокола въ Сл. о пол. и въ народной слав. поэзіи есть тоже заимствованіе. Если русск. слова, какъ *туманъ*, или мр. какъ *тума*, *мята*, *шевлія*,

троянда, *дзіндзівер*, *рожа*, *васильки*, *любисток*, *барвінок* заимствованы, то отсюда еще неслѣдуетъ, что бы они какъ поэтическіе образы тоже были заимствованы, точно также, какъ заимствованіе инструментовъ, какъ кобза, бандура, еще неисключаетъ своеобразности игры на нихъ.

—*Непособиѥ*=„но вотъ бѣда: княжое мнѣ непособленіе", что мнѣ непомогаютъ.

81. *На нице* (вм. наниче), на изнанку, см. Восток. Слов. и ср. поль przenicować=русск. перелицевать (яко бы отъ *лице*): „времена перевернулись на изнанку" сравнительно съ прежними побѣдами надъ Половцами. Максимовичъ читаетъ: *на ни-че* и переводитъ „въ нивецъ", ни во что.

—У *Римъ*—см. Ип. л.[1] 132, 37 сл. Ничего общаго съ *Ромномъ*. Рѣка Роменъ и городъ того же имени неимѣютъ никакого отношенія къ Roma, *Римъ* и случайно созвучны съ мр. *роменъ*, род. *ромену*, литов. ramûne, remune, поль. rumianek, matricaria chamomilla, *римская ромашка*. Собственное *Ром-ънъ* (какъ слав-ънъ, тьм-ьнъ, съ суффик. сосотвѣтствующимъ по значенію литовскому -us)=лит. ram-us, тихій, спокойный, изъ чего бы слѣдовало, что городъ названъ по рѣкѣ, а не обратно. Ср. городъ Доньць, Ип.[1] 137; г. *Осколъ* (отъ рѣки того же имени)—изъ предлога быть можетъ со значеніемъ *къ* (или=обь?) и корня со значеніемъ течь, омывать: лит. scalanju, полощу; скр. *кшâлати* течетъ, *кшâлаjати* омываетъ. Если же здѣсь *о*= отрицат. *а*, *ан* (ср. *омела* viscum album=скр. *а-мала*, безъ пятенъ, непорочный, чистый, блестящій), то *О-сколъ* синонимъ харьковской *Нетечи*.

—Володимиръ *Глѣбовичъ*, ему же „князи Русціи далѣ бяхуть напередѣ ѣздити въ Руской земли" Ип.[1] 127, см. ib. 126—7, 129, 132; Лавр.[1] 167.

XI.

82. Великый ќняже В́селоволоде! Не мысль *ли у* ти (не мыслію ти) прелетѣти издалеч*я* (*-а*) отьня (*-тн-*) злата стола поблюсти?

Ты бо можеши Вългу (*-ол-*) веслы роскропити (*рас-*) а Донъ шеломы выльяти.

[Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощьй (*-ей*) по р*ѣ*зани (*ре- -нѣ*)].

Ты бо можеши *и* (*и* нѣтъ въ 1-мъ изд.) по суху живыми шереширы стрѣляти: удалыми сыны Глѣбовы....

. . . .

83. Ты бу̀й Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачен*іи* (*-ыми*) шелом*и* (*-ы*) по кръви (*-ро-*) плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ (*-ъ*) акы тури, ранен*и* (*-ы*) саблями калеными на полѣ незна*ю*мѣ?

В́ступита, господина, въ злата стремен*и* (*-ъ*) за обиду сего времени, за землю Русьскую (*-ск-*), за раны Игоревы, бу*ю*го Святославлича (*Святсл-а*)!

84. Галичьскый (*-чкы*) осмомысл*е* (*-ѣ*) Ярославе! Высоко сѣдиши на сво*ю*мъ (-емъ) златокованѣмь (*-аннѣмъ*) столѣ, подʽпьръ (*-дпер-*) горы Угоръскыи (*-рс-*) своими желѣзъными (*-зн-*) пълкы (*плъки*), заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меч*я* (*-а*) бремены (*вре-*) чрезъ облак*ы* (*-и*), суды рядя до Дуная!

Грозы твоя по землямъ текутъ (*-ъ*): отворя*ю*ши (*оттв-*) Кы*ю*ву (*кі-*) врата; стрѣля*ю*ши съ отъня

(*-тн-*) злата стола салътаны (*салтани*, въ Арх. сп. *салъ-*) за землями.

Стрѣляй, господине, Кон҆чяка (*-нча-*), поганого кощья, за землю Русьскую (*-ск-*), за раны Игоревы бу*ѥ*го Святославличя (*Святсл- -а*)!

85. А ты, буй Романе и Мьстиславе (*мс-*)! Храбрая мысль носитъ (*-ъ*) васъ умъ на дѣло; высоко плава*ѥ*ши [на дѣло] [въ бу*ѥ*сти], яко соколъ на вѣтр*ѣ*хъ (*-е-*) ширяяся, хотя п҆тичю (*птицю*) въ буйствѣ одолѣти!

Суть бо у ваю желѣзьнии (*-зныи*) прапорьци (*папорзи*) подъ шеломы латиньскыми (*-нски-*): тѣми тр*ѣ*сну (*-ре-*) земля и много*ы* (*-и*) страны: Хынова (хи- *-а*), Литъва (*-тв-*), Ятвязи, Деремела и Половьци (*-вц-*) сулици своя повьргошя (*-връгоща*) а главы своя под҆клонишя (*покл-а*) подъ тыи мечи харалужьныи (-жн-).

Нъ уже, к҆няже! Игорю утърпѣ (*утр-*) сълньцю (*солн-*) свѣтъ а древо не бологъмь (*-омъ*) листви*ѥ* с҆рони; по Ръси и (*Рсіи*) по Сули грады (*-и*) подѣлишя, а Игорева храбраго пълку (*-лъ*) некрѣсити!

Донъ ти, к҆няже, кличетъ (*-ъ*) и зоветь к҆нязи на побѣду.

Ольговичи (*-лг-*), храбрии к҆нязи, доспѣли на брань. . . . .

86. Инъгварь и В҆севолодъ и в҆си три Мстиславичи (*Мс-*), нехуда гнѣзда шестокрильци (*-лц-*)! Не побѣдьными (*-дн-*) жребіи собѣ власти расхытисте?

Ко*ѥ* ваши златии (*-ыи*) шеломи (*-ы*) и сулици (-ы) Ляцькыи (*-цкіи*) и щити (*-ы*)?

Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русьскую (*-сск-*), за раны Игоревы бу*ѥ*го Святославличя (*тъсл-а*)!

Уже бо Сула нетечетъ (-*ъ*) сребреными струями къ граду Переяславлю [34]) подъ кликъ*мъ* (-*омъ*) поганыхъ!

Лѣтопись передаетъ слова, сказанныя Святославомъ Всеволодичемъ, по полученіи извѣстія о пораженіи князей: „како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ“ Ип.[1] 132. Можно бы думать, что въ Сл. о пол. 76—79 есть жаль Святослава на Игоря, а воззваніе ко князьямъ (82—6)—выраженіе его же жалю по Игорѣ. Однако нѣтъ никакихъ доказательствъ, что авторъ влагаетъ это воззваніе въ уста Святослава, а не говоритъ безлично. Это только вѣроятность.

Воззваніе состоитъ изъ періодовъ, построенныхъ сходно съ обращеніемъ къ Днѣпру въ плачѣ Ярославны (102), состоящихъ изъ обращенія, изображенія могущества (82, 84), удальства князей и ихъ дружины (83, 85) и воззванія къ нимъ о помощи („въступита“, „стрѣляй“, „загородите“). Единоокончаніе („за землю Русьскую...), явственное въ 83, 84, 86, въ послѣднемъ разнообразится прибавкой основанія („уже бо Сула... поганыхъ“, т. е. „ибо пора уже“), а въ 85 отсутствуетъ: нѣтъ прямо высказанной просьбы о помощи, къ которой это окончаніе могло быть прикрѣплено, но за то наиболѣе развита тема „уже пора“ („нъ уже...). Отсутствіе прямого воззванія о помощи въ первомъ (82) періодѣ, гдѣ такого воззванія скорѣе всего можно было бы ожидать, вызываетъ предположеніе, что этотъ періодъ неоконченъ и что въ немъ послѣ „*ты бо можеши... Глѣбовы*“ стояло нѣчто въ родѣ „стрѣляй господине... за землю Русьскую, за раны Игоревы...“ При такомъ предположеніи этотъ періодъ, такъ сказать, риѳмовался бы съ 84.

---

82. Періодъ начинается вопросомъ, какъ 83 и, кажется, 86.

---

[34]) Здѣсь въ 1-мъ изд. помѣщено: «И Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ».

—*Не мысль ли у* (=уже) *ти*, не думаешь ли ты уже (нѣтъ ли уже у тебя мысли, не хочешь ли уже), ибо *мысль* значитъ и *охота*. *Мысль* зн. нетолько cogitatio, но и замыслъ, желаніе („онъ мнѣ добра немыслитъ“; ср. Носовичъ, Бр. слов. s. v.), наклонность (поль. g'myśli, do, wedle, po myśli, мр. до мысли=до любови, какъ душа желаетъ), охота, удовольствіе, откуда поль. myśliwy, собст. имѣющій охоту (именно къ ловамъ), любящій ее, venator. Ср. чеш. «dobré by bylo tak kratochvíliti, jež-to by ne byla kratochvíl škodna, a také mysli k ní ovšem nepřikládajíc, jako ku přielišné v loviech myslivosti mnozí přikládají», Toma ze Štitn. Erb. 166. Поль. dobra myśl—не только ощущеніе удовольствія, но и то, что его производитъ: «na dobrą myśl, na tańce biegają»; «we wtorek skończyła się ta dobra myśl weselna» (свадьба); «ich dobra myśl—łuk, szabla, szańce, nie lekkie tańce», Linde s. v. Это значеніе можетъ быть не производное, а болѣе древнее. Оно подкрѣпляетъ фонетическія соображенія, по которымъ въ *мысль* (*мыс-тль) и *съмыслъ* (вр. обл. *мыселъ*, догадка, смѣтка, замашка, норовъ, характеръ) (*мыс-тлъ) стоятъ суффиксы, образующіе nomina agentis et instrumenti= скр. *тар, -три* (Mikl. Gr. II, 103; ср. *гѫсль* при гѫд-ж). Скр. *муд*, *мôдатê*, быть веселымъ, радоваться (Б. Р. сравниваютъ съ *мад*, *манд*), сущ. *муд* ж., *мудâ*, радость, веселье; *мудрá*, веселый, радостный. Уже Боппъ и др. относятъ сюда лит. mudrus, mundrus, mandrus (отъ мад-), munter, frisch, muthig. Слав. мѫдръ- отъ *мад*=*муд*. Въ смыслѣ лит. mudrus въ серб. п. *мудра*—эпитетъ лани (обыкновенно „брза“): „од лова ништа неулови ни јелена, ни кошуте мудре“ (Кар., С̌. пјес. II, 155; ср. 481). Значеніе охоты и отсюда желанія—въ лит. kudikis maudžia krutės, дитя хочетъ груди, тоскуетъ по ней, karwė—werszio корова тоскуетъ за теленкомъ. Однако лит. mausti, болѣть, ныть, русск. модѣть id., поль. mudzić, zmudny, лит. apmauda, усиліе, трудъ, печаль, досада могутъ быть отнесены къ другому семейству (ср. медлить и проч.).

Если *мысль*—охота, радость, то слав. имена личныя на—*мыслъ* (Домамыслъ) синонимны съ именами на—*радъ* (Домарадъ), какъ и имена на—*славъ* съ именами на—*миръ* (кор. *смар*—помнить, серб. *марити*, curare).

Лит. mislis мысль—изъ русск.; быть можетъ также и лит. mįslys,—is, загадка (ср. русск. *мыселъ*, догадка), ибо производство отъ *ман-*, лит. minti, думать, необъясняетъ s въ суффиксѣ.

—*Аже бы... по рѣзани*, быть можетъ, вставлено авторомъ, какъ сырой матеріялъ. Это предложеніе разрываетъ связь между предыдущимъ („Ты вѣдь можешь Волгу веслами разбрызгать и Донъ шеломами вылить“. Ср. походъ его на Болгаръ, Лавр.[1] 164—5, подъ 1184) и послѣдующимъ: „ты вѣдь можешь (не только по Волгѣ, но) *и* по суху стрѣлять живыми метательными орудіями удалыми: сынами Глѣбовыми“. Объ отношеніи послѣднихъ къ Всеволоду Юрьевичу ср. Лавр.[1] 164, подъ 1180.

—*Чага*, невольница, Ип. 98. Огонов. (Сл. о п. 93) сравниваетъ араб. dšaha, искоренилъ, полонилъ, покорилъ невольницу.

—*По рѣзани* съ *и* на концѣ вм. *ѣ*, такъ какъ им. ед. рѣзань „по ѕ҃ рѣзань на гривну силите“, Оп. ркп. Син. библ. отд. II, 3, 74; стоя все лѣто осмьнка великая по 7 рѣзань, Новг. I, П. с. р. л. III, 8. Ср. Тихонр. Сл. о п., гдѣ выставлена форма *резана*.

—*Шереширъ* обыкновенно сравниваютъ съ σάρισσα, копье. Огонов. 1. с. 93 приводитъ араб. šeršeret, findere, šerâšir, onus (Menin. Lexic. arab. III, 406). Если это такъ, то ср. въ 84 „мечя бремены“.

Предположеніе, что *шереширъ* здѣсь означаетъ рыбу шереспёра, которая дѣлаетъ надъ водою большіе скачки, „стрѣляетъ на водѣ“, непредставляется нужнымъ (Малаш. по Мею 119). Быть можетъ, по этому свойству рыба получила имя отъ оружія. Ср. рыба *сула* и скр çûла-, муж. ср., роженъ, сулица.

83. Какъ уже предположилъ Максимовичъ (Укр. 107), это указываетъ на кровавую битву дружинъ Рюрика и Да-

выда Ростиславичей гдѣ-то въ „полѣ незнаємѣ“, какъ думаетъ Максимовичъ, въ 1184 г. за Орелью.

—*Въ злата стремени*, дв. ч. отъ стремень.

84. *Осмомыслъ*, потому что у него восемь мыслей, восемь забот заразъ. „У мене сім думок“, сказала лисица, попавшись въ яму. О Ярославѣ Володимеровичѣ: „гдѣ бяшеть єму обида, самъ неходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами, бѣ бо *розстроилъ* землю свою“, Ип.[1] 135, т. е. устроилъ, былъ хозяинъ. На эту многостороннюю дѣятельность намекаетъ и Сл. о пол.

—*Отворяѥши* вм. оттворяєши. Ср. Ип. 62, 14 и мн. др.

85. *Буй... въ буйствѣ*.

Буй, какъ эпитетъ Игоря, Романа и Мстислава, Рюрика и Давыда, переводятъ: храбрый, отважный, что сомнительно. Еще хуже „буйный“. Быть можетъ, этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ мр. пѣсенному (въ колядкахъ) *пишний* („пишная панно“, „пишний пане“,—„паничу“; ср. „*ой згорда* собі та починаєш“), при чемъ *пиха́*, гордость, понимается въ хорошемъ смыслѣ.

Буй (ср. скр. бһӯјаҗс, очень большой) а) большой: „буй туръ и буй волъ (ср. фамилію Волобуевъ) ср. съ скр. *маһиша*, сильный и буйволъ; б) высокій: *буять*, высоко летать, высоко, сильно рости; *буйныя* жита́; „бузина буяє, так що продертись неможна,“ Драгом. мр. предан. 81; *буйная* голова, высоко поднятая, высоко посаженная на плечахъ: „глава твоя превозносит главу мою и быстъ *выя* твоя въ *буєсти*, яко фарави (=фареве, арабскіе кони) въ монистѣ“, Дан. Зат. Бусл. Хр. 618; „держать *буйну* голову *поклонную*“ заключаетъ въ тебѣ противоположеніе.

Я клоню да свою буйную головушку,
Я корю свое печальное сердечешко
Съ этой вышины да до сырой земли,
Барс. Причит. 109.

Надо жить бѣдной горюшицѣ уміюци,
Буйну голову носить надо низешенько,
На́бъ сердечушко держать мнѣ-ка покорное,
ib. 21.

Принаклонена-то буйная головушка ib. 81.

Вѣтеръ *буйный*, потому что онъ высоко несется, выше лѣсу стоячаго: „вітеръ віє горою“ т. е. верхомъ, вверху. Иначе—Аѳан. П. В. I, 392. „Той бо вѣщій Боянъ... пояше славу Русскимъ княземъ... восхваляя ихъ пѣсьми и гусленными *буйными* словесы“, т. е. возвышенными, Задонщ. Срезн. въ Изв. Ак. Н. VI, 345. „Стоитъ столпъ чуденъ... и на верху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ... а правую руку отъ себя прострѣ *буйно* (=высоко, вверхъ) на полдни, на Срацынскую землю къ Іерусалиму“, Странникъ Стеф. Новг., Сах. Ск. р. н. II, 51. Ср. „въ Буханѣ же Бутъ (=Будда) вырѣзанъ изъ камени... да руку правую поднялъ высоко, акы Устьянъ царь Царяградскы“, Хожд. Аѳ. Никит., П. с. р. л. VI, 336.

Сюда „яко соколъ... хотя п'тичю (дат. ед. мн.; ср. прим. къ 23) *въ буйствѣ* одолѣти“, превзойти птицу высотою полета, превысить ее, чтобы ударить сверху.

Буево, кладбище, потому что для кладбища выбирались возвышенныя мѣста. *Буянъ* собственно зн. высокое мѣсто. Пословицу „дивия бо за буяном кони паст(в)ит(и) (Дан. Зат. Бусл. И. Хр. 620), примѣненную въ болѣе древней редакціи къ пользѣ собирать князю около себя мудрыхъ, способныхъ держать нарядъ, а въ позднѣйшей—къ пользѣ имѣть доблестнаго князя („дивья за буяномъ кони паствити а за добрымъ княземъ воевати“), Бусл. ib. 649 объясняетъ „за обильнымъ, плодоноснымъ полемъ“. Лучше: мудрено ли (трудно ли) за могилою (возвышеніемъ въ полѣ) кони пасти? Нетрудно, потому что могила защищаетъ пастуха отъ вѣтру, а съ нея видно, гдѣ стадо; такъ же не мудрено и князю воевать, если у него есть мудрые въ дружинѣ.

в) *Буй* гордый, *буяти* гордиться: „аще бы котлу золоты колца во ушию, но дну его неизбыти черности и ж'женія его; тако же и холопу, аще (бы?) паче мѣры *гордѣлъ* и *буялъ*, но укора ему своего неизбыти: холопья имени“, Дан. Зат. ib. 619, 20; „обогатѣвъ восприиму *гордость* и *буесть*, Дан. Зат. Р. Бес. 110. „Мамай ста за Доñомъ *възбуяв ся* и *гордяся* и гнѣвая“, Ск. о Мам. побоищѣ, Новг. IV, П. с. Р. л. IV, 77; Мамай „*высоко*

мысляше“ ib. 77. Такъ и у Ѳомы Щитнаго bujeti, быть гордымъ, что противоположно *по-коръ*, приниженности: proč bych bujal, ano ti-to zakonnici jsu tak pokorni? „Сьрдьця... въ *буѥсти* закалена“, Сл. о пол. 78, гордыя, непокорныя, ретивыя. Ср. противоположеніе „держать *ретиво* сердце *покорное*“, нар. п.

Подобное представленіе гордости высотою (полета?) въ словен. hore nestisa, мр. *високо нестись* (ср. „гордуєш ти мною, як вітер горою, туман долиною“, Лавренко, Пісні 20), серб. *поносити се*: „да га земља невуче, полећео би“; „иде ни по земљи, ни по небу“—кад се ко врло поноси, Кар. Посл. 48, 96.

г) *Буяти* высоко стоять (или парить) т. е. благоденствовать: „чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти вітрова.... поти ти *стояла*, поти ти *буяла*, поки я незнала“, Загов. отъ лихорадки, Пам. стар. русск. лит. III, 167. Въ мр. нар. пѣсняхъ высокій полетъ птицъ, какъ символъ свободы, счастья, роскоши, раздолья, нерѣдко противополагается горю, стѣсненному положенію человѣка (см. между прочимъ въ моемъ соч. О нѣкот. симв. въ слов. н. п., 5; раздолье ib. 153—4. Старинное *просторонъство*—синонимъ веселья: „хрестьяномъ бо многими скорбьми и напастьми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ (Половцемъ) и ругателемъ, на семъ свѣтѣ приимшимъ веселье и просторонство, а на онѣмъ свѣтѣ примуть муку съ дьяволомъ“, Лавр. л.¹, 99).

—*Высоко плаваѥши* [*на дѣло*] [*въ буѥсти*]. *На дѣло* вставлено, быть можетъ, по опискѣ подъ вліяніемъ предыдущаго „мысль носить васъ (=ваю см. выше примѣч. къ 78) умъ на дѣло“. *Въ буести*, быть можетъ, неумѣстно вставленный варіянтъ къ нижеслѣдующему: „хотя птичю *въ буйствѣ* одолѣти“.

—*Прапорьци*—proporce, chorągwie, желѣзные полки (ср. выше 65 и 84):

—*Тъми*, отъ нихъ, подъ копытами ихъ коней загремѣла (*трѣсну*) земля.

—*Хинова́* образовано, какъ *Литъва́* (Letuvà), *Жидова́* („всей Жидовѣ вышеймененой, мешкаю*чимъ* въ томъ

панствѣ нашомъ“, 1388, Грам. Витовта, Ак. З. Р. I, № 9). Отсюда, какъ *Литовъскый* („Литовникъ=lėtuwninkas, Пск. I, 181, подъ 1265),—*хиновськыя* стрѣлкы“ Сл. о п., т. е. не ханскія, какъ переводятъ до послѣдняго времени, а *хинóвскія*, отъ *хиновá*, названія Половцевъ или другаго степного народа, можетъ быть, Гунновъ, по старой памяти. Въ Задонщинѣ: „жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася *Хиновя*, поганые Татаровя, бусурмановя“; „уже бо (вс) скрипѣли телѣги между Дономъ и Нѣпромъ: идеть Хинова на Русскую землю“; „загремѣли мечми булатными о шеломы хиновскіе, Изв. Ак. Н. VI, 344, 347, 349. Ср. выше, стр. 93.

Въ Словѣ о пол. Иг. 85 *Хинова* (v. Хынова, что было бы правильнѣе), быть можетъ, слѣдовало бы поставить передъ „Половцы“, какъ синонимъ этого послѣдняго слова.

—*Подъ тыи мечи*, ср. прим. къ 61.

—*Нъ уже—с҄рони*. Смыслъ: Вы храбры, у васъ многочисленная и храбрая дружина; а между тѣмъ, князь Романъ, для Игоря („Игорю“) померкъ солнечный свѣтъ и дерево сронило листья недобромъ“.

—*Утърпѣ*, потерпѣлъ, пострадалъ. Ср. laborare, болѣть, о затмѣніи луны.

—*Опаданье листьевъ*—символъ разлуки:

Ой пiйду я у садочок, аж лист *опадає*;
Бiдна ж моя головонька: жених *покидає*.
—Ой ти руто, ой ти мъято, ой ти зелененька!
Нежурися, дiвчинонько, ще ти молоденька.
Ой хоч же вiн опадає, та ще зелененький; (?)
Сей покине, другий буде козак молоденький,
(Роменск. у.)
Ой у саду, у садочку листочок *ся стелит*;
Бiдна-ж моя головонька: мiй милий *ся женит*
Коломыйк. 41.

Въ болг. п. „Чернѣй, лѣсъ, чернѣй, милый, вдвоемъ станемъ чернѣть: Ты потерявши зеленый листъ, а я потерявши первую любовь (первую милую), Безсон. Врем. кн. 22, 82.

Та кленовий листоньку!
Куди тебе вiтер несе?

Чи з гори да в долину?
Чи в чужу украіну?
Молодая та дівчинонько!
Куди тебе батько 'ддає?
Чи між Турки, (чи між) Татари?
Чи въ чужую землю?
Чи в великую се́мъю? Метл. 222.

Вотъ такъ и Игорь, какъ „дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“. .

—*Ольговичи—на брань*, Ольговичи готовы, значитъ и вамъ, Володимировичамъ, потомкамъ Мономаха (Романъ и Мстиславъ, Рюрикъ и Давыдъ) пора. *Ольговичи* можетъ указывать на то, что рѣчь идетъ не отъ имени Святослава Всеволодича: здѣсь можетъ разумѣться самъ Святославъ, его дѣти Олегъ. и Володимеръ, которыхъ, услышавши о гибели отъ *Бѣловолода́* [35]) (а не Бѣловода, какъ исправляетъ Максимов. Укр. 106 и Морошкинъ Именословъ) Просовича, онъ послалъ въ Посемье и братъ его Ярославъ (Ип.[1] 132).

86. *Нехуда гнѣзда,* немалаго, т. е. великаго.

—*Непобѣдьными—расхытисте*. Утвержденіе или вопросъ? Похвала или упрекъ?

—*Коѥ*, а) *что* въ значеніи мѣстоим. вопросительнаго (что-же, какой) и союза изъяснит. (Примѣры изъ Ак. Юр. XVI в. у Бусл. Гр. § 266. Пр. 1); б) почему, напр. въ вр. „куё тибє долго вечира нѣтъ“, Обоян. у. Эт. Сб. V, 31 (ср. долго вечер*а* несиди, XVII в. Бусл. Ис. Хр. 670); в) развѣ, нѣшто: „Гюргій... рече Бѣлогородцемъ: „отворите ми градъ“; Бѣлогородци же рекоша: „а Кіевъ ти ся кое отворилъ?“ Ип.[1] 62, 14; на немъ же цѣловалъ хрестъ и что къ тобѣ реклъ, кое управилъ? ib. 68, г) гдѣ: „ты намъ тако молвяше: „братья вси со мною суть“; а кое есть Андреевичь Володимеръ и Ярославъ, и Давыдъ? Ип. 97, 14; совокупила бѣаше отроки и дѣвицы и облече 'а въ порты едины и рече... разбери, кое отрок(и), и кое двци, Палея 1494, Пам. ст. Русск. лит. III, 54; ib. 99, 7;

---

[35]) *Володь*, волоса, ср. бѣлоусъ, бѣлобрысъ.

нынѣшнее вр. *кое*-что=мр. *де*-що. Такъ вѣроятно и въ Сл. о п. „гдѣ же ваши... сулицы и щиты?“ Или, можетъ быть, „что же ваши сулицы“ т. е. безъ дѣла?

—*Полю ворота*—игра словъ. Въ одномъ смыслѣ *ворота* дикаго, чистаго поля, это—такая нелѣпость, какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ «wrota do lasu» (въ родѣ «gęsiom jarzmo»). Разумѣется,—не съ точки зрѣнія густо населенной земли и огороженныхъ полей. Съ другой стороны это не абсурдъ, у поля есть ворота, ограда: см. выше Сл. о пол. 38 и слѣдующія слова Святослава Всеволодича: (Игорь и Всеволодъ) „невоздержавше уности [36]) отвориша ворота на Русьскую землю“, Ип.[1] 132, 8.

—*Уже бо Сула... поганыхъ*, т. е. пора: „уже вѣдь Сула помутилась (ср. выше. Прим. къ 67), намекъ на Кончака съ Половцами и Володимира Глѣбовича съ Переяславцами (Ип. л. 1185 г.).

—*Подъ кликъмь поганыхъ* я ставлю въ концѣ 86; въ 87 это указаніе причины могло быть повторено, но могло и неповторяться, а лишь подразумѣваться.

XII.

87. И Д҆вина болотъмь (*-омъ*) течетъ (*-ъ*) онымъ грозънымъ (*-зн-*) Полочяномъ (*-а-*) [37]):

ѥдинъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовъскыя (*-вскі-*), притрепа славу дѣду своѥму В҆сеславу, а самъ подъ чърлѥными (*чръле-*) щиты на кръвавѣ (*кро-*) травѣ притрепанъ Литовъскыми (*-вски*) мѣчи...

...и с҆ хотию на кровать и рекъ: „дружину твою, к҆няже, п҆тичь (*-цъ*) крилы приодѣ а звѣри кръвь (*кро-*) полизашя“ (*-а*).

[36]) Игорю было въ 1185 около 34 лѣтъ.

[37]) Здѣсь въ 1-мъ изд. «подъ кликомъ поганыхъ».

88. Не бысть (*-бысь*) ту брата Брячислава (*-чя-*), ни другаго В'севолода: *ѥ*динъ же изрони жем̀чюжьну (*-жн-*) душ*ю* (*-у*) изъ храбра тѣла чресъ злато ожерели*ѥ*;

Уныли голос*ы* (*-и*) трубы трубять (*-ь*) Городьньскыи (*-еньскі-*), поничe веселиѥ. [38])

89. Ярославе и в̕си в̕нуц*и* (*-це*) В'сеславли! Уже понизит*е* (*-ть*) стяг*ы* (*-зи*) свои, вон̀зит*е* (*-ть*) свои мечи вережен*ы* (*-ни*)! Уже бо выскочисте изъ дѣдьней (*-дней*) славы (*-ѣ*).

Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русьскую (*-ск-*), на жизнь В'сеславлю [котор*ою* (*-ое*) бо бяше (*бѣше*) насили*ѥ* отъ земли Половьцькыи (*вецк-*)].

87—8. Выше (86) Сула течетъ къ Переяславлю не серебряными струями. Это признакъ горя. Если Двина течетъ Полочанамъ грязью (болотъмь), то не потому ли, что срамъ имъ: Изяславъ погибъ одинъ, безъ нихъ, безъ братьевъ. Поэтому внукамъ Всеславлимъ слѣдуетъ опустить знамена, вложить въ ножны попорченные мечи. Они недостойны дѣдней славы.

—Передъ *и съ хотію на кровать*—пропускъ. „Съ милою на кровать" (или „на кровати" съ ь вм. *и* передъ слѣдующимъ *и*) можетъ относиться къ сравненію смертнаго ложа, травы, съ брачнымъ:

Поняв собі панянку
В чистім полі могилу землянку
Метл. 424 и др.

Паде Мујо у зелену траву,
Іунак њему из горе говори:
„Хоћеш, Мујо, лијепу ђевојку?

---

[38]) Въ 1-мъ изд. «Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи».

Ето тебе лијепе ђевојке,
„А ђевојке, зелене травице!“
Кар. Пјес. I, 486.

—*И рек* ъ, прич. прош. отличное отъ *рекль*. Къ кому это относится и какъ было связано, остается неизвѣстнымъ.

—88. *Небысть*—не „не было“, а „не случилось тутѣ...“

—*Уныли голоси* принято мною за твор. мн.=печально звучатъ городенскія трубы. Сдѣлана перестановка сравнительно съ 1-мъ изданіемъ. Ср. въ Задонщинѣ: „уже поганые оружія своя поверготпа на землю а главы своя подклониша подъ мечи Руские, и трубы ихъ нетрубятъ, и уныша гласы ихъ“ (трубъ), Изв. Ак. Н. VI, 351.

—„Изрони.... веселию“ при упомянутой перестановкѣ оказывается построеннымъ аналогично съ нижеслѣдующимъ: „Стугна скрыла... Ростислава на днѣ... Плачется мать его... поникли деревья“.

89. *Понизите*, *вонзите* вм.—*ть*. Ср. „что ны отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того же и мы хочемъ; аже невдасть (=невдасте), то нежалуйте, что ся удѣеть“, Ип.[1] 13.

—*Которою*... П*оловецькыи*—позднѣйшая глосса, а можетъ быть и варіантъ къ *начясте наводити поганыя на землю Русьскую*. *Начясте*—*В'сеславлю*, кажется, заключало собою періодъ. Оно противополагается единоокончанію періодовъ 83, 84, 86: „за *землю Русьскую*...“ какъ и общій смыслъ укора Полоцкимъ князьямъ въ 87—9—воззваніямъ къ доблестнымъ князьямъ въ 82—6.

XIII.

90. На седьм*ѣмь* (-*омъ*) вѣцѣ Трояни вържe (-*ръ*-) В'сеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу:

91. Тъй, клюками под'*пьрься* (-*пръ*), окони *ся* (*о кони*) и скочи къ граду Кыѥву, и дот'чеся стружиѥмь (-*ъ*) злата стола Кыѥвьскаго (-*іевс*-); *у*скочи

(*ск-*) отъ нихъ лютымъ (*-ъ*) звѣръмъ (*-емъ*) въ полуночи (*плъ-*) изъ Бѣлаграда, обѣсивъся (*обѣсися*) синѣ (*-ѣ*) мьглы (*-ѣ*), утрѣ (*-рь*) же възъпи (*воззпи*) *и* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) стрикусы отвори (*оттв-*) врата Новуграду, рошибе (*разш-*) славу Ярославу;

ускочи (*ско-*) вълкъмь (*влъкомъ*) до Немигы (*-и*) съ Дудутъкъ,—

92. на Немизѣ снопы стелють (*-ъ*) головами, молотять цѣпы (*чепи*) харалужьными (*-жн-*), на тоцѣ животъ кладуть (*-ъ*), вѣють (*-ъ*) душю (*-у*) отъ тѣла.

93. Немизѣ кръвави брези (*-ѣ*) не бологъмъ (*-омъ*) бяхуть посѣяни: посѣяни костьми Русъскыхъ (*-ски-*) сыновъ.

94. В'сеславъ к'нязь людемъ судяше, к'няземъ ряды (*грады*) рядяше, а самъ въ ночи (-ь) вълкъмь (*влъкомъ*) рыскаше: изъ Кыѥва дорыскаше (*-ри-*) до куръ Тъмутороканя (*Тм-*), великому Хърсови (*хръ-*) вълкъмь (*влъкомъ-*) путь прерыскаше.

95. Тому въ Полотьскѣ (*-тс-*) позвонишя *у* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) заутрьнюю (*-тре-*) рано у святыя Софьи (*-еи*) въ колоколы, а оно (*онъ*) въ Кыѥвѣ звонъ *ся* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) слышя (*-а*).

96. Аще и вѣщя (*-а*) душя (*-а*) въ дьрзѣ (*друзѣ*) тѣлѣ, нъ чясто (*ча-*) бѣды страдаше.

97. Тому вѣщьи (*-ей*) Боянъ и първоѥ (*пръ-*) припѣвъку (*-вк-*) [смысленый] рече: „ни хытру ни горазду [ни п'тичю (*-цю*) горазду] суда Божия неминути“.

---

90. *На седьмъмъ вѣцѣ Трояни.* Изъ сравненія съ 42 можно заключить, что Троянъ былъ для автора представителемъ отдаленной древности, представлявшей какое то сходство съ „былинами сего времени“, и съ событіями времени

не столь далекаго: полками Ольговыми, похожденіями Всеслава. Затѣмъ остается нѣкоторая вѣроятность, что частная причина упоминанія о Троянѣ здѣсь и въ ст. 13 заключается въ той чертѣ сербской сказки, что (серб.) Троянъ пробѣгалъ ночью большія пространства, напоминая этимъ таинственныя рысканья Всеслава (Бусл. Оч. I, 390) и полетъ воображенія Бояна (В. Милл. Взгл. 107).

Южнославянскій Троянъ есть лицо миѳическое, родственное со змѣемъ другой сербской сказки. Миѳическія черты могли быть приурочены къ имени историческаго императора Траяна, подобно тому, какъ разныя миѳологическія личности у южныхъ Славянъ (похититель солнца; скованный врагъ, который въ концѣ освободится отъ цѣпей и сожжетъ міръ; змѣй убиваемый Юрьемъ, устроителемъ земли и подателемъ плодородія) носятъ имя Дукляна—Діоклитіяна. См. ссылку на Худякова Матер. для изуч. нар. сл. 1863, 25, 40, въ моемъ соч. О миѳич. зн. нѣкр. обр. 1865, 237—40. Эта аналогія Трояна съ Дукляномъ признается и Ягичемъ, Histor. kniževn. I, 99. Ср. еще слѣдующее: *Тохтамышъ* (имя хана Золотой орды въ XIV в.) у Чувашей значитъ теперь колдунъ и „это нетрудно объяснить обаятельнымъ величіемъ личности Тохтамыша". „Такой же чести удостоился и Петръ Великій въ нѣкоторыхъ преданіяхъ Финскаго племени" (Куникъ, Тохтамышъ и Фирковичъ, 42. Прил. къ XXVII т. Зап. Ак. И.). Дриновъ (Засел. Балкан. полуостр. М. 1873, Чт. Об. И. Др., 76) видитъ указаніе на то, что въ миѳическомъ Троянѣ скрывается историческая личность императора Траяна, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, въ томъ, а) что „Хожденіе Богородицы" (XII в.) и Откровеніе св. Апостолъ причисляютъ Трояна къ богамъ изъ людей, а „Откровеніе" называетъ его царемъ въ Римѣ; б) что болг. сказка и серб. пѣсня называютъ Трояна царемъ. Однако въ Хожд. Богородицы къ „человѣчьска имена" (если это чтеніе вѣрно) причисляются и божества, лишенныя исторической подкладки, какъ Хърсъ, Велесъ, Перунъ, а въ русск. сказкахъ чисто миѳическій змѣй носитъ имя царя.

Существуетъ также предположеніе, что *Троянъ* Сл. о пол. есть не Trajanus, а Trojanus, что „вѣци трояни“ были вѣками *Трояна* (Троянца въ значеніи эпонимическомъ) Троянскихъ дѣяній, повѣсти о которыхъ хорошо были извѣстны и на Византійско-славянскомъ югѣ, и на западѣ“ (Веселовск. Нов. взгл. на Сл. о пол. Жур. Мин. Нар. Пр. 1878. Авг. 296).

—В. Миллеръ находитъ, что загадочность всего разсказа о Всеславѣ зависитъ отъ того, что авторъ Сл. о пол. подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпическаго богатыря болгарскаго произведенія. На счетъ этой миѳической личности нужно отчислить седьмой вѣкъ Трояновъ, метанье жребія о дѣвицѣ и скаканье къ городу (Взгл. 232). Однако, историческія черты, приводимыя въ Сл. 91—5, заставляютъ усумниться въ томъ, что Всеславъ—лицо, занесенное извнѣ. Неясность можетъ происходить вовсе не отъ нашего незнакомства съ предполагаемымъ болгарскимъ источникомъ, а частью отъ испорченности текста, частью отъ первоначальныхъ его несовершенствъ. Мѣстныя данныя, прошедшія сквозь народнопоэтическую призму, имѣютъ здѣсь характеръ набросанныхъ безъ порядка замѣтокъ по памяти и для памяти, по поводу упомянутой въ 89 славы дѣда Полоцкихъ князей.

—*Върже... о дѣвицю.* Максимовичъ, принимая *дѣвицю* за мѣстный дв. ч., полагалъ, что здѣсь рѣчь о двухъ дѣвахъ, войнѣ и славѣ (Украин. 109). Это—винит. ед., какъ въ „о котыгу мою меташе жрѣбиѥ“, «miesąc o nie (odzienie) los», Mikl. Gr. IV, 428.

Жребій напоминаетъ 86. В. Милл. замѣчаетъ, что Всеславъ напоминаетъ здѣсь тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ, удалымъ скачкомъ коня (Взгл. 232). Раздѣляя это мнѣніе, замѣчу а) что въ Малорус. пѣснѣ XVI в. тоже родъ жребія о дѣвицу: „а хто м́не доплинет, єго я буду (въ моей ст. Мр. пѣс. по сп. XVI в. Филолог. Зап. 1877, 50—3) [39]); б) что въ Сл. о пол. можетъ разумѣться имен-

[39]) Ср. также Jagić, Dunav etc. Arch. f. sl. ph. 302:

но „побѣдьный жребій“: кто добудетъ дѣвицу съ бою, тотъ будетъ ею обладать; в) что *дѣвица* можетъ имѣть здѣсь символическое значеніе *города*, *волости*. Все это могло быть приурочено ко Всеславу подъ вліяніемъ величальныхъ пѣсень уже примѣненныхъ къ этому князю, или же—общихъ. Обыченъ мотивъ величаній молодца въ колядкахъ: N добываетъ гôрода и немирится ни на какомъ выкупѣ, предлагаемомъ горожанами, кромѣ дѣвицы (напр. Ант. и Драг. Ист. п. I, 14 сл.). Ср. Огонов. Сл. о пол. 107. Въ этихъ колядкахъ вѣроятны наслоенія княжескаго періода, но параллелизмъ между добываньемъ города и дѣвицы восходитъ къ миѳической личности въ родѣ инд. Индры, разрушителя городовъ (resp. коровьихъ хлѣвовъ) и освободителя женъ (resp. коровъ). Впрочемъ этотъ параллелизмъ могъ возникать и вновь въ разныя времена, безъ видимой связи съ древнимъ преданіемъ. Онъ встрѣчается и у новыхъ поэтовъ, напр. въ Фаустѣ Гете. Такимъ образомъ любою Всеславу дѣвицей можетъ быть Новгородъ, Кіевъ. Въ пользу естественности этого объясненія говоритъ мнѣ то, что я пришелъ къ нему независимо отъ Огононовскаго, сочиненіе котораго „Слово о полку Игоревѣ, Львовъ 1876“ стало мнѣ лишь позже извѣстно.

91. *Тъй клюками—Кыевськаго.* Хотя и имѣю въ виду толкованіе „шенкелями“ (В. Милл. 232), но предпочитаю остаться при извѣстномъ значеніи *клюка,* хитрость:

„Онъ, опершись на хитрости, добылъ себѣ коня и скочилъ (какъ богатырь прыгающій до царевны) къ городу Кіеву и (лишь) дотронулся древкомъ (копьемъ) до золотого стола Кіевскаго“.

въ словац. пѣснѣ «Z tamtej strany Dunaja Tam sa chlapci schádzajú... Hádky sebe dávajú, Jak to dievča dostanú? Kto ten Dunaj prepluje, Ten to dievča dostane» Одинъ переплылъ и взялъ себѣ дѣвицу, Sbornik Matice sloven. 17. Въ Болгарской пѣснѣ наоборотъ, Юнакъ предлагаетъ тремъ дѣвицамъ спорящимъ изъ-за него «Кой ке мене преносит Преку бѣла Дунафа, тая мома ке земам» Милад. 444, ср. 431.

Въ чемъ хитрости? Въ сказкѣ двое умныхъ братьевъ ѣдутъ добывать царевну на башнѣ, оставивши третьяго дурака, обладателя чудесныхъ коней, дома. Дуракъ употребляетъ хитрость чтобы явиться на состязаніе, безъ вѣдома братьевъ? Если *клюками* относится къ *оконися*, то хитрость дурака можетъ состоять или въ томъ, какъ онъ ловилъ коня, или въ томъ, что онъ не сказываетъ умнымъ братьямъ, что съ нимъ было на могилѣ отца (ср. Аѳ. Ск. II, № 25, 28; V, № 18; VI, № 26). Вообще, если догадка и вѣрна, то невозможно опредѣлить, какой именно варіянтъ сказки имѣлся въ виду авторомъ Сл. о пол. Возможно, что въ этомъ варіянтѣ дурень, перехитряющій братьевъ и доскакивающій до царевны, не цѣлуетъ ее и получаетъ отъ нея на лобъ печать, не беретъ у нея ширинку, а прикасается къ чему либо копьемъ, беретъ что либо ей принадлежащее копьемъ. [40])

—*Оконися. Оконити*, сдѣлать коннымъ, какъ *опѣшити*—пѣшимъ. Въ мр. думѣ Коновчиха, сынъ которой пошелъ въ походъ пѣшій, посылаетъ ему вслѣдъ коня, говоря нарочному: „Де мого сына нагониш, там ёго *окониш*, добрим лицарем настановиш“, Метл. 417—8.

—*Ускочи* (т. е. бѣжалъ) *отъ нихъ* (Кіянъ). Возможность опущенія *у* послѣ другихъ гласныхъ и кромѣ *у* неподлежитъ сомнѣнію (см. выше примѣч. къ 11; ср. тягли вм. неутягли Ип.[1] 26). Со стороны значенія, ср. „Всеславъ, бывши нощи, утаивъся Кыянъ, бѣжа изъ Бѣлагорода Полотьску“, Лавр.[1] 74. Дурень въ сказкѣ, доскочивши царевны, тоже бѣжитъ: „виделi откуда приѣхалъ, а невидѣли куда поѣхалъ“. За нимъ гонятся. *Отъ нихъ* предполагаетъ, что слушателямъ или читателямъ извѣстно, о чемъ рѣчь, чего можетъ и не быть. Быть можетъ—одно изъ указаній на стилистическую недодѣланность Сл. о пол.

---

[40]) Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома ль, дома ль Авдотьюша душа»?
(Свадебная. Шейнъ, Рус. нар. п. 415).

—*Звѣрьмъ* нисколько непредполагаетъ, что авторъ считалъ Всеслава оборотнемъ, но, быть можетъ, опирается на народное сказаніе этого рода о Всеславѣ.

—*Въ полуночи* вм. въ *плъночи*. Ср. оли полудни приѣха къ нимъ, Ип. 28. Быть можетъ такъ слѣдуетъ читать и слѣд.: сторожье прибѣгоша къ нему *полъночи* Ип. 65.

—*Синѥ мьглы* род. ед., дополненіе къ *обѣсися*, какъ „ополонишася полона", Ип.[1] 133 ([2]436), „объѣсться чего", „опилася пташка студеной росы". *Синѣ* могло стоять и въ первоначальномъ спискѣ вм. синю=синя (я=ѧ); *мглѣ* внесено сѣвернорусскимъ переписчикомъ вм. мьглы (ср. 89 слав*ѣ* вм. славы). Оставивши мѣстные падежи, нельзя получить смысла „обвѣшался синею мглою". Смыслъ „повисъ на синей мглѣ" кажется неудовлетворительнымъ.

—*Утрѣ- -Новуграду*. О полночи онъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода, „а утромъ кликнулъ" (идучи на приступъ) „и боевыми топорами оттворилъ ворота Новгорода"; *утрѣ*, чтеніе Максимовича; ср. у Рим*ѣ* вм. у Римъ, горѣ вм. горъ.

—*Възъпи*: *воззпи* дурно прочтено первыми издателями вм. *возъпи*.

—*Стрикусъ* напоминаетъ нов.-нѣм. streitaxt, которое въ сред.-вер.-нѣм. было бы strît-ackes, strît-ax (безъ t), а въ др.-вер.-нѣм. strît-akis, strît-achus. Менѣе вѣроятно, что при быстромъ набѣгѣ Всеславъ могъ воспользоваться стѣнобитными орудіями.

—*Рошибе- - -Ярославу* можетъ относиться вообще ко взятію Новгорода, Ярославова достоянія, но можетъ быть и намекъ на фактъ, сообщаемый Новг. 1-й лѣт., что Всеславъ, взявши городъ „колоколы съима у святыя Софии". Хотя по Лавр.[1] 69 (6560) св. Софью построилъ старшій Ярославичъ Володимеръ, но колокола могли быть пожертвованы Ярославомъ, или народъ могъ такъ думать. Слава—звонъ колокольный. См. Прим. къ 44—5.

—*Немига*. Этимологія, быть можетъ, нѣсколько объясняетъ, почему нелегко найти въ натурѣ эту рѣчку. Какъ *Мъжа*, собственно орошающая (кор. мигѣ), такъ Не-мига быть можетъ синонимъ Харьковской *Нетечи*.

92. Битва—молотьба и вѣяніе: токъ—поле битвы (такъ въ сказкахъ называется мѣсто поединка между богатырями: „дми точок“, очищай мѣсто для поединка, приготовляйся), снопы—головы, цѣпы—мечи, полова—легкая душа, зерно—тѣло. Вѣроятно, это—воспоминаніе о народной пѣснѣ. Въ пѣснѣ, записанной недалеко отъ Немиги, въ Лепельскомъ у. (обстоятельство, впрочемъ, неважное), на оборотъ, жатва представляется битвой. Жнецы поютъ:

У нас сягодня вайна была:
Усё поле зваивали,
Усё жита пажали,
У копачки паскладали, [41])
Ни маскали, ни жаўнеры,
А ўсё Андрейкавы жнеи,
Шейнъ, Бр. п. 219, № 379—80.

—*Снопы—головами*. Тутъ твор. вещества, изъ коего что либо дѣлается, напр. „совѣй ми два ужа пѣскомъ“, Бусл. Ист. Хр. 655; Изъ зап. по рус. гр. II, 427—8,= „снопы стелютъ изъ головъ“. У Огонов. Сл. о пол. 109 ошибочны мнѣнія, что здѣсь перестановка вм. „головы стелютъ снопами“, что *стелють* есть украинская (а не общерусская) форма; но умѣстны сближенія: „Перебійнис... узяв Ляхів... у снопи класти“; Нечай... взяв Ляхами, як снопами по два ряди класти“, Ант. и Драг. II, 45, 46.

—*Вѣютъ душю отъ тѣла*. Ср. мр. „кукіль с пшона (пшениці?) вибірати“ (о войнѣ), Чубин. Тр. Этн. Эксп. V, 946, пѣсня запис. П. А. Кулишемъ.

Битва и смерть—судъ Божій и ихъ представленіе соприкасается съ представленіемъ суда въ собственномъ смыслѣ.

Сѫдъ, judicium, Миклошичъ сравниваетъ съ скр. *сан-дhâ*, соглашеніе, связь, обѣщаніе, *сан-дhи*, связь, миръ; другіе сравниваютъ съ чеш. *сида*, земскій судъ и тянущій къ нему округъ, cuditi=ciditi, чистить (лошадей, хлѣвъ), *просѣвать* на сито или рѣшето, *соидпу*, чистый, поль. cudzić, чистить коня, скр. *çундh* (*çудh*), purificare,

---

[41]) Это поль. plon=*полонъ*.

lustrare. Если *сѫдъ* и чеш. *сида* и различнаго происхожденія, то все же вѣроятно, что въ *сида*—представленіе очищенія, быть можетъ именно просѣванія. Ср. греч. κρί-νω, сужу и лат. cerno, просѣваю (cernere per cribrum), сужу, рѣшаю („wohl als ein sichten, sieben und dem nach als aussondern gedacht); скр. кр̊, *кирати* (изъ *скар*), выливать, высыпать, при гот. skeirs (=щиръ, чистый), лит. skirti, отдѣлять, различать, выбирать, perskirti между прочимъ рѣшать споръ. Pott. Et. F. 2, I, 719; Curt. Grundz. № 76. Во всякомъ случаѣ существуетъ представленіе *суда* („правды“, оправданія, „оправливанья“ людей) *очищеніемъ*: „а въ городъ намъ послати своихъ намѣстниковъ и тобѣ своего намѣстника, и—ни (=и они) *очистятъ* нашихъ холоповъ и сельчянъ“ (1389 г. Соб. Гос. Гр. I, № 35; ср. ib. 1472, II 95). Это очищеніе есть между прочимъ *вѣянье*: „ту је вјетар, а ту је гумно“, т. е. тутъ есть все, что нужно для суда и нѣчего больше ждать. Говорится, когда „парци“ (поль. sąpierze, ст. русск. истьци) сойдутся у компетентнаго судьи, Караджж. Посл. 322.

—93. *Небологъмь*, не добромъ, не счастьемъ, а горемъ. О сѣяньи горя см. прим. къ 48. О сѣяньи костей на полѣ битвы—примѣч. къ 51.

—*Русьскыхъ сыновъ*. Русьции сынове—*Русичи*, сыновья Руси. Ср. козаки—какъ бы одной матери дѣти: „ще не вмерла козацькая мати“ въ своемъ родѣ то, что «jeszcze Polska niezginęła». „Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый гробъ Господень и вся дружина моя, *Русьстии* сынове и приключ(ьшии)ся (приключишася) тогда Новгородьци и Кыяне, Дан. Палом. Бусл. Рус. Хр. 71.

—Относительно 90—93 замѣчено (Тихонр. Сл. о п.[2] 44), что хронологическая послѣдовательность событій здѣсь измѣнена: сначала имѣло мѣсто взятіе Новгорода (1067); потомъ 3 марта сѣча на Немигѣ, бѣгство Всеслава; потомъ взятіе его хитростью (10 іюля) и заключеніе въ Кіевѣ; потомъ освобожденіе его изъ поруба 15 сентября слѣдующаго года, семимѣсячное княженіе его въ Кіевѣ и бѣгство изъ Бѣлгорода въ Полоцкъ. Нельзя однако думать, что въ Сл. о пол. перепуталъ переписчикъ. Тутъ есть художествен-

ный умыселъ, по которому битва на Немигѣ должна быть въ концѣ, послѣ того какъ Всеславъ дважды доскочилъ золотого стола. Неудача за третьимъ разомъ отличаетъ его отъ сказочнаго героя.

94. Имѣетъ лишь внѣшнюю связь съ предыдущимъ: единство лица. Это, повидимому, изъ величанья Всеславу. Во В'*сеславъ- - -рядяше* похвала ясна. Ср. мр. величанье въ колядкахъ:

Ой нема дома господаренька,
Ой лелія [42])
Господаренька, на имья Василя,
Поіхав же він до Судомира,
Що ж там поіхав? Суди судити.

Ант. и Драг. Ист. п. I, 49—50. Издатели думаютъ, что здѣсь рѣчь о княжескомъ тиунѣ, о подручномъ мужѣ, которому порученъ судъ и за это даны села, ибо дальше говорится:

Що ж єму дано за тоті суди?
Ой дано-ж єму та три селечка:
А в однім селі—стариі люде,
А в другім селі—все парубочки,
А в третєм селі—все дівочки.
Старими людьми село порядне [43])
Парубочками село горіжне [44])
А дівочками село весело.

Однако плата за судъ, оброки, дани „полюдиѥ даровьноѥ“ принадлежатъ первоначально князю. Вторая половина вышеприведенной колядки можетъ находиться лишь въ случайной связи съ первою. Она извѣстна по другимъ колядкамъ, изображающимъ, повидимому, дѣятельность князя защитника и устроителя земли „осадцы“. Онъ отбилъ полонъ,

---

[42]) Вѣроятно изъ «Ой лелю».
[43]) Они держатъ рядъ.
[44]) Грізне? огороженe?

Своє Підгіря назадъ обернув,
Назад обернув, краще осадивъ.
Ой осадив він три села людьми:
Ой та єдно село старими людьми.
А друге село парубочками,
А трете село дівчиноньками.
Старії люди усім судили,
А парубочки в війську служили,
А дівчиноньки шитоньки шили.
Рус. Днѣстр. 37, Ант. и Др. I, 32.

—*А сам въ ночи... прерыскаше*. В. Миллеръ (Взгл. 83), мнѣ кажется, удачно сближаетъ съ Болгарскою колядкою, въ коей молодца величаютъ тѣмъ, что онъ обогналъ солнце и выигралъ у него закладъ: солнцеву сестру себѣ въ жоны (Безс. II, 5). Быстрота имѣетъ здѣсь въ примѣненіи къ величаемому только символическое значеніе (*хытръ—мудръ*. Ср. мое соч. О нѣкоторыхъ симв. въ Слав. нар. п. 62—6), а упоминаніе о Тмуторокани хотя и можетъ объясняться тѣмъ, что для поэтическаго образа нужно было взять какую либо отдаленную точку на югѣ, но можетъ имѣть и историческое основаніе въ неизвѣстныхъ намъ событіяхъ жизни Всеслава.

—В. Миллеръ „въ виду болгарской формы *хръсъ* (а не русской *хърсъ*)“... болѣе склоненъ думать, что этотъ богъ... занесенъ книжнымъ путемъ и авторъ ненашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому выговору“ (83). Можетъ быть и такъ, только не въ виду этого обстоятельства. Принадлежало ли автору обычное въ Сл. о пол. правописаніе *-ръ-* вм. *ър*, *ър*, *лъ* вм. *-ъл-*, это еще вопросъ. Мнѣ кажется, возможно найти доказательства, что въ позднiе вѣка (XIV и слѣд.) русское правописаніе иногда передѣлывалось въ цер.-славянское, напр. въ Син. сп. Новг. 1-й л. (П. с. III, 4) пьрваго, а въ Ак. сп. пръваго и т. п.

95. *Тому... слыша*. Читая, какъ въ 1-мъ изданіи, относятъ или къ необыкновенной чуткости Всеслава, или къ его быстротѣ: „онъ пускался въ путь, когда звонили въ Полоцкѣ къ заутрени, и еще продолжали звонить, когда онъ былъ уже въ Кіевѣ“ (Весел. Нов. взгл. Жур. Мин.

Нар. Пр. 1877. Авг. 293). При этомъ упускается изъ виду *тому*, какъ я думаю, dat. commodi: для него, въ его пользу. Звонъ колокольный—слава, см. прим. къ 44—5. *У заутрьнюю* тоже что *рано*. [45]) Ср. „зегъзицею *рано* кычеть". Это черта несущественная по отношенію ко всему образу, какъ напр. и въ мр.

А в *неділеньку рано* дощик пакрапає,
Бідна вдова нещаслива воли напуває
Чуб. V, 982, ср. ib. 1044, 1052 и пр.
Метл. 457.

Ой у неділю рано пораненьку у всі дзвони дзвонять,
Ой молодих та козаченьків та на линію гонять.

Ой Гордій, Гордій, Гордію!
Не дзвони рано въ неділю,
Задзвони рано въ суботу,
Потеряй дівочкам роботу. Метл. 128.

—*У святыя Софьи*—тоже ради конкретности образа. Если звонятъ въ городѣ, то „у церкви у соборныя". См. Примѣч. къ 44—5.

Общій смыслъ: „Ему (въ честь его) позвонили въ Полоцкѣ, и этотъ звонъ (а онъ... звонъ) [или „и вотъ (=*а оно*=ано, анъ, мр. аж)] услышался въ Кіевѣ", т. е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева.

—Чтенія *а оно* вм. *а онъ* и *ся слыша* (или слышя ся) вм. *слышя* въ фонетическомъ и палеографическомъ отношеніи нетребуютъ оправданія.

---

[45]) Членность прилагательнаго указываетъ на то, что здѣсь разумѣется заутреняя *пора*, година, а не церковная служба: «бысть знамение въ солнци въ вечернюю марта 30», Новг. I, 6 (подъ 6639); «поставиша архипископа Нифонта... и приде Нуво-городу мѣсяца Инъваря въ 1 день на святого Василья наобѣд-*ню*», ib (6638), но «вечерню (а не—юю) поющимъ, единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома», ib. 4. Такъ и до нынѣ для означенія церковной службы употребляются лишь безчленныя формы: заутреня, обѣдня, вечерня.

Такимъ образомъ 95, какъ и 94 имѣетъ отрывочный характеръ и связанъ съ 94 только общимъ содержаніемъ: и то и другое—похвала.

96. „Хотя и вѣщая (мудрая) душа (и) въ мужественномъ тѣлѣ, но часто бѣды терпѣлъ“.

—*дързѣ* (дръзѣ вм. коего ошибочно прочтено *друзѣ*). Такъ между прочимъ А. Майковъ, Стихотв. III, 247 (1871 г.). Ср. 87: „изрони жемчюжьну (т. е. дорогую, „акы перла многоцѣньная) душю изъ *храбра* тѣла“.

—*бѣды*, вин. мн.? Желательно имѣть примѣры *страдати* въ значеніи терпѣть, испытывать съ винит. объекта. Или „чясто ѿ (отъ) бѣды страдаше“?

—*Страдати* врядъ ли можетъ здѣсь стоять въ значеніи работать (причинять?). Въ этомъ смыслѣ оно встрѣчается или съ внутреннимъ объектомъ (нов. вр. страду страдать) или безъ объекта: „а людье како-то на мя страдалѣ (=и, работали), тако и на княгиню мою по моемъ животѣ“ Ип.[1] 215.

97. *Вѣщѣй* вм. -ей, чтеніе основанное между прочимъ на Русск. памятникахъ XII вѣка и слѣдующихъ, какъ Ев. 1144 г. (лоучьи, больи). Въ Ип.[1] 20—приятельи (род. мн.) и проч.

—*И първоѣ*, прежде; Изяславъ Мстиславичъ говоритъ Вячеславу: „Сгрѣшилъ есмь и первое, а того ся каю“, Ип.[1] 57. Мнѣніе, что „если бы изреченіе Бояна не было старѣе Всеслава, то „пръвоѥ“ было бы неумѣстно“ (В. Милл. Взгл. 121), неубѣдительно. *Първое* можетъ значить и „раньше насъ“, т. е. примѣняющихъ это изреченіе, находящихъ его вѣрнымъ.

—*Смысленый*—позднѣйшая глосса къ *вѣщѣи*.

—Изъ того, что „*ни хытру... неминути*“ есть „мірская притча“ (Дан. Заточн.), никакъ неслѣдуетъ, что она немогла быть приписана Бояну, какъ историческому лицу. Такъ и теперь бываетъ съ народными пѣснями и пословицами, и не безъ основанія, ибо примѣненіе есть тоже творчество. „Се твого покойного дядька пісня“ сказано было мнѣ о пѣснѣ извѣстной во всѣхъ концахъ Малороссіи и судя по этому весьма древней:

„Ой сину мій Іване,
Дитя моє кохане“. [46])

Ср. еще въ повѣсти Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ“:

„За послѣднее время объявись у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь такая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду неслыхивали той пѣсни...

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли Дунай рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пѣскамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася:
По дѣвушкѣ душа встосковалася...

„Пѣсня-то и вся тутъ... да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно... пѣлъ на вечерней зарѣ!“

Для насъ очевидно, что эта „новая“ пѣсня если не цѣликомъ стара, то составлена изъ древнихъ элементовъ, древнѣе Слова о пол. Иг., но душа могла быть въ ней новая.

—*Ни хытру...* =Ни умному, ни умѣлому, ни даже „гораздой птицѣ... Впрочемъ, *горазду* можетъ быть не только прилагательное, согласуемое съ сущ. *пътичю* (=гораздой птицѣ), но и существительное, съ коимъ согласуется прилагат. пътичи (=ни птичьему горазду). *Гораздъ* птицы, то что у человѣка хитрость—мудрость, есть быстрота ея полета.

—*Ни п'тичю горазду* можетъ быть не позднѣйшая вставка переписчика, но варіантъ пословицы извѣстной намъ и безъ этой черты. Ср. параллель между бѣдствіями человѣка и птицы, мудраго человѣка и быстраго оленя:

Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,

---

[46]) Ср. Чубин V, 946—7. Есть гораздо лучшіе варіанты:
По над морем—Дунаєм
Вітер явір хитає,
Мати сина питає.

Ни царскаго, ни боярскаго,
 Ни звѣря рыскучаго,
 Ни птицы летучей:
Младъ ясенъ соколъ летитъ—
Перо выронитъ,
Добрый молодецъ бѣжитъ—
Головой вершитъ,

Пам. и обр. нар. яз. и слов. 161.

Олень быстръ бываетъ, да отъ смерти неубѣгаетъ, Этн. Сб. II. 69.

Олень лісни—бігун бистри, люди не боітся
 (вѣроятно слѣдуетъ: а людей боіться);
На чужині, хотя мудри, завше він хронится

Żeg. Pauli II, 141,

что, быть можетъ, значитъ: Олень, хотя и быстръ, а боится людей; на чужой сторонѣ и разумный человѣкъ робокъ.

XIV.

98. О, стонати Русъской (*-ск-*) земли, помянувше първую (*-ръ-*) годину и първыхъ (*-ръ*) князьй (*-ей*)!

99. Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевьскымъ (*Кіевски-*); сего бо нынѣ сташя (*-а-*) стязи Рюрикови (*-вы*), а друзии Давыдови (*Давидовы*), нъ розьно (*трехсложно*) ся (*рози нося*) имъ хоботи (*-ты*) пашутъ (*-ъ*)!

Это мѣсто несоставляетъ особаго цѣлаго. Обозначая его римскою цыфрою, я хотѣлъ только отдѣлить его отъ предыдущей и послѣдующей главы, съ коими оно неимѣетъ никакой связи. И судьбы Всеслава вовсе не таковы, чтобы, вспоминая о нихъ, можно было сожалѣть, что они не повторяются.

Предполагаю, что первоначально это мѣсто примыкало къ 80 и 81. Святославъ говоритъ, что несмотря на личную возможность („а чи диво... обиду“), онъ безсиленъ и долженъ оставаться въ бездѣйствіи, потому что князья ему непособляютъ; что времена измѣнились („на нице... обратишя“). Продолженіе этого составляютъ 98 и 99, при чемъ неясно, говоритъ ли это самъ Святославъ, или же авторъ безлично:

„О, стонать Русской землѣ, вспомнивши прежнее время и прежнихъ князей! (на примѣръ)

„Того стараго Владимира (Мономаха, при подобныхъ нынѣшнимъ обстоятельствахъ) нельзя было (было бы?) пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ (удержать въ Кіевѣ, заставить сидѣть тамъ въ бездѣйствіи, какъ сидитъ Святославъ теперь).

„Его стяги (дружина) стали теперь Рюриковы, а другіе—Давыдовы, но у нихъ (Рюрика и Давида) врознь развѣваются бунчуки“.

98. *Пьрвую, пьрвыхъ*, прежнюю, прежнихъ.

99. *Того—Кыевьскымъ.* Думаютъ, что здѣсь *сожалѣніе* о томъ, что Владимира нельзя было пригвоздить (Тихонр. Сл. о пол.[2], 97), то есть сдѣлать вѣчнымъ (А. Майковъ). Совсѣмъ напротивъ: здѣсь завидуютъ Владимиру. Это объясняетъ, почему воспоминаніе о немъ должно возбуждать скорбь.

—„*Къ горамъ Кыевьскымъ*“, т. е. просто къ Кіеву. Ср. 68.

—*Сего бо... пашуть. Бо* изъяснительное: *вѣдь* его стяги и пр., стало быть, по видимому, все осталось по прежнему; *но*...

—Можно бы читать „сего бо нынѣ *осташа* стязи Рюрикови (дат. ед.), Давыдови (дат.).

—*розьно* вм. *розино* (чтеніе принимаемое Тихонр. и др.) доказываетъ, что въ языкѣ автора *ь* произносилось внутри еще какъ гласная, составляющая слогъ; ср. въ Ип. л. часто Мьстиславъ, но „М*и*стислава“ 57, 2. *Розьно*: бунчуки ихъ развѣваются не въ одну сторону, такъ какъ одинъ идетъ впередъ, а другой назадъ. Вѣрно замѣчено (Вязем.

Прим. на Сл. о пол. 383), что это намекъ на событіе 1185 (Ип.[1] 132): „Святославъ же съ Рюрикомъ... влегоша во Днѣпръ, а Давыдъ возворотися опять со Смолняны“.

Хоботи, конскіе хвосты, сами ли составлявшіе знамя (бунчуки) или служившіе вмѣсто лентъ у знамени. Въ значеніи конскаго хвоста и теперь:

И поѣхалъ Константинушко ко городу Угличу,
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
Кир. П. III, 121.

Пусть незбиваетъ при этомъ мнѣніе г. Безсонова, будьто это значитъ „перемахивалъ *участки* величиною съ цѣлый темный лѣсъ“ (ib.). Слѣдуетъ сравнить:

Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья *хвостомъ* устилаетъ ib. 14.

У Даля *хоботъ*, хвостъ (напр. змѣи, ящерицы).

XV.

100. Копія поютъ (-*ъ*) на Дунаи, Ярославн*ин*ъ (-*нынъ*) гласъ слышитъ *ся* (-*тъ*); зегъзицею (-*гз*-) незна*ѥ*мъ (-*мь*) рано кычетъ:

„Полечю, рече, зегъзицею (-*гз*-) по Дуна*ѥ*ви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, ут'ру к'нязю кръвавыя (*кро*-) *ѥ*го раны на жестоцѣмъ (-*ъ*) *ѥ*го тѣлѣ“.

101. Ярославъна (-*вн*-) рано плачетъ (-*ъ*) въ Путивлѣ на забралѣ, а ръкучи: (*аркучи*):

„О вѣтр*е* (-*ь*), вѣтрило! чему, господине, насильно вѣ*ѥ*ши? чему мычеши хыновьскыя (*хи*-) стрѣл'кы на сво*ѥ*ю нетрудьною крильцю (-*лц*-) на мо*ѥ*я лады вои?“

„Мало ли ти бяшеть (-*ъ*) горѣ (-*ъ*) подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?

„Чему, господине, моѥ веселиѥ по ковылию розвѣя (*-раз-*)?“

102. Ярославъна (*-вн-*) рано плачеть Путивлю городу на забороле̂, а ръкучи (*аркучи*):

„О Д'нѣпре (*Дне-*) Словутичю (*-цю*)! Ты пробилъ ѥси каменьныя (*-нн-*) горы сквозѣ землю Половьцькую (*вецк-*); ты лелѣялъ ѥси на себѣ Святославли насады (*но-*) до пълку (*-лъ-*) Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ м'нѣ, а быхъ неслала къ нѥму слызъ на море рано“.

103. Ярославъна (*-вн-*) рано плачетъ (*-ъ*) въ (*къ*) Путивлѣ на забралѣ а ръкучи (*аркучи*):

„Свѣтълоѥ (*-тл-*) и тресвѣтълоѥ (*-тл-*) сълньце (*слънце*)! В'сѣмъ тепло и красьно (*-сн-*) ѥси!

„Чему, господине, прост'ре (*-стр-*) горячюю свою лучю на лады (*-ъ*) вои *и* (нѣтъ въ 1-мъ изд.) въ полѣ безводьнѣ (*-дн-*) жяждею (*-жа-*) имъ (*-ъ*) лукы (*лучи*) съпряже, тугою имъ тулы (*-и*) зат'че“?.

100.—Параллелизмъ между пѣньемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны, равно какъ и ниже (116—между пѣньемъ дѣвицъ на Дунаѣ и тѣмъ что здѣсь „страны рады, гради весели“—пѣсенный, традиціонный. См. въ моей ст. „Мр. пѣсня по сп. XVI в.“, 33. *Слышиться* указываетъ, что среда, въ которой отражается и пѣнье копій, и плачъ Ярославны—самъ авторъ. Ср. „ч'то *ми* шюмить, ч'то ми звенить?“ 52. Толкованій В. Милл. Взгл. 236—8 немогу принять, между прочимъ потому что невижу повода къ нимъ. „Выраженіе о копьяхъ, что они *поютъ*, крайне слабо, ибо копья небрянчатъ“ (l. c.), но оно весьма изобразительно, если подъ нимъ понимать то, что понималъ уже А. Пушкинъ, у котораго „пѣнье стрѣлъ“.

—*Зегъз-ицья*. Начальное *е* предполагается бѣл.русс. *зязюля* (осн. зегъз-уля, чеш. žehžule, žežhulka); мр.

вост. *зозуля* (изъ зогъзуля) и зап. *зазуля*, свр. *загозка*, и лит. geguž-e, вездѣ съ однимъ значеніемъ *кукушки*.

—*Незнаемь... кычеть*. Ср. мр.

А у садочку калина,
А на калині зозуля,
Вона не кує, *воркує*,
Ніхто зозулі нечує,
Тілько зазула певіхна,
По воду рано ідучи... Метл. 263.

Воркує—сомнительно. Лучше въ варіантѣ, записанномъ студ. А. Поповымъ въ Старобѣль. у. Хар. г.:

У вишневому саду могила,
А на могилі калина,
А на калині зозуля рябая.
Вона-ж не кує, *правдує*,
Ніхто зозулі нечує...

—*Рано*. Ср. прим. къ 95. Въ вр. пѣсняхъ кукушка кукуетъ „рано на зарѣ". Въ мр. пѣснѣ она говоритъ:

Ой жаль мені раннёго кування
І пізнёго літання,
Що я рано встаю
І раненько кую... Метл. 152.

Въ плачѣ Ярославны встрѣчается разъ „рано кычеть", три раза „рано плачеть" и сверхъ того разъ въ концѣ періода, гдѣ это слово можетъ быть не обстоятельствомъ при „а быхъ неслала" а стоящимъ независимо припѣвомъ:

„...а быхъ не слала къ нему сльзъ на море. Рано!"

Быть можетъ частыя начача пѣсень, какъ

Ой рано, рано кури запіли,
А ще ранійше NN уставъ... (Коляд.)

Ой рано, рано пава лятала,
Пава лятала, перря ранила...
Коляд. Шейнъ Бр. п. 114,
Рано, рано соунце сходзило,
Ранѣй таго пава литала... ib. 115,

повели къ тому, что въ русскихъ пѣсняхъ сталъ обыченъ

припѣвъ или запѣвъ „Ой рано“ и т. п., стоящій внѣ связи съ содержаніемъ:

Коло світлоньки, коло новоі, та рано!
Коло світлоньки, коло новоі, та ранесенько!
Там соловейко облітає, у світлоньку заглядає,
та рано, рано!
У світлоньку заглядає, та ранесенько!
Метл. 133.

За сяньми, сяньми три сады зялёныхъ,
Ай рана, рана, три сады зялёных,
У первымъ садочку зязуля кукуиць,
Ай рана, рана зязюля кукуиць!
У другимъ садочку саловьи щабечуць
Ай рана, рана, салавьи щабечуць!
У трецим садочку Ганулька плачиць
Ай рана, рана, Ганулька плачиць!
Шейнъ, Бр. п. 328.

За лѣсам лѣсам соўнійка йграиць
Ай рана, рана! ib. 329.
А свѣт свитаиць, зара займаиць,
Ах рана, зара займаиць и т. д. ib. 331.

Свр. Долго, долго соколъ не бывалъ,
Рано, рано, ранешенько! и пр.
Бусл. И. Хр. 1560.

Допустивши, что авторъ Слова находился подъ вліяніемъ народныхъ пѣсень, можно сдѣлать еще одно предположеніе: нынѣшнія пѣсни—свадебныя (весельныя); не таковы ли были и тѣ, которыя вспоминались автору Сл. о пол.? И нѣтъ ли здѣсь противоположенія между свадебнымъ „Ой рано“ и печальнымъ содержаніемъ плача? Ср, слова Владиміра Мономаха въ письмѣ къ Олегу: „А къ Богу бяше покаятися... а сноху мою (жену падшаго въ битвѣ съ Олегомъ Изяслава Владиміровича)—послати ко мнѣ... да быхъ, обуимъ, оплакалъ мужа ея и оны сват(ь)бы ею *въ пѣсній мѣсто*: не видѣхъ бо ею перв*ое* (-ѣе) радости (=ихъ „веселья“ предшествовавшаго вѣроятно вѣнчанью), ни вѣнчанья е*ю*“ Лавр.[1], 105.

—*кычеть* параллельно съ *плачеть*. Черта пѣсенная. Количество пѣсень русскихъ по всѣмъ говорамъ, другихъ славянскихъ и литовскихъ, въ коихъ встрѣчается этотъ параллелизмъ между куковѣньемъ (кыканьемъ) кукушки и плачемъ женщины, такъ велико, что ссылки излишни.

—П*олечю... рѣцѣ*. В. Милл. думаетъ, что для автора Сл. о пол. „Дунай не эпическая рѣка, и если онъ какъ бы забылъ географію (Ярославнѣ нужно попасть на Каялу, а она летитъ къ Дунаю), то это происходитъ не отъ незнанія, а отъ безотчетнаго сохраненія географическаго названія, найденнаго въ Болгарскомъ образцѣ“ (Взлг. 111). Но именно это мѣсто и „Дѣвици поють на Дунаи“ заставляетъ предполагать, что для него *Дунай* имѣлъ не только точное географическое значеніе (84), но и идеальное, при которомъ несоставляетъ напр. несообразности то, что коровайницы поютъ

„Да коли ми Маръечці коровай ліпили,
До Дунаю води (=по воду) ходили,
Метл. 161,

Или то, когда въ началѣ весны, видя убыль воды въ своей рѣчкѣ, поютъ:

Зринулася водиця з Дунаю... ib. 294.

Если видѣть признакъ заимствованія въ мнимомъ несоотвѣтствіи между „полечю по Дунаєви“ и „омочю... въ Каялѣ рѣцѣ“, то нужно соблазняться и несоотвѣтствіемъ между „полечю *зегъзицею*“ и „омочю *бебрянъ* рукавъ“.

Я думаю, что „полечю по Дунаѥви“ значитъ „далеко“. Ср.

„Ой коли-бъ я, серце, та крилечка мала,
Тобъ я ввесь світ-украіну кругом облітала,
Тобъ я свого миленького по шапці пізнала...
Или: „Ой колибъ я зозуленька та крилечка мала,
Полетіла-б, одвідала я свого милаго... Н. п.

В. Миллеръ думаетъ, что въ пользу заимствованія плача Ярославны изъ Болгарскаго источника говоритъ то, что „самымъ лучшимъ“ комментаріемъ къ нему служитъ Болгарская пѣсня о томъ, какъ больной Стоянъ послалъ сестру Яну по воду на Дунай, какъ Яна заблудилась и стала мо-

лить Бога: „сдѣлай меня малой птицей сивой кукушкой, чтобъ я лѣтала по букамъ, искала своего брата", и Господь ее послушалъ (Милад. №19). Ситуаціи тутъ не сходныя. Гораздо ближе широкораспространенный мотивъ, какъ прилетаютъ и плачутъ надъ убитымъ три кукушки (мать, сестра и жена): Этн. Сб. III, 220; Кар. Пјес. I, 558—9; Nesselm. Lit. volkslied. 305. Ср. также:

...Під білою березою козаченька вбито...
Прилетіла пава, на серденько впала
Та одкрила китаєчку тай заголосила.

Подобный, безъ сомнѣнія туземный и не книжный мотивъ долженъ былъ видоизмѣниться, будучи примѣненъ къ положенію княгини и Игоря, не убитаго, а раненнаго. Возможно, что имѣлся въ виду мотивъ еще болѣе близкій.

—*На жестоцѣмь... тѣлѣ*. Ср. выше „дързо", „храбро тѣло".

101. *Вѣтр-ило*. По Тихонр. Сл. о пол.[2] 52—*ило* суф. ласкательный. Скорѣе увеличительный („сильный, буйный вѣтеръ). Увеличительныя формы именъ собственныхъ—о старикахъ, лицахъ почтенныхъ: Петрище, Васище, Павлище. Ср. Петрило (стар.) сравнительно съ Петрикъ, Петрецъ.

—Мнѣніе, что *нетрудьною* слѣдуетъ исправить въ *нетрудьноую*, такъ какъ лишь эта послѣдняя форма мѣстн. п. дв. ч. правильна (Огонов. Сл. о пол. 115), ошибочно: въ род. дв.=мѣстн. дв.—*ою:* кровь Борисову и Глѣбову праведною Лавр.[1] 61, 14; въ 24 (іюля), въ святою мученику Бориса и Глѣба ib. 94, 34.

—*По ковилию*, стало быть—по степи.

102. *Словутичю*. Максимовичъ сначала объяснялъ: „сынъ Славы, славль (Жур. Мин. Нар. Пр. ч. XIII, 47); потомъ считалъ звательнымъ отъ Словут*иця*: по-врусск. сказать бы „Словутушка" (Укр. 111). Это—*иця* принимаетъ и Тихонр. ([2], 68), хотя звательный былъ бы—*иче*, а—*ицю*. Единственное возможное толкованіе у Бусл. „сынъ Словуты", Словутичь (съ *ц* вм. *ч* по сѣв. вр.); но Словута—тотъ же Днѣпръ; слѣдовательно, Днѣпръ Словутичь= Днѣпръ Днѣпровичь, какъ Соловей Будимировичь (см. въ моей ст. Мр. п. по сп. XVI в. 26). Названіе Днѣпра Сло-

вутою и (въ вр. былинахъ) другихъ рѣкъ, напр. Волги „славными“, я думаю, предполагаетъ, что рѣки славились, что имъ пѣлась слава („Быстрымъ рѣкамъ слава до моря К. Дон., Кир. П. III, 106). Городамъ кликалась до поздняго времени слава въ окликахъ часовыхъ: „Славенъ городъ N“!

103. *Въ полѣ безводнѣ... зат҄че.* Ср. въ Лавр. л.[1], 168: „бишася (Половьци) 3 дни стрѣлци, а копьи ся неснимали... а къ водѣ недадуче имъ (Руси) ити. Наши... изнемогли ся бяху безводьемъ, и кони, и сами, въ знои и въ тузѣ, и поступиша мало къ водѣ, по 3 дни бо непустили бяху ихъ къ водѣ“.

XVI.

104. Прысну море; полуноци идутъ (*-ъ*) смърчи (*сморци*); мьглами Игореви к҄нязю Богъ путь кажетъ (*-ъ*) изъ земли Половъцькои (*-вецкой*) на землю Русьскую (*-ск-*), къ отъню (-тн-) злату столу.

105. Погасошя (*-а*) вечеру зори (*за-*); Игорь с҄питъ (*-ъ*), Игорь б҄дитъ (*-ъ*), Игорь мыслию поля мѣритъ (*-ъ*) отъ великаго Дону до малаго Доньця (*-нца*).

106. Комонь . . . .
Въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить к҄нязю разумѣти: к҄нязю Игорю не бысть (*не быть*)—; кликну,—стукну земля, въшюмѣ (*-шу-*) трава, вежи ся Половьцькыи (*-вецкіи*) подвигошя (*подвизаша ся*), а Игорь к҄нязь поскочи гърностаѥмь (*горна -ъ*) къ тръстию и бѣлымъ (*-ъ*) гоголъмь (*-емъ*) на воду, възвържеся (*вѣвръ-*) на бързъ (*-ръ*) комонь, и съскочи (*ско-*) съ нѥго и (*и нѣтъ въ 1-мъ изд.*) босымь вълкъмь (*-лькомъ и*) потече къ лугу Доньця (*-нца*), и полетѣ соколъмь (*-омъ*) подъ

мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ.

107 Коли Игорь соколъмъ (*-омъ*) полетѣ, тъгда (*то-*) Овлуръ (*Вл-*) вълкъмъ (*-лъкомъ*) потече, труся собою студеную росу [претъргоста (*-тръ-*) бо своя бързая (*-ръ-*) комоня].

108. Тъгда (*то-*) врани неграяхуть (*-граа-*), галичь (*-ици*) помълкошя (*-млъ-а*), сорокы нетроскоташя (*-а*); по лозию пълзошя (*пол-а*) только дятълове (*-тл-*), тек̀тъмь (*-ктомъ*) путь къ руцѣ (*рѣцѣ*) кажуть (*-ъ*); соловіи веселыми пѣсньми (*-съми*) свѣтъ повѣдають (*-ъ*). [47])

XVII.

109. Доньць (*-ецъ*) рече: „к̀няже Игорю! не мало ти величия, а Кон̀чяку (*-нча-*) нелюбия, а Русьской (*-ск-*) земли веселия!“

110 Игорь рече: „О Доньче (*-нч-*)! не мало ти величия, лелѣяв̀шю (*-вшу*) к̀нязя (*кн-*) на вълнахъ (*-лъ-*), стьлав̀шю (*стлавшу*) ѥму зелену (*-ѣ-*) траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвав̀шю (*-вшу*) ѥго теплыми мъглами (*-ъ-*) подъ сѣнию зелену древу, стрегъшю (*стрежаше*) ѥго (*е*) гогольмь (*-емъ*) на водѣ, чьрнядьми (*-ръ-*) струяхъ, чаицями (*-йца-*) на вѣтрѣхъ (ве-)“. [48])

111. Нетако-ли, рече, рѣка Стуг̀на: худу струю имѣ, а, (*имѣя*) пожьр̀ши (*-жрѣ-*) чюжи (*-чу-*)

---

[47]) 108 въ изд. 1800 стоитъ не на этомъ мѣстѣ, а ниже, послѣ «*на слѣду... съ Кончакомъ*.

[48]) Въ 1-мъ изд. стоитъ: «чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ».

ручьи и стругы, рост'рена къ устию (*ростре на кусту*), уношю (-*у*) к'нязя (-*ю*) Ростислава (-*у*) затвори д'нѣ при (*Днѣпрѣ*) тьмьнѣ (*темнѣ*) березѣ: плачетъся (-*тся*) мати Ростиславля по уноши к'нязи Ростиславѣ; унышя (-*а*) цвѣти (-*ы*) жялобою (*жа*-) и древо с'тугою къ земли прѣклонилося (*ся нѣтъ въ 1-мъ изд.*)".

XVIII.

112. А не сорокы *въстроскоташя* (*втро-а*), на слѣду Игоревѣ ѣздитъ (-*ъ*) Г'за (*Гзакъ*) съ Кон'чякъмь (*Кончакомъ*). [49])

113. Мълвитъ (*млъвитъ*) Г'за къ (*Гзакъ*) Кон'чякови (-*нча*-): „аже соколъ къ гнѣзду летитъ (-*ъ*), соколичя (-*а*) рострѣляѥвѣ своими злачеными стрѣлами".

114. Рече Кон'чякъ (-*нча*-) къ (*ко*) Г'зѣ: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ (-*ъ*), а вѣ соколичя (-*лца*) опутаѥвѣ красьною (-*сн*-) дѣвицею (*ди*-)".

115. И рече Г'за (*Гзакъ*) къ Кон'чякови (-*нча*-): „аще ѥго опутаѥвѣ красьною (-*сн*-) дѣвицею, ни нама будетъ (-*ъ*) соколичя (-*льца*), ни нама —красьны (-*сн*-) дѣвицѥ (*це*), то поч'нутъ (-*чнутъ*) наю п'тичи (-*ци*) бити въ полѣ Половьцькъмь (-*вецкомъ*)".

XIX.

116. Рекъ Боянъ [имр. одина (*и ходына*) [Святославля (-*тъ*-)] пѣснотворьцѧ (*пѣств...рца*) ста-

---

[49]) Здѣсь въ изд. 1800 г. помѣщено «Тогда... повѣдають». См. выше 108.

раго времени: Ярославля, Ольгова—каганя (*ко*-)]: „хоть и (*хоти*) тяжько (*-жк-*) ти голов*ѣ* (*-ы*) кромѣ плечю, з'ло ти *и* (*и* нѣтъ въ 1-мъ изд.) тѣлу кромѣ головы"; Русьской (*-ск-*) земли—безъ Игоря:

съльнце (*солнце*) свѣтиться (*-тс-*) на небесе (*-сѣ*), Игорь к'нязь—въ Русьской (*-ск-*) земли.

117. Дѣвици поютъ (*-ъ*) на Дунаи, вьютъся (*-тс-*) голоси чрезъ море до Кыѥва (*Кіе-*);

Игорь ѣдетъ (*-ъ*) по Боричеву къ свѣтѣй Богородици Пирогощей:

страны рад*ы* (*-и*), гради весели.

---

118. Пѣв'ше пѣснь старымъ к'няземъ, а потъмь (*-томъ*) молодымъ пѣти:

Слава Игорю Святославличю (*-ъ- ча*), буй-туру В'севолоду (*-ѣ*), Владимиру Игоревич*ю* (*-у*)!

Здрави к'нязи и дружина, побарая за христьяны на поганыя пълкы (*полки*)!

К'няземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

104. =Прыснуло море (о всплескахъ волны; стало быть, на морѣ—буря), къ сѣверу (дател. *полунощи*) идутъ тучи (смърчи); мглами (т. е. этими же тучами) князю Игорю Богъ указываетъ путь (на сѣверъ же).

—*Смърчь* зн. здѣсь не σίφων, а туча, облако. Туча и смерчь сходятся въ представленіи впиванья, вбиранья воды. *Смърцати*, sorbere, ebibere, haurire: „яко же облаци отъ моря дождовъ съмрьцающе" (Восток. Сл.; Mikl. Lex. s v.). „*Смерчь*—піявица, *облакъ дъждевенъ*, иже воду отъ морѣ възимаетъ, яко въ губу, и пакы проливаетъ на земля" (Новг. сл. 1431 г. Сах. Ск. Р. н. V, 122). *Смерчъ* піявица, *облакъ дождевный*, фуртуна

(П. Берында). *Сморщъ*, по нѣкіихъ, сикавка (siphon), или оболокъ, кторый зъ неба спустившися, воду зъ моря смокчеть (id.). Ср. „руцѣ твои, яко *облакъ* силенъ, взимая отъ моря воды, отъ богаства дому твоюго труся в руце неимущимъ“, Дан. Зат. по сп. Унд. Р. Б. 1856, 2, 112. Ср. *тжча*, цер.-сл.—дождь, хорут. (tôča) градъ, русск. *туча* и словин. (запад. славян.) tancza, дождевая туча; но такъ какъ пьетъ воду и облако, и радуга (мр. „*веселка, красна́ па́ні* воду з криниці бере“, слышано мною въ Ромен. у.; словац. pije ako duha, Пам. и Обр. 156; у Словинцевъ и Кашубовъ въ Западной Пруссіи *радуга* однимъ концомъ пьетъ воду изъ одного озера (resp. моря, болота, что ближе), другимъ изъ другого, тянетъ въ облака, отъ чего происходитъ дождь и снѣгъ), то Поль. tęcza, Кашуб. tącza (tancza), Словин. tąga (tanga)—радуга. См. Этн. Сб. V, 74. Гильфердингъ, Остатки Славянъ [50]).

—*мьгла* въ знач. скр. mêgha, облако.

105. *Вечеру зори*, вечернія зори, дат. принадлежности, какъ „подъ сѣнию зелену древу“ (110).

—*Игорь с̓питъ, Игорь б̓дитъ... Доньця*. Соединеніе при одномъ подлежащемъ сказуемыхъ съ противоположными значеніями выражаетъ малую степень дѣйствія: мр. „ой

---

[50]) Корень *смърк* (см. смръкъ у Микл. Lex.; сморкать,—ся) и *смьрк* (смьрчь) представляетъ внутри ъ и ь. Наличныя слав. значенія—вбирать и выбрасывать жидкость—быть можетъ, предполагаютъ значеніе schnauben, сопѣть (ср. «вода так и сопетъ изъ трубы»; сопли—сморчки, сморкота), съ храпомъ вдыхать и выдыхать. Изъ сродныхъ ср. серб. *шмрк*, брызгалка, пожарный насосъ, понюшка (нюхъ) табаку и лит. szmirk-sztyne, брызгалка, szurksztyne (изъ szmurk-), id.; sznurkszle, die schnauze (о лошади, свиньѣ), во множ. числѣ—es, ноздри, snarkszti, храпѣть (о лошади); snarglys ед. ч., сопли; быть можетъ сюда же и smarkùs, свирѣпый, жестокій, сильный (schnaubend?); лит. smarkatà, сопли, быть можетъ съ русс. Такимъ образомъ въ лит. чередуются здѣсь *a*, *i*, *u*; *m* и *n*, *k* и *g*. Относительно послѣдняго ср. зап. русс. *сморгать*, сморкать.

спав—неспав, прокинувся“ = серб. мало трену“. Здѣсь по малорусски было бы: „чи спить, чи нi, а думкою поля переміряє“, или „не так спить, як“...

106. *Комонь* я предпочолъ постановить особо, предполагая, что это или недоразвитая замѣтка автора, для памяти, или начало безъ конца, опущеннаго переписчикомъ. Обыкновенно соединяютъ со слѣдующимъ „комонь въ полуночи. Овлуръ...“ (конь готовъ, что ли?), или, принимая за винительный объекта при свисну, понимаютъ: Овлуръ свистомъ позвалъ коня.

—*Въ полуночи... подвигоша*=Въ полночь Овлуръ свиснулъ, велитъ князю разумѣть (давая знакъ князю), но князю Игорю „не бысть“ т. е. разумѣти, онъ не понялъ; тогда Овлуръ кликнулъ (по богатырски), такъ что стукнула земля, зашумѣла трава, тронулись вѣжи Половецкія. Относительно *небысть* вм. небыть ср. Малаш. Сл. о п. 124—5.

Босымъ, читаютъ *бусымъ*, но для этого въ Сл. о пол. есть обычный эпитетъ *сѣрый* (19). Ср. серб. посл. „бос као пас“. Волчій слѣдъ отчотливѣе собачьяго, такъ что о волкѣ можно сказать: „босоі ноги слід пише“.

—*Къ лугу Доньця.* У Малашева (97)—„къ луговому берегу“, что при двусмысленности слова *лугъ* (вр. pratum, мр. цер.-сл. и др.;—nemus, silva) неясно. Я думаю: „къ Донецкому лѣсу“, гдѣ можно было быть безопаснѣе отъ преслѣдованія.

—*Завтроку... ужинѣ*—dat. comm.

107. *Труся—росу.* Подобное выраженіе въ мр. п.

Ой ты, соловей, рання пташечка,
Ты нещебечи рано на зорі,
Да необтруси раньнёі роси:
Нехай обтрусить моя мятюнка,
До мене йдучи, одвидуючи,

Метл. 246.

Претъргоста... комоня, быть можетъ объясненіе переписчика къ „съскочи съ него вълкъмь“ и „Овлуръ вълкъмь потече“?

108. Это мѣсто, оставленное послѣ „ѣздить Г'за съ Кон'чякъмь“ (112), во 1-хъ, безъ видимой надобности отдѣ-

ляетъ отъ этого слѣдующее: „мълвить Г҄за“, во 2-хъ, даетъ такой смыслъ, будьто природа сочувствуетъ погонѣ. Я предполагаю, что *тъгда*—во время бѣгства Игоря—смолкъ враждебный крикъ воронья. Варьируя извѣстную пословицу, можно бы сказать, что здѣсь „вороны неограяли, люди неузнали“. Слышны были лишь благопріяные птичьи звуки.

—*Нетроскоташя*. Кажется, сорока въ лѣсу скрегочетъ, завидя человѣка, и перелетая при этомъ на другое дерево. По крайней мѣрѣ мнѣ случалось это замѣчать. Если такъ, то „нетроскоташя“—не выдавали присутствія бѣглецовъ.

—П*о лозию*. В. Милл. (Взгл. 245—6) предлагаетъ чтеніе „*полозиѥ ползоша*“, т. е. или *полозы*, змѣи, или *полозы* въ смыслѣ птицы ползика, sitta europaea, серб. пузавацъ, blauspecht. Неговоря уже о змѣяхъ, сомнительна въ авторѣ Сл. о пол. мѣлочность изображеній. Пестрый дятелъ еще можетъ броситься въ глаза, но маленькаго ползуна, какихъ дѣйствительно много въ лѣсахъ надъ Донцомъ, даже присматриваясь, трудно замѣтить, а стукъ его легко можетъ быть приписанъ пестрому дятлу. Въ этомъ чтеніи нѣтъ нужды. П*о лозию* значитъ, конечно, не по *лоз*нику (кустарному), а по вѣтвямъ деревьевъ; менѣе вѣроятнымъ кажется, что здѣсь рѣчь объ опредѣленной породѣ деревьевъ, напр. о вербѣ, ивѣ.

—*къ руцѣ*. Чтеніе „къ рѣцѣ“, при обычномъ пониманіи *кажутъ*, предполагаетъ утвердительное рѣшеніе вопросовъ, точно ли дятлы чаще встрѣчаются близь рѣки и можно ли, направляясь къ рѣкѣ по лѣсу, руководиться ихъ тектомъ. Читая *къ руцѣ* (какъ, на оборотъ *ѣ* стоитъ вм. *у* въ В*севолодѣ*, 118), перевожу: „по вѣтвямъ ползли только дятлы, тектомъ сказывая благоприятный (*къ руцѣ*= на руку, удобный) путь“. Рѣчь идетъ о гаданьи по тексту дятла. Ср. въ словѣ Кирила Кипр. о злыхъ дусѣхъ въ сб. XV в. (у Бусл. Ист. Хр. 544): „вѣруемъ въ потќы, и въ датлѧ, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая переди пограєть, то станемъ послушающе, правая ли, или лѣвая; да аще ны

пограеть по нашей мысли, тъ мы къ собѣ глаголемъ: добро ны потка си, добро ны кажеть... Егда ли что ны на пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати: «почто невратихомся?»". Впрочемъ, можно оставить и *рѣцѣ*, но понимать такъ, что бѣглецы по тексту узнаютъ не то, что ихъ путь лежитъ къ рѣкѣ (это они знаютъ по другимъ болѣе вѣрнымъ примѣтамъ), а то, что путь ихъ къ рѣкѣ будетъ счастливъ, ибо *путь* и безъ эпитета значитъ хорошій путь (откуда и распутица, *безпутье*), счастливый путь (откуда привѣтствіе или пожеланіе „путь-дорога!"; въ Задонщинѣ по Кир.-Бѣл. сп. „солнце ему на встоцѣ... ясно свѣтить (а не какъ въ Сл. о п. 8 и 21), путь ему повѣдаеть, Борисъ и Глѣбъ молитву творять за сродники своя", Изв. Ак. Н. VI, 348), успѣшный путь и затѣмъ успѣхъ, удача пр.

109—10. См. ссылку Бусл. (Рус. Хр. 109) на разговоръ молодца съ рѣкою Смородиною, Др. Р. ст. 296.

110. *Стрегъшю*. Можно поставить несогласованную форму *стрегъше*, или оставить *стрежаше*. Въ послѣднемъ случаѣ это начало новаго предложенія, независимаго отъ предыдущаго: „ты предостерегалъ его", т. е. посредствомъ водяныхъ птицъ служащихъ примѣтами присутствія, или отсутствія опасности.

Черн-ь и *черн-ядь*, косакъ, т. е. косатая, хохлатая утка, anas fuliginosa, fuligula cristata. Суф. и *-ь-* и *-ядь* имѣютъ значеніе собирательное „безъ счету тутъ народушку да черняди", т. е. простого, Гильф. Он. Был. 25. „Не даромъ дано этой породѣ утокъ собирательное имя: онѣ появляются... весной всегда огромными стаями; не только въ одиночку, но даже маленькими стайками я никогда ихъ не встрѣчалъ. Обыкновенно садятся на большіе чистые пруды или озера и густымъ чернымъ покрываломъ одѣваютъ свѣжую воду. Вода буквально кажется черною, и въ этомъ отношеніи вѣрно дано имъ названіе «Чернь»", Серг. Аксаковъ. *)

---

*) Называются также—*чернухи*, *чернушки*. Примѣч. Ред.

—*Чаица*, larus, рыбалка? или въ мр. значенiи *чайка*, чибисъ? Рыбалка только касается клювомъ или криломъ воды (по крайней мѣрѣ плаванье на струяхъ въ глазахъ обыкновеннаго наблюдателя для рыбалки нехарактеристично), а чайка и вовсе неплаваетъ. Этимъ оправдывается перестановка сдѣланная мною въ текстѣ: „чьрнядьми на струяхъ, чаицями на вѣтрѣхъ".

111. Это можетъ быть рѣчь не Игоря, а автора.

—*Нетако ли*, не такъ-то или *нетака ли*, нетакова то. *Ли* здѣсь не въ вопросительномъ значенiи.

—*рече*, ссылка на повѣствованiе о смерти Ростислава (1093 г. Лавр. л.[1], 90—1): „не така, мовляв (=як той казав), рiка Стугна". См. Прим. къ 4.

—*худу*... *березѣ*, она имѣла малую (худу) струю (была маловодна, не то что Донецъ, особенно въ тѣ времена), но пожравши чужiе ручьи и потоки, расширенная (ро(з)стьрена) къ устью, юношу... затворила на днѣ при темномъ берегѣ.

—*ростьрена*, чтен. Тихонравова. Прич. страд. на —енъ, Mikl. Gr. III[2], 106

—Чтенiе *къ усти-ю* принимается, потому что хотя ед. ч. *усто* и предполагается множественнымъ *уста*, но нигдѣ невстрѣчено.

—*при*... *березѣ*, чтенiе кн. Вяземскаго.

—*тъмьнѣ*, у лѣсного берега. Мр. пѣсенныя сочетанiя „темний лугъ" и „лугом—берегом".

112. *А не сорокы въстроскоташа*. Я думаю, что послѣ „*а не*" первоначально стояло другое сравненiе поѣздки Гзы и Кончака. *Сорокы въст*роскоташа написано переписчикомъ по ошибкѣ, подъ влiянiемъ слѣдовавшаго за этимъ въ ркп. „*тъгда*... *сорокы нетроскоташа*".

114. *Опутаеѣвъ*. *Пута*—символъ любовной и брачной связи: въ подблюдной пѣснѣ (до 1769 г.)

Ахъ ты мати, ты мати, порода моя,
Еще взгляни, мати, въ окошечко,
Ахъ (?) ты выкини, мати, опутинку,
Еще чѣмъ мнѣ опутать ясна сокола.

Бусл. Ист. Хр. 1542—3.

„Ой на волики та налигачі, а на коники пута;
Коли-б же не ти, серце дівчино, то небув би я
тута, Метл. 56.
Ой на волики воловідики, а на коники узди;
Ой як би-б не ти, серце дівчино, то не знав би я
нужди.

Найти нечаянно путо—признакъ скораго выхода замужъ или женитьбы (Пенз. г.). Свахи ходятъ съ путомъ для удачи въ своемъ дѣлѣ. Обл. вр. *опутать*, засватать.

115. *Почьнуть... Половьцькъмь*,=даже въ нашемъ полѣ будутъ насъ птицы бить, т. е. этимъ мы докажемъ свою слабость, дадимъ поводъ обижать, презирать насъ и своимъ. Въ записанной мною пѣснѣ о сиротствѣ:

„Та журба-ж мене ізсушила, та журба-ж мене
ізвъялила:
Що найменша в степу птиця, та й та мене била.
Ой тим вона побиває, що роду немає:
Ой вийду ж я за ворота, стою як сирота...
Труды Этн. Эксп. V,447.

Ср. прим. къ 30. *Наю* родит. въ смыслѣ винительнаго, какъ въ Ип.[1] 35: „Се наю, брате, Богъ съвокупилъ“.

116. *Рекъ* можетъ быть или искаженіемъ вм. *рече*, или прич. прошед. времени на *-ъ* съ опущеннымъ глаголомъ (*рекъ есть*, Боянъ [есть] сказавши), но ни какъ не причастіемъ на *-лъ*, которое сохраняетъ свое окончаніе напр. въ Ип. л. 31, 35, 38 и пр.: реклъ, пожеглъ.

— *Имр... Коганя* разсматриваю, какъ глоссу къ Боянъ: вм. *их* читаю *имя* v. *имярекъ* въ сокращеніи, *одина* вм. *одына*, ср. Ярославьнинъ вм. стоящаго въ 1-мъ изд. Ярославнынъ (99); *Святославля*—поставленная переписчикомъ не у мѣста приписка, которую слѣдовало помѣстить послѣ *Ярославля*; *каганя* можетъ быть приложеніе къ *Ольгова*.

Если бы *исходъ* было извѣстно въ значеніи выходки, то можно было бы догадываться такъ: [*исходъ ина... пѣснотворця...*], т. е. это выходка не Боянова, а *иного*, другого пѣвца. Род. *ина* по именному склоненію ср. съ „напоите, накормите уже ина“, Влад. Мон., Лавр.[1], 102; Изъ зап. по рус. грам. II, 510, прим.

Хоть и вм. *хоти*. *Хоть*, частица, изъ *хотя*, какъ въ Сл. о пол. скратишась вм. съкратишяся и Ип. л. снидошась, 30.=„Такъ и Русской землѣ (тѣлу) безъ Игоря, (ибо какъ одно) солнце свѣтитъ на небѣ, такъ (одинъ) Игорь въ Русской землѣ.

117. См. прим. къ 100.

118. *Княземъ слава а дружинѣ*. *А* соединительное, а не противительное.

118 съ полнымъ основаніемъ сравниваютъ (напр. Кулишъ, Зап. о Ю. Р. I, 194—5, Житецкій, Archiv f. Slav. phil. II, 660) съ заключительными славословіями малорусскихъ думъ, напр. Ант. и Драгом. I, 113, 120, 124, 133, 171, 181, 196—7, 219—20; II, 15, 29, 102—3.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стран. 2, строка 19. Вмѣсто „Построеніе періодовъ въ „Словѣ“ „книжное“ слѣдовало сказать: Построеніе нѣкоторыхъ періодовъ въ „Словѣ“, можетъ быть, книжно“.

Къ стран. 12—14. О пѣньи лебедей (изъ статьи К. Э. Бэра „Какъ понимать извѣстія Грековъ о пѣньи лебедей“, въ K. E. v. Baer, Historische fragen mit hülfe der naturwissenschaften beantwortet. S. Petersb. 1873).

Замѣчательно, что ученые лишь въ первой половинѣ XVIII в. признали существованіе въ Европѣ двухъ видовъ лебедей, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ эти виды различаются „съ незапамятныхъ временъ“ (Ср. Даль, Сл.). Обыкновенный въ Германіи лебедь съ краснымъ носомъ и чернымъ наростомъ у его основанія, съ красивымъ изгибомъ шеи и головы, Cygnus gibbus, c. olor, русск. лебедь *шипунъ*, неиздаетъ звуковъ, сколько нибудь похожихъ на пѣнье, *шипитъ*, когда его дразнятъ, а изрѣдка издаетъ нестройный крикъ. Другой лебедь, русск. *л. кликунъ*, c. musicus, тоже бѣлый, съ темножелтымъ клювомъ, который при плаваньи направляется прямо впередъ, подъ острымъ угломъ къ шеѣ, благодаря особому устройству голосовой трубки, издаетъ громкіе звуки, напоминающіе кларнетъ или тромбонъ. Каждая особь обыкновенно издаетъ лишь по два звука: одинъ повыше, другой вслѣдъ за нимъ—пониже и послабѣе. Самки кличутъ нѣсколько слабѣе самцовъ. Въ стадѣ, сидя на водѣ, или на лету, они издаютъ эти звуки по очередямъ, съ равными промежутками, что въ цѣломъ похоже на хоровое пѣнье пріят-

ное, но печальное. По крайней мѣрѣ, говоритъ Бэръ, мнѣ такъ показалось, когда я, подъ Астраханью, остановившись на почтовой станціи, впервые услыхалъ эту непрерывную смѣну звуковъ. При грустной обстановкѣ, въ сырую мартовскую, не то зимнюю, не то осеннюю ночь съ низконависшими тучами, эта печальная музыка подѣйствовала на меня такъ, что я въ испугѣ спросилъ: „что это?“—„Это лебеди поютъ“ (кличутъ?), отвѣчалъ равнодушно ямщикъ. Оказалось, что не вдалекѣ отъ этой станціи—озеро „лебяжье“ (? Lebeschia). [Извѣстно, что въ Россіи довольно много озеръ съ подобнымъ названіемъ, между прочимъ близь г. Лебедина, Харьков. губ.—озеро того же имени]. Тамъ останавливались лебеди на нѣкоторое время, начиная свой путь на сѣверъ. Они отдыхаютъ при перелетѣ и на озерахъ въ Пруссіи и Помераніи, гдѣ тоже общеизвѣстно ихъ пѣніе. Оно, особенно при мрачной обстановкѣ, гораздо скорѣе можетъ показаться предвѣстіемъ несчастья, чѣмъ далеко нестоль сильный крикъ лягушекъ на прудахъ. [Замѣчу отъ себя, что, хотя крикъ лягушекъ и неполучилъ того поэтическаго значенія и извѣстности, какъ русск. пѣсенное „лебедь кичетъ (v. кличетъ)... N плачетъ“, но тоже представляется плачемъ. Дѣтямъ въ Мр. говорятъ, что лягушки переговариваются такъ: „Де твій муж?“—На Дону. „А твій?—утонув.—Нум плакать?—Нумъ!—Нум!—Нум!“].

Не на подобномъ ли впечатлѣніи, продолжаетъ Бэръ, основано поэтическое измышленіе Грековъ, что лебеди оплакиваютъ себя передъ смертью? Впрочемъ нѣкоторые наблюдатели, въ томъ числѣ Палласъ, и до него стольже дѣльный зоологъ О. Фр. Мюллеръ (въ Prodromus zoologiae Danicae) утверждаютъ, что лебеди дѣйствительно передъ смертью, или раненные, издаютъ свои звуки, которые такимъ образомъ—выраженія боли, музыкальные стоны. Одинъ весьма точный наблюдатель птичьяго міра, Шиллингъ утверждаетъ, что лебеди кличутъ, когда позамерзаютъ мѣли на озерахъ, такъ что нельзя уже доставить себѣ пищи со дна.

На дальнемъ сѣверѣ и востокѣ Европы и въ Сибири лебедь кликунъ обыкновеннѣе, извѣстнѣе шипуна. Въ Лапландіи извѣстенъ только первый. Зимою онъ держиться на

Чорномъ морѣ и на югѣ Каспійскаго. Въ эту пору онъ встрѣчается нерѣдко и въ малой Азіи, и отсюда, вѣроятно, Греки получили свѣдѣнія о его пѣніи. Впрочемъ онъ попадается и въ самой Греціи, хотя и рѣже шипуна, чѣмъ объясняются сомнѣнія древнихъ Грековъ въ томъ, что лебеди поютъ.

Итакъ, съ одной стороны нельзя отказать Русскому народу въ наблюдательности, съ другой—въ разсматриваемомъ случаѣ данныя для наблюденія болѣе часты въ Россіи, чѣмъ гдѣ либо южнѣе или западнѣе. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что образы, какъ

„Ой крикнула та лебедонька море перепливши;
„Заплакали чорноморці коні погубивши“

вполнѣ туземны и списаны прямо съ натуры. Чтобы заподозрить туземность образа лебеди—струны, которая говоритъ, потому что вынуждена къ этому соколомъ—перстомъ, нужно бы показать такое же сочетаніе чертъ въ иноземномъ произведеніи, чего несдѣлано; потомъ, ради послѣдовательности, нужно бы считать поддѣльными или заимствованными соотвѣтственные образы орла и лебеди въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Ой на морі, на морі синенькім
Там плавала біла лебедонька
Із маленькими лебедятами.
Де ся взяв сизопірий орел,
Став лебедку бити й забивати,
Стала лебедка до його промовляти:
„Ой небий мене, сизопірий орлоньку,
„Скажу тобі всю щирую правдоньку:
„Як у тім місці у Кистрині
„Да бьеться орда уже три—дні,
„Бьеться вона три дні й три години,
„Розбилася на три половини;
„Течуть річки да все кровавиі,

[Через тиі річки мостять мости,]
„Мостять мости да все головками,
„Головками да все московськими.

Третій отъ конца стихъ, взятый мною въ скобки, можетъ быть, вставной и лишній. Максимовичъ, напечатавшій эту пѣсню (Укр. нар. п. Москва, 1834, 116) спрашиваетъ: „Кистринъ не есть ли Хотинъ?“ Но русскіе осаждали Кистринъ въ 1758. Были ли при этомъ Малороссійскіе полки? Во всякомъ случаѣ собственное имя и событіе, къ коему приурочивается пѣсня—измѣнчивы. Замѣтимъ, что лебедь здѣсь обѣщаетъ сказать „всю щирую правдоньку“, какъ въ мр. пѣс. (см. выше стр. 14) „Струнва струнві правду вповідає“. И лебедь, и струна—вѣщія. Въ другой пѣснѣ (Чубинскій, V, 957)

...орел
Став лебедку бити побивати,
Стала лебедка ік орлу промовляти
„Ой небий мене, орле сизокрилий!
„Ой скажу тобі да три пригодоньки:
„Що й у городі да й у Батурі
„Да билась орда три дні й три годині,
„Та на четвертому стала повертати:
„Козацького трупу та й конем незъізжати.
Ой з того трупу виніс орел козацьку руку...
. . . .

Я ненахожу основаній сомнѣваться въ подлинности этихъ пѣсень, по крайней мѣрѣ ихъ основного мотива, который слѣдуетъ присоединить къ числу пѣсенныхъ началъ издалека (См. мою ст. „Мр. пѣс. XVI в.“): орелъ бьетъ лебедь, а она откупается отъ него невольной услугой, указываетъ ему на поле битвы, гдѣ ему будетъ больше поживы. Такимъ образомъ мысль пѣвца переходитъ къ битвѣ, или одному изъ ея моментовъ. Отношеніе орла и лебеди нѣсколько напоминаетъ мотивъ, встрѣчаемый въ сказкахъ и былинахъ: а) богатырь хочетъ убить звѣря (resp. птицу,

поймать рыбу), который проситъ пощады: обѣщая сослужить за то службу, „стать у пригоді“ (многія сказки); б)

А и чуть было спустить калену стрѣлу,
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
„Аи ты, Потокъ Михайло Ивановичъ!
„Нестрѣляй ты меня, лебедь бѣлую:
„Нѣ-въ-кое время пригожуся тебѣ“.
Кир. Дан.; Кирѣев. П. IV, 53.

Алеша Поповичъ хочетъ подстрѣлить чернаго ворона, „птицу *вѣщую*“, какова выше лебедь, а воронъ указываетъ ему лучшую добычу (Кир. П. II, 80—1; ср. іb. III, 108—9, 110—1).

Къ вышеприведеннымъ Мр. пѣснямъ объ орлѣ и лебеди примыкаетъ еще одна, нѣсколько сомнительная, въ которой лебеди остаются въ сторонѣ, а главное—разговоръ орла и сокола, мотивъ, впрочемъ, подтверждаемый другою пѣснію („сокіл з орлом купаеться, сокіл орла питаеться...“):

Не метіль з моря піднімалася,
А то гуси сірі, лебеді білі,
А за ними вслід сиз орел летить,
А за орлом вслід та ясний сокіл:
„Постій, сизий орле, постій!
„Я не бити мічу, роспитати хочу
„Чи небачив ти вбитого козака“?...
(Чуб. V, 939).

Къ стр. 14. Стру-на, вѣроятно, неимѣетъ связи съ кор. *çру* и *словомъ*: ср. др.-вн. strou-m, rudens, канатъ, кор. *стар*, *стру-*, sternere (Schmidt zur gesch. des indogerm. voc. II, 286).

Къ стр. 28. Дивъ кличетъ. Быть можетъ, будетъ здѣсь усмотрѣно нѣкоторое сходство съ началомъ пѣсни, слышанной мною отъ товарищей по университету, Черноморцевъ:

„Над річкою, над Кубанню виростало древо,
На тім древі седить пава;
Кричить пава: „запропала
Чорноморська слава!“

За тѣмъ слѣдуетъ искаженіе запорожской пѣсни:

„Запорозьці, добри молодьці, а де ваші коні?
„Наші коні в пана на приконі сті.

Къ стр. 30, строка 5 снизу. Если недовольствоваться чтеніемъ „уже *бо* Бѣда“ (ст. 23, стр. 26), затрудняясь частицею *бо*, то можно читать: „а уже *Побѣда* юего пасеть п'тичи“, принимая Побѣду за одно съ Бѣдою, или же предполагая здѣсь значѐніе „пораженіе его“. Относительно *п* вм. *б* въ предполагаемомъ *побѣда* ср. ниже стихъ 57, стр. 66 и 70—2 упуди вм. убуди.

Къ стр. 31—2. Вмѣсто предложеннаго мною *въсрашаютъ* или *въсорошаютъ*, можно бы читать и ближе къ чт. изд. 1800, именно *въсрашатъ* или *въсорошатъ*, отъ глагола $\frac{н}{н}$ *в(с)сорошити* или *въс(с)рашити* въ значеніи несовершенномъ, несмотря на предложность глагола.

Къ стр. 36, послѣ строки 4-й отъ конца прибавитъ: „азъ всѣм во обиде есм'“, Дан. Заточ. сп. Унд. Адамъ говоритъ въ аду: „се бо на земли сеи только въ малѣ час(ѣ) видихомъ добра и се уже в'тузѣ сеи многа лѣта въ обиде есме“ (до XVI в.). Пам. ст. р. лр. III, 12.

Къ стр. 67. Въ строкѣ 8 снизу, въ [Русьского злата посыпаша *ту*] *ту* слѣдуетъ уничтожить. Его нѣтъ въ 1-мъ изд., гдѣ съ *ту* начинается слѣдующій періодъ. Тоже и на стр. 80, строка 19.

Къ стр. 74. Послѣ 5 строки сверху:

Розлилися круті бережечки, гей, гей, по роздоллі;
Пожурились славні козаченьки, гей, гей, у неволі,
Ант. и Драгом. Ист. п. II, 50.

Къ стр. 80, послѣ 1-й строки снизу. Относительно гл. VII вообще (стихи 56—66): теперь мнѣ кажется, что ея единство сомнительно. Можно раздѣлить такъ: а) стихи 56—62; б) ст. 63—65. Ст. 63 одного содержанія съ 58. Затѣмъ періоды 66 и 67, начинающіеся съ *ту* могли бы быть отнесены къ слѣдующей главѣ какъ и предлагалось нѣкоторыми комментаторами. Въ такомъ случаѣ первое *ту* (66) дѣйствуетъ въ двѣ стороны: означая „въ гридьници Святославли“ оно связываетъ ст. 66 съ концомъ 65; становясь въ рядъ съ 3-мъ *ту* („Ту Игорь“... 67), подобно этому послѣднему, принимаетъ болѣе общее значеніе разномѣстности и разновременности чѣмъ либо связанныхъ между собою событій *) и, вмѣстѣ съ *а* („а Святославъ... видѣ“, 67) распредѣляетъ и сопоставляетъ событія на пѣсенный ладъ, о которомъ въ моей ст. „Мр. нар. п. по сп. XVI в.“ 33 слѣд.: „Тутъ Нѣмцы и пр. прославляютъ Святослава и оплакиваютъ Игоря...; тутъ самъ Игорь „высѣде“ и пр., а тутъ Святославъ увидѣлъ печальный сонъ.

Къ стр. 111, строка 10. Слѣдуетъ исправить интерпункцію ст. 84, поставивъ запятую послѣ *угорьскыи* и уничтоживъ ее послѣ *пълкы*, такъ что получится смыслъ: „высоко сидишь на своемъ... столѣ, подперши (имъ, этимъ *высокимъ* престоломъ) горы..., своими желѣзными полками заступивши (Угорскому) королю дорогу, меча бременами (т. е. этими же полками) черезъ облака (т. е. черезъ тѣже горы, покрытыя облаками, на Угорскую сторону).

Къ стр. 111, послѣ строки 19. *Буй*=нѣм. hehr, какъ и стар. *гърдъ* значитъ между прочимъ высокій, возвышенный: помилоуи оубо и мене, преблагыи владыко, недостоинаго твоıемоу грьдомоу и пр҃стому имени въслѣдовавшаго, XIV в. Бусл. Ист. Хр. 432; другое значеніе ib. 432: по гордѣи тои плѣнения бѣдѣ.

---

*) Ср. напр. «Тутъ свадьба, а тутъ похороны», что можетъ значить не только «въ одномъ мѣстѣ то, въ другомъ другое», но и «въ одинъ моментъ то, а въ другой, слѣдующій, другое»: Мр. «тут дощі, а тут треба косити». Ср. вр. вотъ; мр. як тут..., аж тут=аж ось=вр. какъ вотъ (случалось то-то).

Къ стр. 115, строка 4-я снизу: хочеть наю яти... а про что? а кое вина? Ип.[1] 99.

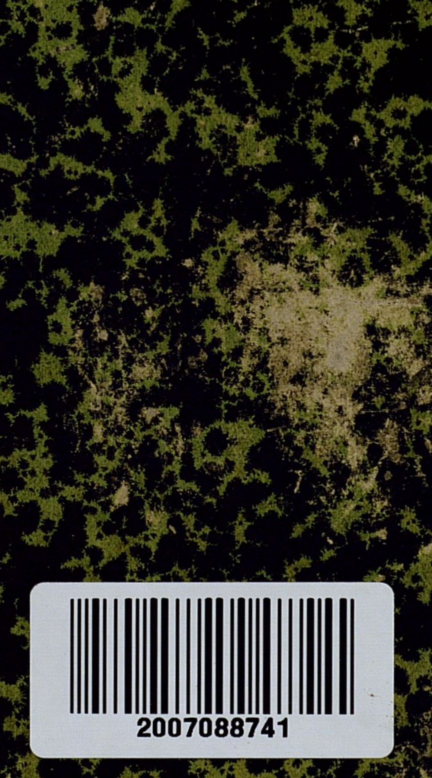
Къ стр. 147 послѣ строки 23. Гоголь, видъ дикой утки, и теперь очень часто встрѣчается по Донцу.

Къ стр. 148, строка 10 сверху. Вм. „нетако *ли*“ нѣкоторые читаютъ: „нетако ти“ (dath. eth.). Смыслъ получается удовлетворительный: „нетакова (вѣдь ты знаешь) рѣка Стугна“.

Замѣчены опечатки:

Стран.	Строка.	вмѣсто:	читай:
5 —	18	Кькъ	Какъ
7 —	14	бр. *трудиться* . .	вр. *трудиться*
8 —	2	противительное . .	противительное:
9 —	2	ироис-	проис-
10 —	22	марен	морем
13 —	4	пальцвеъ	пальцевъ
14 —	21	Купчанно	Купчанко
15 —	9	Ср. серб.	Ср. однако срб.
16 —	16	„свою	свою
— —	17	„ти	ти
17 —	25—6	случаю	случаи
— —	28	(во) ду(ли)ти . . .	(во)ду (ли)ти
21 —	35	имеми	имени
23 —	4—5	žeriti	žerėti
27 —	27	мѣсяцю	місяцю
28 —	28—9	кличать	кличеть
38 —	6	кретату	кречету
— —	18	о Дону	къ Дону
48 —	1	къ 66 и 85 . . .	къ 67 (стран. 86)
51 —	1	43—48	43—49
— —	7	48	49
— —	12	3—13	3 и 13.
52 —	18	15, 51, 78 . . .	15, 52, 79
— —	19	въ 94	въ 95
53 —	28	кйлия въ Канини .	килим въ Канині
— —	35	бытвы	битвы
54 —	35	также	такое же
— —	—	сложные	смежные
55 —	4	къ 52	къ 53

55 —	6—7	втав-ка, то она принадлежитъ переписчику	вставка, то она принадлежитъ не переписчику
56 —	16	моє;	моєі
60 —	23	дѣлили	дѣлали
61 —	30	какъ *смард* . . .	корню *смард*
— —	36	Гримлютъ	Гримлють
63 —	21	борзо	барзо
— —	23	козачька	козацька
65 —	4—5	*ничи-ти*	*ничи-ши*
70 —	30	было	была
72 —	34	горскаго	горкаго
82 —	3	хинови	Хинови
— —	21	*Забрла*	*Забрала*
86 —	23	(85)	(прим. къ 86)
91 —	35	(основаніе). Ст. 71.	(основаніе).
92 —	1	б) 71	б) 72
94 —	16	понятно	понято
99 —	32	полныя	неполныя
102 —	6	выражалось	выражается
— —	26	и онъ	онъ
— —	27	62, ...	64
103 —	26	роднт.	родит.
104 —	38	какъ *тума* . . .	какъ
105 —	23	scalanju	skałauju
107 —	4	кощья	кощья (-*е*-)
110 —	15	орудіями удалыми:	орудіями, удалыми
111 —	31	сердечешко	сердечушко
115 —	18	въ Посемье	въ Посемье,
123 —	22	ср. тягли	ср. нетягли
124 —	20	*воззпи* дурно . . .	„*воззни*“ дурно
131 —	23	пътичи	пътичю
139 —	28	*По ковилию* . . .	По ковылию
149 —	37	уже ина	уне ина.

2007088741